

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэзр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГПИУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГПИУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru
Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Site administrator A. V. Pustovalov,
content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Баженова Е. А. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРА М. П. КОТЮРОВОЙ	5
Вяткина С. В., Чу Цзинжу. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ	13
Зверева Ю. В. ЛЕКСИКА ПИТАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЗАЙМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ	23
Качинская И. Б. ПРИНЯТЫЕ – ЛЮДИ ПРОКЛЯТЫЕ: НОМИНАЦИЯ МУЖА, ПРИШЕДШЕГО ЖИТЬ В ДОМ ЖЕНЫ (по материалам архангельских говоров)	34
Мансур М. Х. С. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОСТИТУЦИЮ (на материале русского и арабского языков)	44
Моради М. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБАХ ИХ ПЕРЕВОДА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК	55
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	66
Бочкарева Н. С., Неклюдова А. Г. МОТИВНАЯ СТРУКТУРА И ОБРАЗЫ СТЕКЛЯННЫХ ПРЕСС-ПАПЬЕ В ПОВЕСТИ А. С. БАЙЕТТ «ДЖИН В БУТЫЛКЕ ИЗ СТЕКЛА “СОЛОВЬИНЫЙ ГЛАЗ”	66
Губецков О. Р. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЭРНСТА ЮНГЕРА «В СТАЛЬНЫХ ГРОЗАХ»	79
Даниленко Ю. Ю., Крендель А. Б. МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ ДИГИТАЛЬНОЙ ЭПОХИ	86
Кешарпу Е. В. ЭПТОН СИНКЛЕР ПРОТИВ ЛИТЕРАТУРНОГО РЫНКА: РЕЦЕПЦИЯ ТРАКТАТОВ «МЕДНАЯ МАРКА», «ИСКУССТВО МАММОНЫ» И «ДЕНЬГИ ПИШУТ!» В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ 1920-х ГОДОВ	94
Кучумова Г. В. РОМАН КЛАУСА ХОФФЕРА «У БИРЕШЕЙ» КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ РЕБУС	102
Поршнева А. С. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАВМЫ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «СЕМЬЯ ОППЕРМАН»	110
Самойленко Т. В. ЖАНР МИНИАТЮРЫ В ПОЭЗИИ ЛИ ЯНЬЛИНА	122
ЖУРНАЛИСТИКА	131
Абашев В. В., Печищев И. М. «ОТКРЫЛОСЬ НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО...»: ЛОКАЛЬНЫЕ УРБАНИСТИЧЕСКИЕ МЕДИА В ПРОИЗВОДСТВЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	131

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Bazhenova E. A. FUNCTIONAL-STYLISTIC RESEARCH OF PROFESSOR M. P. KOTYUROVA	5
Vyatkina S. V., Chu Jingru. EMOTIONAL-EXPRESSIVE PARENTHESSES AS A REFLECTION OF INFORMATION ASSESSMENT IN RUSSIAN AND CHINESE PUBLICISM	13
Zvereva Yu. V. FOOD VOCABULARY IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE: BORROWINGS FROM RUSSIAN DIALECTS OF THE PERM REGION	23
Kachinskaya I. B. A HUSBAND WHO CAME TO LIVE IN HIS WIFE'S HOUSE: DENOMINATION AND MOTIVATION (in Arkhangelsk Dialects)	34
Mansour M. H. S. LINGUO-CULTURAL RESEARCH ON PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS REPRESENTING PROSTITUTION (a Case Study of the Russian and Arabic Languages)	44
Moradi M. ON CLASSIFICATION OF COMMON GENDER NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR TRANSLATION INTO THE PERSIAN LANGUAGE	55
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	66
Bochkareva N. S., Neklyudova A. G. THE MOTIF STRUCTURE AND IMAGES OF GLASS PAPERWEIGHTS IN THE FAIRY STORY 'THE DJINN IN THE NIGHTINGALE'S EYE' BY A. S. BYATT	66
Gubetskov O. R. EXISTENTIALIST MOTIVES IN ERNST JÜNGER'S 'STORM OF STEEL' ...	79
Danilenko Yu. Yu., Krendel A. B. MASS LITERATURE IN MODERN RUSSIA: CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE	86
Kesharpu E. V. UPTON SINCLAIR AGAINST THE LITERARY MARKET: THE RECEPTION OF THE TREATISES 'THE BRASS CHECK', 'MAMMONART' AND 'MONEY WRITES!' IN THE AMERICAN PRESS, 1920s	94
Kuchumova G. V. THE GERMAN NOVEL 'BEI DEN BIERESCH' BY KLAUS HOFFER AS A POSTMODERN REBUS	102
Porshneva A. S. TRAUMA IN LION FEUCHTWANGER'S 'THE OPPERMANNS'	110
Samoilenko T. V. THE GENRE OF MINIATURE IN POETRY OF LEE YANLING	122
JOURNALISM	131
Abashev V. V., Pechishchev I. M. 'A NEW SPACE HAS OPENED...': LOCAL URBAN MEDIA IN THE URBAN ENVIRONMENT PRODUCTION	131

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'38

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОФЕССОРА М. П. КОТЮРОВОЙ****Елена Александровна Баженова****д. филол. н., зав. кафедрой русского языка и стилистики****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-код: 2117-6927

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9899-8408>

ResearcherID: L-9322-2017

*Статья поступила в редакцию 19.03.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Баженова Е. А. Функционально-стилистические исследования профессора М. П. Котюровой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 5–12. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12***Please cite this article in English as:***Bazhenova E. A. Funktsional'no-stilisticheskie issledovaniya professora M. P. Kotyurovoy [Functional-Stylistic Research of Professor M. P. Kotyurova]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 5–12. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12 (In Russ.)*

Проводится анализ научных достижений профессора Пермского государственного университета М. П. Котюровой в области функциональной стилистики. Раскрывается содержание разработанных ею понятий: *экстралингвистическая основа научного текста, эпистемическая ситуация, категории научного текста, эталонный научный текст, культура научной речи, принципы редактирования научного текста, индивидуальный стиль речи ученого* и др. Особое внимание уделяется целостной концепции экстралингвистических факторов научного текста, связанных с онтологическим, методологическим и аксиологическим компонентами научного знания. М. П. Котюровой доказано, что каждый из названных компонентов, получая выражение в научном тексте, обуславливает стилистическую специфику его смысловой структуры. Признается, что концепция экстралингвистических факторов научного текста имеет для функциональной стилистики программное значение, так как позволяет объяснить глубинные механизмы текстообразования в сфере научной коммуникации. Утверждается, что полученные М. П. Котюровой результаты опираются на теорию функциональных стилей М. Н. Кожинной и развивают эту теорию на основе методологии *трансдисциплинарного подхода*. Именно этот подход позволил М. П. Котюровой выявить и объяснить содержательно-смысловую структуру научного текста. Обсуждается ее вклад в разработку ряда категорий научного текста: *цельность, целостность, точность, некатегоричность, плотность* и др. Рассматривается концепция *индивидуального стиля речи ученого* и подчеркивается новаторство М. П. Котюровой в установлении связи между идиостилем и стилем мышления. Уделяется внимание ее идеям в области *культуры научной речи, редактирования научного текста*, а также в области *юридической лингвистики*, в рамках которой ею разработаны приемы функционально-стилистического анализа конфликтных текстов. Признаются заслуги М. П. Котюровой как главного редактора сборника научных трудов «Стереотипность и творчество в тексте», объединившего российских и зарубежных исследователей текста. Отмечается широта научных интересов М. П. Котюровой и ее большой вклад в развитие функциональной стилистики.

Ключевые слова: М. П. Котюрова; функциональная стилистика; научный текст; экстралингвистические факторы научного текста; эпистемическая ситуация; категории научного текста; стереотипность и творчество в тексте; индивидуальный стиль речи ученого; эталонный научный текст.

26 апреля 2019 г. исполнилось 80 лет Марии Павловне Котюровой – доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета, известному исследователю научной речи, внесшему весомый вклад в развитие российской функциональной стилистики.

На протяжении почти 40 лет главным объектом изучения М. П. Котюровой остается научный текст, который рассматривается ею в тесной взаимосвязи с научно-познавательной деятельностью ученого и продуктом этой деятельности – научным знанием. Опираясь на фундаментальные положения теории функциональных стилей М. Н. Кожиной, прежде всего на положение об экстралингвистической обусловленности стилей, М. П. Котюрова создала целостную концепцию экстралингвистических факторов научного текста, которые, во-первых, позволяют увидеть непосредственную связь экстралингвистической основы функционирования языка с реальной речью и, во-вторых, дают возможность интенсифицировать объяснительную силу теории функциональных стилей [Котюрова 1988: 19].

В ядре концепции М. П. Котюровой лежит понятие *эпистемической ситуации* – совокупности взаимосвязанных признаков научного знания, оказывающих влияние на формирование научного текста и определяющих его композиционно-смысловую и стилистико-речевую структуру [Котюрова 1996: 343]. С учетом субъектно-объектного содержания познавательной деятельности эпистемическая ситуация представлена М. П. Котюровой в виде четкой, минимизированной модели, отражающей три важнейших компонента научного знания: *онтологический*, *методологический* и *аксиологический*. Онтологический компонент соотносится с предметной стороной знания, аксиологический – с ценностной ориентацией ученого в процессе получения нового знания, методологический – с процедурной стороной исследования, т. е. подходами, методами и приемами получения и обоснования знания. В фундаментальных работах юбиляра установлено, что каждый из названных компонентов находит выражение в научном тексте посредством использования разноуровневых языковых единиц, объединенных общей целеустановкой и стилистико-прагматической функцией [Котюрова 1988, 1989].

Выявление экстралингвистической основы смысловой структуры научного текста и постижение закономерностей текстообразования стало возможным благодаря комплексному (трансдисциплинарному) подходу, потребовавшему преодолеть узколингвистическое понимание текста. М. П. Котюрова убеждена, что функционально-стилистическое объяснение тех или иных рече-

вых явлений в научном тексте должно осуществляться с учетом взаимодействия разнопорядковых систем, изучаемых в рамках различных смежных наук и научных направлений: лингвистики, психолингвистики, психологии, психологии научного творчества, психологии понимания, теории научного познания, науковедения, истории наук и научных открытий, формальной и диалектической логики и др. [Котюрова 2010: 11]. Все труды М. П. Котюровой, посвященные стилистике научного текста, доказывают продуктивность трансдисциплинарного подхода. Именно такой подход позволил установить воздействие на смысловую структуру научного текста как общих, универсальных, так и частных (и даже индивидуальных) экстралингвистических факторов и получить значимые для функциональной стилистики результаты, объясняющие механизмы текстообразования в научной коммуникации.

Принципиальным методологическим положением в концепции М. П. Котюровой является разносторонне аргументированный и проверенный на большом материале вывод, что функционально-стилистическая теория способна выполнить свою объяснительную функцию лишь при условии, если экстралингвистические факторы, *внешние* по отношению к тексту, понимаются как *внутренние*, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием научного текста [Котюрова 1988: 25].

М. П. Котюрова неоднократно акцентировала внимание на целостности эпистемической ситуации, системной взаимосвязи составляющих ее онтологического, методологического и аксиологического компонентов, поскольку исключение из системы хотя бы одного из них приводит к искажению объективных закономерностей получения научного знания и его выражения в тексте. Вместе с тем в реальной познавательной деятельности компоненты эпистемической ситуации нельзя обнаружить в «чистом» виде: они проявляются не изолированно, а взаимодействуют друг с другом в общей текстовой системе. Раздельное рассмотрение названных компонентов, как подчеркивает Мария Павловна, является лишь исследовательским приемом, необходимым для функционально-стилистической интерпретации научного текста.

Значимость понятия эпистемической ситуации, по нашему мнению, заключается, во-первых, в обосновании системного характера экстралингвистических факторов, создающих стилистическую специфику научного текста; во-вторых, в объяснении глубинных механизмов текстообразования в сфере научной коммуникации; наконец, в выявлении связи смысловой

структуры текста с научно-познавательной деятельностью ученого и продуктом этой деятельности – научным текстом. В настоящее время понятие эпистемической ситуации, поддержанное и развитое многими единомышленниками и последователями М. П. Котюровой, вошло в корпус фундаментальных понятий функциональной стилистики (см., напр.: [Баженова 2001; Данилевская 2005; Колесникова 2013; Дружинина, Ворожбитова 2014; Гребенюк 2015; Гричин 2017; Кушнина, Хабибрахманова 2018 и др.]). В связи с этим разработанную М. П. Котюровой концепцию экстралингвистической основы смысловой структуры научного текста можно назвать программной для развития речеведения, так как в ней названы и изучены важнейшие, неоспоримые факторы, оказывающие глубокое и разностороннее влияние на формирование как содержательно-смысловой, так и языковой сторон текста.

М. П. Котюрову отличает способность увидеть в научном тексте его неочевидные, но принципиально важные свойства. Так, еще в кандидатской диссертации, посвященной изучению связности научной и художественной речи [Котюрова 1974], молодой исследователь приходит к пониманию того, что научный текст включен в сам процесс мышления, поэтому связность соотносится не только с языковой компетенцией автора, но и с особенностями его научного мышления. Кроме того, как оказалось, конструкции связи двух соседних предложений нередко выполняют свою функцию лишь в пространстве всего произведения, поэтому стилистическому анализу должна подвергаться – наряду со структурой отдельного предложения, абзаца, сверхфразового единства – и макроструктура целого текста. Эти выводы более чем на десятилетие опередили развитие функциональной стилистики, которая в 70-х гг. XX в. находилась на этапе накопления материала и была ориентирована прежде всего на изучение стилистически значимых *языковых единиц*, в то время как *текстовые категории* начали изучаться только в конце 80-х гг. с введением понятия функциональной семантико-стилистической категории [Кожина 1987].

Понимание категориальной сущности связности, к которому Мария Павловна пришла в аспирантские годы, в дальнейшем стало стимулом для разработки категориальной стилистики научного текста, в рамках которой юбилеем изучены такие категории, как *цельность*, *целостность*, *точность*, *некатегоричность*, *плотность* и др. (см., напр.: [Котюрова 1992, 1997, 1998, 1999, 2000, 2003 и др.]). Нельзя не отметить преемственность идей и последовательность позиции ученого, когда новые проблемы реша-

ются с опорой на разработанные ранее понятия. Так, категория *точности*, которую М. П. Котюрова связывает с проявлением индивидуального стиля мышления автора, рассматривается ею как скрытый диалог между не-знанием и знанием, неопределенностью и определенностью научной мысли. Лингвостилистическим анализом речевого материала подтверждена закономерность, что действительно новое знание (рождение концепции, а затем ее выражение в тексте) даже у великих ученых почти всегда характеризуется неточностью изложения [Котюрова 2010: 136]. Этот «коммуникативно-психологический парадокс» разрешается в только что законченной статье, в которой показано, что неточность изложения при вербализации научного знания соотносится с действием психологического фактора – «принципом неравномерного формирования свойств научного текста в процессе достижения качества эталонности» [Котюрова 2019].

Очевидно, что для выявления новых стилистических закономерностей, характеризующих научный текст, было необходимо проникнуть в психологию познавательной деятельности. Поэтому абсолютно неслучайно, что одной из первых в стилистике М. П. Котюрова обратилась к проблеме *индивидуального стиля речи ученого*.

Авторскую индивидуальность Мария Павловна связывает не столько с отдельными – специфическими – языковыми единицами, явно свидетельствующими об индивидуальной речевой манере создателя текста, сколько с когнитивным феноменом – *доминирующим стилем мышления* автора [Котюрова 2011]. Фундаментальным постулатом концепции идиостилистики является следующее утверждение: «Понимание сущности текстообразования в сфере научно-познавательной деятельности не может быть достаточно глубоким, пока не учитываются особенности научного творчества и научного творческого мышления языковой личности автора» [там же: 36].

Стиль мышления (когнитивный стиль) интерпретируется в рамках этой концепции как «фонный», всеобъемлющий, наиболее общий фактор, лежащий в основе творческой речемышлительной индивидуальности языковой личности. Опираясь на новейшие работы психологов, М. П. Котюрова рассматривает особенности речевой индивидуальности посредством различения *дискретно-логического, континуально-психологического, метафорического и критического* стилей мышления. Именно стиль мышления детерминирует *индивидуальный стиль изложения*, понимаемый как «совокупность взаимосвязанных рече-текстовых единиц, фиксирующих как значимые, так и незначимые в познавательном отношении моменты когнитивного творчества

ученого» [Котюрова 2011: 68]. Как оказалось, идиостиль проявляется в притяжении, отборе и перестройке компонентов «старого», т. е. стереотипного, языкового материала, в установлении новых логико-семантических связей этих компонентов, создании новых языковых единиц (прежде всего терминов) и тем самым в получении и оформлении нового научного знания [там же].

Результаты исследования речевой индивидуальности ученого обобщены в модели идиостиля, разработанной М. П. Котюровой с учетом принципиально важных категорий научного текста: логичности / психологичности, связности / расчлененности, определенности / неопределенности, нейтральности / оценочности, монологичности / партитурности, категоричности / некатегоричности. При этом установлено, что индивидуальность речи – «качество не дискретно-равномерное, а континуальное, особенно ярко проявляющееся при описании нового, т. е. в моменты эмоционального переживания открытия либо новизны мысли» [там же: 17].

Анализируя «план выражения» идиостиля, М. П. Котюрова приходит к выводу, что *уникальность* использования языковых единиц в конкретном тексте в то же время сопряжена с его *стереотипностью*. Более того, лишь на фоне стереотипного изложения, осознаваемого автором текста как эталонное, и можно говорить об индивидуально-стилевой специфике целого текста или наиболее типичных его фрагментов.

Стремление разобраться в проблеме стереотипного и творческого в речи побудило Марию Павловну к изданию межвузовского научного сборника «Стереотипность и творчество в тексте» (Пермь, 1998–2017), главным редактором которого она оставалась на протяжении 20 лет. Вокруг ежегодника сформировался «уникальный творческий коллектив единомышленников» [Смулаковская 2005] – российских и зарубежных исследователей текста, которые поддерживают и развивают идеи М. П. Котюровой как представителя пермской научной школы функциональной стилистики.

О широте научных интересов юбиляра условно свидетельствует обращение к одной из новейших областей языкознания – *юридической лингвистике*. Интерпретация понятия *унижение чести, достоинства и деловой репутации*; определение реального автора текста, опубликованного соавторами; возможности применения функционально-стилистического анализа при филологической экспертизе конфликтных текстов – вот далеко не полный перечень вопросов, рассмотренных Марией Павловной в статьях, посвященных проблемам юрислингвистики (см., напр.: [Котюрова 2001, 2009 и др.]).

Значительным достижением М. П. Котюровой можно назвать разработку концепции *культуры научной речи* и обоснование понятия *эталонного научного текста*. В серии учебных пособий [Котюрова, Баженова 2008; Котюрова 2010; Котюрова, Соловьева 2017] представлены функционально-стилистические параметры научного текста, отвечающего современным требованиям, и предложена технология его редактирования и саморедактирования. В основе этой технологии лежит понимание редактирования как особого когнитивного процесса, доминантой которого является *внимание* на тексте, его форме и содержании. Нарушение специфических типов внимания (*волнообразного, челночного, скачкообразного, паутинового*) приводит к речевым погрешностям, т. е. отступлениям от функционально-стилевых норм научного изложения. В отличие от «школьных» ошибок, многие речевые погрешности поддаются выявлению, по мнению М. П. Котюровой, лишь при *целостном* внимании, которое, с одной стороны, предполагает фокусирование на отдельном компоненте текста (синтагме, высказывании), с другой – требует учитывать все содержание текста. Таким образом, специфика редактирующего чтения, по мнению исследователя, связана с опорой на *целостно-композиционное* мышление автора (при саморедактировании) или профессионального редактора.

Говоря о дидактических трудах М. П. Котюровой, важно отметить, что – в соответствии с основополагающими постулатами разработанной ею теории – в учебниках подчеркивается необходимость изучения стилистики научной речи от экстралингвистической основы к тексту. Профессор М. П. Котюрова показывает студенту, что современная функциональная стилистика использует самый широкий экстралингвистический контекст и с помощью комплексного метода объясняет природу смысловой структуры научного произведения. Такой подход имеет ряд существенных преимуществ. Во-первых, методологически точный ориентир помогает студенту понять специфику функциональных стилей и усвоить конструктивные принципы их языковой организации. Во-вторых, существенно расширяется представление о стилеобразующих факторах научного стиля, в число которых включается, помимо традиционных, тип мышления автора. И, наконец, реализованный подход имеет ярко выраженную практическую направленность, поскольку позволяет научить студентов приемам гармонизации содержания и формы текста.

В учебниках Марии Павловны прочитывается особое отношение к читателю-студенту. Автор придерживается проблемного изложения, не

упрощает постижение законов научного стиля, шаг за шагом формируя из читателя своего единомышленника. В этом проявляется мастерство не только исследователя, но и педагога, воспитавшего плеяду учеников, которые успешно защитили кандидатские диссертации.

В монографии, посвященной научному тексту XXI века [Котюрова, Соловьева 2017], отчетливо проявляется стремление М. П. Котюровой к объединению принципов классической функциональной стилистики с методологией антропоцентрической и дискурсивной лингвистики. По мнению юбиляра, дискурсивные изменения, характеризующие современную научную коммуникацию, вызваны социально-научными и гносеологическими факторами и порождают ряд новых проблем, среди которых наиболее острой является *проблема невостребованности знания*, причины которой, по мнению М. П. Котюровой, заключаются в следующем:

- девальвации научного знания, обусловленной значительным ростом количества научных работников и – как следствие – неизбежным информационным бумом;

- сужении научно-познавательной компетентности авторов, не умеющих превращать информацию в научное знание;

- обеднении качественных характеристик знания в связи с неполнотой экспликации в тексте эпистемической ситуации (в частности, отсутствие аксиологического компонента и недостаточность или неточность методологического содержания);

- избыточности эмпирического знания и недостатке теоретического, методологически разработанного знания;

- нарушении традиционных стилевых норм научной речи в силу актуализации обыденного сознания и др. [там же: 14–20].

М. П. Котюрова приходит к выводу, что в новых дискурсивных условиях коммуникативно-познавательной деятельности изменяется и представление об эталонном научном тексте: с одной стороны, это понятие может быть соотнесено с *ментальной моделью* текста, абстрагированной от конкретных языковых единиц, функционирующих не только строго в пределах этой модели, но и хаотично, подвергаясь флуктуациям. С другой стороны, понятие эталонного текста, содержащее оценочную коннотацию, может быть применено к реальному тексту определенного жанра и тематического содержания в качестве образца или коммуникативного идеала. В названной монографии объясняются важнейшие свойства образцового текста – целостность содержания, речевая системность, стереотипность, оценочность и др. На основе анализа научных произведений

разных жанров автором многосторонне доказано, что «эталонный научный текст – это гетерогенная система открытого типа, имеющая внешний источник энергии в окружающей как лингвистической, так и экстралингвистической среде» [там же: 72].

Нельзя не отметить, что все работы М. П. Котюровой объединяет бережное отношение к научному наследию своего учителя Маргариты Николаевны Кожинной и стремление к творческому развитию ее идей. Анализ многочисленных трудов юбиляра (более 300!) убеждает в том, что функциональная стилистика обрела в лице М. П. Котюровой не только преемника идей создателя пермской школы функциональной стилистики (см.: [Баженова, Котюрова 2016]), но и подлинного новатора, продвинувшего теорию речеведения на новый уровень понимания закономерностей функционирования языка в его стилевых разновидностях, прежде всего в научной речи. В связи с этим отдельного внимания заслуживают размышления Марии Павловны, развивающие фундаментальное для функциональной стилистики понятие *речевой системности* применительно к тексту как «системе более содержательной, а не абстрактной, отвлеченной от конкретных текстов, какой является система функционального стиля» [там же: 49]. Признавая бесспорность принципа речевой системности, действующего во всех разновидностях речи, М. П. Котюрова в то же время подчеркивает, что объяснительный потенциал понятия «речевая системность» далеко не исчерпан.

На основе синергетического подхода М. П. Котюрова существенно углубляет понимание речевой системности научного текста посредством выявления диалектических связей между составляющими ее понятиями: *системность – стереотипность, относительная устойчивость – эластичность – динамичность, закрытость – открытость, континуальность – градуальность* [там же: 49–51]. Признавая сложность, объемность и неисчерпаемость понятия речевой системности, сама Мария Павловна демонстрирует блестящее системное мышление, позволившее ей представить речевую системность в четкой, упорядоченной модели, объясняющей содержательно-смысловую и языковую стороны научного текста.

В заключение хотелось бы отметить привлекательные черты индивидуального стиля М. П. Котюровой, отличающегося плотностью содержания и строгой логичностью, ясностью речевого воплощения в тексте нетривиальных концепций и глубиной обоснования теоретических положений, метафоричностью мышления и бережным отношением к адресату.

Поздравляя Марию Павловну с юбилеем и признавая ее заслуги перед функциональной стилистикой, пожелаем ей здоровья и творческого долголетия, чтобы и дальше идти на шаг впереди в постановке и решении новых вопросов речеведения.

Список литературы

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 282 с.

Баженова Е. А., Котюрова М. П. Пермская научная школа функциональной стилистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2(34). С. 140–148.

Гребенюк Н. И. Стилистика русского научного дискурса. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 179 с.

Гричин С. В. Авторизационная модель научного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2017. 347 с.

Данилевская Н. В. Роль оценки в механизмах развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 380 с.

Дружинина В. В., Ворожбитова А. А. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев). М.: ФЛИНТА, 2014. 146 с.

Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2. С. 35–41.

Колесникова Н. И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования. М.: ФЛИНТА, 2013. 411 с.

Котюрова М. П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1974. 174 с.

Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

Котюрова М. П. Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания (функционально-стилистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 1989. 488 с.

Котюрова М. П. Содержание понятия «категория» в функциональной стилистике // Systematyzacja pojęć w stylistyce. Opole: OSPU, 1992. С. 37–42.

Котюрова М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля рус-

ского литературного языка XVIII–XX вв.: в 3 т. Т. II: Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Ч. 1. С. 341–370.

Котюрова М. П. Точность речи в аспекте индивидуального стиля мышления ученого // Stylistyka–VI. 1997. С. 345–360.

Котюрова М. П. Научный текст и его цельность // Stylistyka–VII. 1998. С. 329–341.

Котюрова М. П. Категоричность / некатегоричность как свойство индивидуального стиля речи ученого // Текст: узоры ковра. Вып. 4, ч. 2: Актуальные проблемы исследования разных типов текста. СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 1999. С. 133–136.

Котюрова М. П. Градуальность как принцип организации текстовых категорий // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2000. С. 406–414.

Котюрова М. П. Юрислингвистические этюды // Вуз: XXI век. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. Вып. 2. С. 26–33.

Котюрова М. П., Самойлова И. В. Плотность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. Вып. 6. С. 120–139.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта: Наука, 2008. 279 с.

Котюрова М. П. Интерпретация конфликтного журналистского текста в судебном дискурсе // Этика речевого поведения российского журналиста. СПб.: Астерион, 2009. С. 105–134.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 240 с.

Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / Перм. ун-т. Пермь, 2011. 394 с.

Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. 204 с.

Котюрова М. П. О модели «качество научного текста» (к уточнению понятия «логичность – психологичность») // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2019. (В печати).

Кушникова Л. В., Хабибрахманова Ф. Р. Способы экспликации эпистемической ситуации в тексте научной аннотации // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2018. Т. 28, вып. 2. С. 260–268.

Смулаковская Р. Л. Пермские межвузовские сборники научных трудов «Стереотипность и творчество в тексте» // Стил. 2005. С. 415–419.

References

- Bazhenova E. A. *Nauchnyy tekst v aspekte politkstual'nosti* [Scientific text in the aspect of polytextuality]. Perm, Perm State University Press, 2001. 282 p. (In Russ.)
- Bazhenova E. A., Kotyurova M. P. Permskaya nauchnaya shkola funktsional'noy stilistiki [Perm school of thought in functional stylistics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 2(34), pp. 140–148. (In Russ.)
- Grebenyuk N. I. *Stilistika russkogo nauchnogo diskursa* [Stylistics of Russian scientific discourse]. Stavropol, North-Caucasus Federal University Press, 2015. 179 p. (In Russ.)
- Grichin S. V. *Avtorizatsionnaya model' nauchnogo teksta*. Diss. dokt. filol. nauk [The authorization model of scientific text. Dr. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2017. 347 p. (In Russ.)
- Danilevskaya N. V. *Rol' otsenki v mekhanizmax razvertyvaniya nauchnogo teksta* [The role of evaluation in deployment mechanisms of scientific text]. Perm, Perm State University Press, 2005. 380 p. (In Russ.)
- Druzhinina V. V., Vorozhbitova A. A. *Lingvistoricheskie parametry idiosilya kak vyrazhenie mentaliteta yazykovoy lichnosti uchenogo (A. F. Losev)* [Linguistic and rhetoric parameters of idiosyle as an expression of the mentality of a scientist's language personality (A. F. Losev)]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 146 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. O funktsional'nykh semantiko-stilisticheskikh kategoriakh teksta [On functional semantic and stylistic text categories]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1987, issue 2, pp. 35–41. (In Russ.)
- Kolesnikova N. I. *Lingvodidakticheskaya kontseptsiya formirovaniya zhanrovoy kompetentsii uchashchikhsya v sisteme nepreryvnogo yazykovogo obrazovaniya* [The linguodidactic concept of forming the genre competence of students in the system of continuous language education]. Moscow, FLINTA Publ., 2013. 411 p. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. *Lingvisticheskoe vyrazhenie svyaznosti rechi v nauchnom stile (sravnitel'no s khudozhestvennym)*. Diss. kand. filol. nauk [The linguistic expression of coherence in the scientific style (compared with the fiction). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1974. 174 p. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. *Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovy struktury nauchnogo teksta (Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt)* [On the extralinguistic foundations of the semantic structure of the scientific text (Functional-stylistic aspect)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Press, 1988. 170 p. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. *Smyslovaya struktura russkogo nauchnogo teksta i ee ekstralingvisticheskie osnovaniya (funktsional'no-stilisticheskiy aspekt)*. Diss. dokt. filol. nauk [The semantic structure of Russian scientific text and its extralinguistic foundations (functional-stylistic aspect). Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 1989. 488 p. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Soderzhanie ponyatiya «kategoriya» v funktsional'noy stilistike [The concept of 'category' in functional stylistics]. *Systematyzatsiya poeoc w stylistyce* [Systematization of concepts in stylistics]. Opole, OSPU Publ., 1992, pp. 37–42. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Vyrazhenie epistemicheskoy situatsii v periferiynykh tekstakh tselogo proizvedeniya [Expression of the epistemic situation in the peripheral texts of the whole work]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka 18–20 vv. V 3 t.* [Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the 18th–20th centuries. In 3 vols.]. Perm, Perm State University Press, 1996, vol. 2. *Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)* [The stylistics of a scientific text (general parameters)], pt. 1, pp. 341–370. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Tochnost' rechi v aspekte individual'nogo stilya myshleniya uchenogo [The accuracy of language in the aspect of a scientist's individual style of thinking]. *Stylistics*, 1997, issue 6, pp. 345–360. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Nauchnyy tekst i ego tsel'nost' [Scientific text and its integrity]. *Stylistics*, 1998, issue 7, pp. 329–341. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Kategorichnost' / nekategorichnost' kak svoystvo individual'nogo stilya rechi uchenogo [The categorical / non-categorical nature as a property of a scientist's individual writing style]. *Tekst: uzory kovra. Vyp. 4. Ch. 2: Aktual'nye problemy issledovaniya raznykh tipov teksta* [Text: Carpet patterns. Issue 4. Pt. 2: Current issues of research on different types of text]. St. Petersburg, Stavropol, Stavropol State University Press, 1999, pp. 133–136. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Gradual'nost' kak printsip organizatsii tekstovykh kategoriy [Graduality as a principle of organizing text categories]. *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2000, pp. 406–414. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. Yurilingvisticheskie etyudy [Legal linguistic studies]. *Vuz: XXI vek* [University: the 21st century]. Perm, Perm State University Press, 2001, issue 2, pp. 26–33. (In Russ.)
- Kotyurova M. P., Samoylova I. V. Plotnost' nauchnogo teksta [The density of a scientific text]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and creativity in a text]. Perm, Perm State University Press, 2003, issue 6, pp. 120–139. (In Russ.)
- Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i ego redaktirovanie* [Culture

of scientific writing: text and editing]. Moscow, Flinta Publ., 2008. 279 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. Interpretatsiya konfliktogenogo zhurnalistskogo teksta v sudebnom diskurse [The interpretation of conflict journalistic text in court discourse]. *Etika rechevogo povedeniya rossiyskogo zhurnalista* [Ethics of speech behavior of a Russian journalist]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009, pp. 105–134. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoy rechi* [Scientific speech stylistics]. Mocsow, Academia Publ., 2010. 240 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Solov'eva N. V. *Idiostilistika nauchnoy rechi. Nashi predstavleniya o rechevoy individual'nosti uchenogo* [Idiostylistics of scientific writing. Our ideas about the scientist's writing individuality]. Perm, Perm State University Press, 2011. 394 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Solov'eva N. V. *Sovremennyy nauchnyy tekst (skvoz' prizmu diskursivnykh izmeneniy)* [Modern scientific text (through the prism

of discursive change)]. Perm, Perm State University Press, 2017. 204 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. O modeli «kachestvo nauchnogo teksta» (k utochneniyu ponyatiya «logichnost' – psikhologichnost'») [On the model “quality of scientific text” (to clarify the concept of “consistency – psychology”)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald. Humanities research], 2019. (In print). (In Russ.)

Kushnina L. V., Khabibrakhmanova F. R. Sposoby eksplikatsii epistemicheskoy situatsii v tekste nauchnoy annotatsii [Ways of the epistemic situation explication in the text of a scientific abstract]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2018, vol. 28, issue 2, pp. 260–268. (In Russ.)

Smulakovskaya R. L. Permskie mezhvuzovskie sborniki nauchnykh trudov «Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste» [Perm intercollegiate collections of scientific papers “Stereotypes and creativity in texts”]. *Stil*, 2005, pp. 415–419. (In Russ.)

FUNCTIONAL-STYLISTIC RESEARCH OF PROFESSOR M. P. KOTYUROVA

Elena A. Bazhenova

Head of the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-code: 2117-6927

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9899-8408>

ResearcherID: L-9322-2017

Submitted 19.03.2019

The article analyzes scientific achievements of the Perm State University Professor M. P. Kotyurova in the field of functional stylistics. It discusses the content of the concepts developed by her, such as the *extra-linguistic basis of scientific text*, the *epistemic situation*, *categories of scientific text*, the *reference scientific text*, *culture of scientific writing*, *principles of editing scientific text*, the *individual style of a scientist's writing*, etc. Special attention is paid to the holistic concept of extra-linguistic factors of scientific text related to the ontological, methodological and axiological components of scientific knowledge. M. P. Kotyurova proved that each of these components, being expressed in a scientific text, determines the stylistic specificity of its semantic structure. It is recognized that the concept of extra-linguistic factors of scientific text is of keynote importance for functional stylistics, since it allows explaining the underlying mechanisms of text-formation in scientific communication. It is argued that the results obtained by M. P. Kotyurova are based on the theory of functional styles by M. N. Kozhina and develop this theory based on the methodology of the *transdisciplinary approach*. It was this approach that allowed M. P. Kotyurova to identify and explain the structure of scientific text. The paper discusses contribution of M. P. Kotyurova to the development of a number of scientific text categories: *integrity*, *accuracy*, *non-categorical nature*, *density*, etc. It considers the concept of a *scientist's individual writing style* and emphasizes M. P. Kotyurova's innovation in establishing the connection between the individual style and the cognitive style. Furthermore, considered are M. P. Kotyurova's ideas in the field of the *scientific writing culture*, *scientific text editing*, as well as *legal linguistics*, in the framework of which the researcher has developed methods of functional-stylistic analysis for conflict texts. The merits of M. P. Kotyurova as the editor-in-chief of the series *Stereotypes and Creativity in Texts*, which united Russian and foreign researchers of text, are recognized. The breadth of M. P. Kotyurova's scientific interests and her great contribution to the development of functional stylistics are noted.

Key words: M. P. Kotyurova; functional stylistics; scientific text; extra-linguistic factors of scientific text; epistemic situation; semantic structure of scientific text; categories of scientific text; stereotypes and creativity in the text; individual style of the scientist's writing; reference scientific text.

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-13-22

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ¹

Светлана Вадимовна Вяткина

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. s.vyatkina@spbu.ru

SPIN-код: 9891-4382

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6505-1293>

ResearcherID: O-6981-2015

Чу Цзинжу

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. chu.jingru@yandex.ru

SPIN-код: 1340-9086

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8006-3997>

ResearcherID: Q-8945-2017

Статья поступила в редакцию 27.02.2019

Про́сьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вяткина С. В., Чу Цзинжу. Эмоционально-экспрессивные вставные конструкции как отражение оценки информации в русской и китайской публицистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 13–22. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-13-22

Please cite this article in English as:

Vyatkina S. V., Chu Jingru. Emotsional'no-ekspressivnye vstavnye konstruksii kak otrazhenie otsenki informatsii v russkoy i kitayskoy publitsistike [Emotional-Expressive Parentheses as a Reflection of Information Assessment in Russian and Chinese Publicism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 13–22. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-13-22 (In Russ.)

Представлены результаты сопоставительного анализа употребления вставных конструкций (ВК) как средства передачи экспрессии и эмоциональной оценки в русском и китайском публицистических текстах в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. Исследование проведено на материале параллельных текстов на русском и китайском языках из журнала «Россия и Китай» за 2009–2016 гг. Внимание сосредоточено на рассмотрении степени выраженности субъективного начала, проявляющегося в использовании эмоционально-экспрессивных вставных конструкций в оригинальных и переводных публикациях, при передаче информации в текстах разных жанров, а также на выявлении причин передачи разных квантов информации при помощи ВК. Анализ текстов различных публицистических жанров показал, во-первых, преимущественное использование анализируемых конструкций в публикациях, допускающих проявление субъективного начала: в очерках, интервью и аналитических статьях; во-вторых, на основе анализа контекста употребления эмоционально-экспрессивных ВК определена специфика их использования в соотношении с особенностями СМИ в двух странах и этнопсихологическими характеристиками пишущих.

В результате анализа установлено более частое использование эмоционально-экспрессивных ВК в русских текстах, чем в китайских, что отражает разные позиции авторов и переводчиков в связи с разными традициями публицистики и особенностями национального менталитета: благодаря демократизации российского общества в русских текстах ВК являются распространенным средством открытого выражения оценки излагаемых фактов, в то время как в китайских текстах отмечается сдержанное речевое поведение переводчика / автора при передаче информации в соответствии со строгим контролем правительства КНР над СМИ и сильным воздействием конфуцианской идеи «золотой середины».

Ключевые слова: эмоционально-экспрессивная вставная конструкция; лингвокультурологический аспект; когнитивный аспект; публицистика; экспрессивность; оценка; толерантность.

Динамизм, изменчивость, во многом связанные с демократизацией современного общества, и как результат дробная, фрагментарная, мозаичная картина мира, творимая журналистами, – главные свойства современной публицистики [Солганик 2005: 21]. Демократизация жизни в России проявляется, с одной стороны, в значительном количестве негосударственных (наряду с государственными) СМИ, обсуждающих различные информационные поводы, с другой – в представленности не только отечественных, но и западных средств массовой информации, которые «оказывают значительное влияние на отечественную журналистику и на формы вещания, подачи материалов и даже на ее язык» [Грабельников 2008: 3–4], что стимулирует выражение свободы в организации и функционировании печати, а журналисту позволяет проявлять авторское начало в тексте и вносить в него больше эмоций и экспрессивности.

«Социальная оценочность – одна из главных особенностей языка газеты (публицистики), нуждающейся не только в номинации явлений, фактов, событий, но и в их социальной оценке, интерпретации» [Солганик 2003: 313], характерная для российских изданий. Явная авторская оценка, передача эмоционального отношения к излагаемой информации во многом определяют политику издания.

Китайский публицистический стиль, по определению Ван Сицзэй (王希杰), – это стиль пропаганды и побуждения, поэтому экспликация оценочности выступает как мощное средство воздействия и агитации [Ван Сицзэй 1983: 321–322]; логическое обсуждение тем сопровождается экспрессивными языковыми средствами на различных языковых уровнях [Ван Яохой 1995: 42–43], при этом наблюдается и ориентация на строгую цензуру (в КНР вся информация распространяется по указанию и разрешению соответствующих органов, контролируемых КПК), что в определенной степени ограничивает творческую свободу авторов. Действительность принятой в последнее время рыночной экономики и внешнеэкономические интересы Китая посте-

пенно изменяют идеологические схемы, «в прошлом стандартная для всех СМИ политическая информация дополняется подробностями из жизни зарубежной и местной политической элиты, напрямую затрагиваются острые внутривнутриполитические темы <...> Пресса и телевидение стали более адресными, отвечающими политическим и культурным запросам разнообразных групп населения» [Дубовик 2015: 67–69].

Такой тенденции отвечают анализируемые в данной статье **параллельные** тексты (на одной странице размещены публикация и ее перевод) на русском и китайском языках, представленные в «толстом» (90 и более страниц) политическом полижанровом журнале «Россия и Китай» за 2009–2016 гг. (далее – РИК), который редактируется Владимиром Бережных и Чжоу Жунгуан (周荣广) из Шэньянского Китайско-Российского Центра торгово-экономического сотрудничества.

Для сопоставительного анализа явленности субъективно-оценочного компонента публицистического текста избраны вставные конструкции (далее – ВК) – «включенные в состав предложения слова, словосочетания, предложения, которые прерывают ход выражения мысли ассоциативно возникающими уточнениями, пояснениями, дополнениями и замечаниями» [Вяткина 2014: 49]. В интерпретации термина «вставная конструкция» лингвисты [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Ван Хуаюйнь 2001] достаточно единодушны: «вставные элементы служат для выражения каких-то добавочных, попутных замечаний, уточнений, поправок и т. п. к основному сообщению», обладают, в отличие от вводных конструкций, объективно-пояснительным значением [Распопов 1984: 269]. Схожей интерпретации придерживаются и китайские лингвисты [Люй Шусян 2002: 257–259].

ВК как прием нелинейной подачи информации в текстах русских газет начали распространяться в XVIII в. [Вяткина 2001а: 136–141]; в XIX в. в связи с влиянием разговорной речи на письменный синтаксис отмечается тенденция к синтаксической самостоятельности слов во ВК от базового предложения; в XX в. ВК в публици-

стике употребляются как прием максимальной компрессии информации [Вяткина 2001б]; в данный период функционирование ВК в текстах разных стилей определяется разными интенциями авторов (познакомить читателя с реалиями других стран, дать толкование заимствованных слов, ссылку на источник информации, облегчить текст за счет включения во вставку избыточной информации). В современных публицистических текстах, по сравнению с употреблением ВК конца XX в., постепенно «начинает проявляться субъект автора, интенцией которого является не столько разъяснение, уточнение информации базовой структуры, сколько передача избыточной информации», отражающей авторское присутствие, благодаря чему ВК служат дополнительным средством раскрытия духовного мира автора [там же: 53–54].

Методом сплошной выборки в 22 выпусках журнала «Россия и Китай» за 2009–2016 гг. выявлено 1680 ВК в русских текстах и 1371 ВК в китайских. Очевидным является количественное несоответствие рассматриваемых конструкций в параллельных текстах, что определяет актуальность предпринятого исследования в лингвокультурологическом (выход на сопоставление разных языковых картин мира) и когнитивном (способы адекватной передачи информации) аспектах. Цель предпринятого сопоставительного анализа употребления ВК в публикациях на русском и китайском языках состоит в выявлении степени выраженности субъективного отношения журналиста / переводчика к передаче информации в публицистических текстах разных жанров.

В соответствии с характеристикой функций ВК вставки в журнале «Россия и Китай» содержат информацию, необходимую для адекватного восприятия текста читателями, или указание на источник информации, что делает переданные сведения объективными [там же: 50, 52–54]: 1) пояснение, например: *Сегодняшнее предприятие с современными производственными линиями опирается на многовековой опыт и поэтому получило звание «Лао зи хао» (т. е. старинная китайская марка)*. (РиК 2014, № 13: 48); 2) мотивацию, например: *Пока заявка Ирана на вступление в ШОС под вопросом (из-за пребывания исламской республики под санкциями Совбеза ООН), зато вступление Индии и Пакистана в ШОС серьезно укрепляет позиции этой организации* (РиК 2014, № 15: 20); 3) ссылку на источник, см. например: <...> *Евросоюз впал в затяжной системный кризис менее чем через четверть века с момента своего юридического оформления в его нынешнем виде (Маастрихт-*

ский договор – вступил в силу 01.01.1993). ВК в данных функциях не содержат эмоционально-экспрессивного компонента, появление которого характерно для некоторых вставок, расширяющих информацию базового предложения дополнительными сведениями или авторскими комментариями. Например, автор дает попутные замечания по поводу информации базового предложения, при этом проявляя свою позицию. Так возникают эмоционально-экспрессивные вставки, оформленные многоточием, восклицательным или вопросительным знаками: *Только такие шаги со стороны Японии могут в будущем привести к прощению японского народа народами Китая, Кореи и других азиатских стран, где японская военицина совершила не менее ужасающие преступления, не уступающие по своей жестокости (а часто – и превосходящие их...) преступлениям немецких фашистов* (РиК 2015, № 17: 12).

Вопрос об эмоционально-экспрессивной выразительности ВК затронут в работах русских и китайских исследователей (см.: Л. Г. Кайда [Кайда 2006], У Цзуйсян (吴菊香) [У Цзуйсян 2015]). Г. Н. Акимова, например, отмечает, что скобочные вставки могут выполнять экспрессивно-эмоциональные задачи в публицистическом и поэтическом текстах [Акимова 1990: 107]; по наблюдениям Жень Цзюнь (任军), скобки обогащают текст подтекстной информацией и выражают эмоции автора [Жень Цзюнь 2012: 65–67]. Анализ издания «Россия и Китай» показал, что эмоционально-экспрессивными являются около 8 % (65) ВК в русских текстах и около 6 % (40) ВК в китайских текстах.

При рассмотрении соответствий / несоответствий оригинальных текстов и их переводов необходимо учитывать жанровую дифференциацию текстов в журнале. На основе классификации жанров, предложенной А. А. Тертычным [Тертычный 2000], в рассмотренных выпусках журнала «Россия и Китай» выявлено 10 колонок редактора, 39 аналитических статей, 35 очерков, 70 аналитических статей, 35 интервью, 24 заметки, 27 рекламных текстов. Соотношение жанров и количества экспрессивных ВК в текстах на двух языках представлено в таблице.

Полученные данные демонстрируют предпочтительное использование ВК в аналитической статье, очерке, интервью, колонке редактора (см. выделенные цифры), т. е. в жанрах, допускающих активное личностное начало и проявление эмоциональности автора, что не соотносится с собственно информационными жанрами (информационные статья, заметка) и рекламными текстами.

Использование ВК в параллельных публицистических текстах различных жанров
The Use of Parentheses in Parallel Publicistic Texts of Various Genres

Жанр публикации	Количество текстов	Экспрессивные ВК в русских текстах	Экспрессивные ВК в китайских текстах
Информационная статья	70	1	0
Очерк	35	23	17
Интервью	35	24	12
Аналитическая статья	39	11	8
Рекламный текст	27	1	1
Заметка	24	1	1
Колонка редактора	10	5	1
Итого	240	66	40

Примечание: выделения относятся к жанрам с экспрессивными функциями.

Выявленные в публикациях журнала экспрессивно-эмоциональные ВК, использованные в параллельных текстах, с точки зрения соответствия оригинала и перевода делятся на следующие три группы: 1) оригинал и перевод полностью совпадают, т. е. автор и переводчик помещают в скобки одинаковые кванты информации и однотипно оформляют их пунктуационно (28 примеров, или 42,42 %, если за 100 % принять все случаи употребления эмоционально-экспрессивных ВК в рассмотренных параллельных текстах), – 1-я группа; 2) перевод отличается от оригинала пунктуационным оформлением, что приводит к снятию оценочности и / или экспрессивности вставок (21 пример, или 31, 82 %), – 2-я группа; 3) в одном тексте присутствуют ВК, а в другом вся соответствующая информация в скобках или ее часть опускается, при этом претерпевает изменение и пунктуация, что показывает смысловое неравновесие двух текстов (17 примеров, или 25,76 %), – 3-я группа.

Первая группа (42,42 % случаев использования эмоционально-экспрессивных ВК) демонстрирует полное смысловое совпадение включения ВК в оригинальный и переводной тексты. Например:

1. В очерке речь идет об истории России, мало знакомой китайскому читателю: *В этом завещании Пономарев выделил миллион рублей (огромную по тем временам сумму!) на дело просвещения в Сибири <...>* – 在这份遗嘱中, 波诺马廖夫拿出100万卢布(那时是一笔巨大的金额!) <...> (РиК 2016, № 22: 71). Введенная в русский текст ВК синтаксически связана с базовым предложением, уточняет прямое дополнение *миллион рублей*, при этом имеет дополнительную оценочную коннотацию (оценочное прилагательное *огромная* и восклицательный знак, оформляющий вставку, для привлечения внимания читателя к информации о значительности тогдашней суммы денег).

2. Эмоционально окрашенная ВК в аналитической статье дополняет и конкретизирует информацию о бедных районах Китая, чтобы реципиент получил объективное представление о ситуации: *同时, 坚决打赢脱贫攻坚战, 中国现行标准下的农村贫困人口实现脱贫, 贫困县全部摘帽(至少有7000万人!)*。(РиК 2016, № 19: 9) – *При этом ставится амбициозная задача по снижению бедности сельских жителей, живущих за чертой бедности, по борьбе с нищетой во всех бедных уездах и районах Китая (а это, как минимум, 70 млн человек!)* (РиК 2016, № 19: 8–9). Восклицательный знак во вставке является, с одной стороны, средством выражения чувства удивления, возникающего от приведенных цифр (70 млн человек), с другой – обращает внимание читателя на основную информацию базового предложения – амбициозность и сложность поставленной задачи. Тождественность подачи информации связана с необходимостью дать фоновую информацию о фактах, которые вряд ли знакомы читателю, что соответствует целям автора и переводчика.

Анализ материала показал, что однотипное употребление эмоционально-экспрессивных ВК наблюдается в текстах интервью, очерков и в аналитических статьях. При этом необходимо отметить и тот факт, что тематика всех публикаций связана с описанием и характеристикой социальной действительности России и Китая. В межкультурной коммуникации авторы и переводчики стремятся воспринять чужую культуру и тем самым способствуют ее распространению среди своих читателей без потери эмоционального смысла.

Во второй группе случаев введения в текст эмоционально-экспрессивных ВК (31,82 %) фиксируется неполное соответствие оригинального и переводного текстов – изменяется пунктуационное оформление ВК. Различное пунктуационное оформление вставок изменяет их эмо-

циональное воздействие на читателя, например: *Виновных в этом убийстве, как и в случае с сожжением заживо (как в концлагере!) более 40 человек в Одессе год назад, украинские власти не нашли...* (РиК 2015, № 17: 11), вставка переводится дословно, но восклицательный знак во вставке при переводе опускается: 而这起凶案的罪犯和一年之前发生在敖德萨 (就像在纳粹集中营中那样) <...> (РиК 2015, № 17: 12). Экспрессивность ВК в тексте оригинала определяется контекстом ее введения (нерасследованное убийство сопоставляется с фактом массовой гибели людей) и проведением параллели между трагическими событиями в Одессе и чудовищными преступлениями фашистов, что эмоционально подчеркивается использованием восклицательного знака во вставке-попутном замечании. Автору статьи важно акцентировать внимание читателя на безразличии украинских властей, игнорирующих бесчеловечность, жестокость самого факта сожжения живых людей в ХХI в., поскольку подобное ассоциируется только с преступным фашизмом. Текст перевода лишен эмоциональной окраски, соответственно экспрессивный потенциал вставки снижен. Причиной сдержанности переводчика является осторожность в оценке действий третьей стороны – украинского государства, что соответствует государственной политике КНР.

В следующем подобном примере из аналитического интервью в переводе опущены местоименное наречие и многоточие: *Двухпартийная система формирования власти, которая есть в Америке (и которой она так гордится...)* – она, эта система, наверное, отвечает американским условиям, но отнюдь не китайским. *Формирование власти в Китае по американской модели приведет к развалу Китая* (РиК 2016, № 19: 27). – *Американская система (该国以此为豪)* <...> (РиК 2016, № 19: 25). Базовое предложение констатирует тот факт, что американская система власти неприемлема для Китая, а с помощью ВК-попутного замечания в русском варианте контрастно подчеркивается отношение США к своей системе, но многоточие – сигнал читателю: можно задуматься, стоит ли считать данное мнение авторитетным (противоположность оценок, точек зрения, позиций России и США часто находят отражение в российских СМИ). Китайская пресса в целом занимает сдержанную позицию по отношению к США, поэтому во вставке в китайском переводе многоточие не используется, местоименное наречие *так* опущено, что снимает эмоциональную окраску ВК, сохраняет лишь информацию пояснительного характера: Америка гордится своей двухпартийной системой. Китай-

ский переводчик придерживается политики «золотой середины» и тактики ухода от конфликтных высказываний, прибегая к нейтрализации эмоционально-экспрессивной вставки.

В третьей группе (25,76 % употребления эмоционально-экспрессивных ВК в текстах) вставки при переводе опускаются / появляются.

1. В русском тексте интервью, например, говорящим (Еленой Тимофеевой), передана оценка итога состоявшегося официального мероприятия: базовое предложение содержит информацию об организаторах мероприятия и заключается словами благодарности организаторам акции, при этом во вставку помещено попутное замечание с акцентом на его незначительном масштабе: *Мы, организаторы акции «Бессмертный полк» в Пекине, хотели бы высказать благодарность и нашему Посольству, и администрации парка Наньгуань, и мэрии Пекина за предоставленную возможность провести это важное мероприятие (пусть хотя бы и в ограниченном формате)* <...> (РиК 2016, № 20: 50). Китайский переводчик опускает указание на российское посольство и вставку при переводе, подчеркивая значимость роли именно китайской стороны: <...> 想对北京市政府及提供举行这次重要纪念活动的南关公园管委会表示感谢。 (РиК 2016, № 20: 50) – дословно: <...> *хотели бы высказать благодарность мэрии Пекина и администрации парка Наньгуань, за предоставленную возможность провести это важное мероприятие* (пер. – Ч. Ц.). Переводчик счел информативно значимыми для китайского читателя лишь факт проведения мероприятия и выражение Еленой Тимофеевой благодарности китайской стороне.

2. Аналогично при переводе на китайский язык предложения из колонки редактора вставная конструкция опускается: *Но и сегодня Китай для России остается главным, и самым важным (не в обиду сирийцам будет сказано...), более того – стратегическим партнером с точки зрения обеспечения политики безопасности на территории Евразии.* – 而今天, 中国是俄罗斯从保障欧亚大陆安全 政策方面最主要的、最重要的战略合作伙伴。 (РиК 2016 г. № 19: 5) – дословно: *Но и сегодня Китай для России остается самым главным и самым важным стратегическим партнером с точки зрения обеспечения политики безопасности на территории Евразии* (пер. – Ч. Ц.). Как видно, в русском тексте ВК отражает авторский стиль редактора: открытость, свободное изложение своих мыслей, включение информации в контекст международной политики России. Попутное замечание во вставке расширяет информацию о приоритетах страны в международной политике в определенный пери-

од, намекает на важность помощи Сирии. Китайский переводчик склонен к нейтральному способу подачи информации без сопоставления отношения России с другими странами – опущение ВК в переводном тексте вновь свидетельствует о политике «золотой середины» китайского переводчика.

3. В тексте оригинала на китайском языке информационная статья, близкой к официально-деловому стилю, краткая информация о росте экономики в провинции Анхой дана в предложении без ВК, в то время как в тексте русского перевода употреблена ВК как маркер эмоциональной оценки: 全年实现地区生产总值20848.8亿元, 增长9.2% – *Реальный годовой ВВП провинции достиг 2,08488 триллиона юаней (? – надо проверить цифру!!), рост ВВП составил 9,2%.* (РиК 2016, № 20: 27). ВК в русском переводе содержит вопросительный и двойной восклицательный знаки. Первый пунктуационный знак – сигнал удивления автора по поводу чрезмерно высокого уровня ВВП и его сомнения в достоверности приведенных данных, последний двойной знак препинания усиливает названные эмоции и в то же время является способом привлечения внимания читателя, т. е. средством установления с ним контакта.

Рассмотренные случаи различий в использовании вставных конструкций в публицистических текстах на двух языках требуют интерпретации. Несомненно, на подачу информации, в том числе эмоционально-экспрессивного содержания, оказывают влияние этнопсихологические особенности двух стран, понимание автором и переводчиком толерантности.

С лингвокультурологической точки зрения толерантность понимается «как часть культурного концепта, а именно как ядро лингвокультурного поля, в которое, кроме прочего, входят слова, связанные на ассоциативном и семантическом уровне с *терпимостью, терпением и ненасилием*» [Стернин, Шилихина 2000: 21]. Толерантность является одним из типов речевого поведения, для которого характерны подавление речевой агрессии, сохранение коммуникативного права говорящего; на основе паритетного диалога с чужим толерантность смягчает речь, в критике подчеркивается сочувствие и обеспокоенность говорящего [Воронцова 2009: 4, 6]. Интолерантное речевое поведение, наоборот, демонстрирует нетерпимость при выражении оценки, показывает агрессивную настроенность говорящего, а толерантность можно рассматривать как лингвокультурологический феномен [Романова 2015: 47].

Рассмотренные примеры использования ВК в русском и китайском публицистических текстах не выявляют случаев проявления интолерантно-

сти даже в случае экспликации авторского субъективного начала. При открытом проявлении оценочности в русском тексте ощущается терпимость к другим обычаям и нравам благодаря многонациональной действительности страны [Колесов 1991: 110–111; Романова, Малафеев 2016: 39–49]. Что касается этнопсихологических особенностей китайцев, то в российской и китайской научной литературе можно встретить разное их понимание и интерпретацию. В. В. Собольников видит в китайской нации этноцентризм, который приводит в отдельных случаях к негативному отношению к представителям других культур [Собольников 2001: 35]: «В самосознании китайской нации противопоставления “мы” и “они” оказывают существенное влияние на общение» [там же: 87]. Противоположной точки зрения придерживается Чу Баосинь (朱宝信): при общении с другими народами и нациями у китайцев проявляются скромность, терпимость и любовь к миру, что китайский лингвист связывает с историей Китая (феодализм в стране существовал почти 2400 лет) и с влиянием идеологии конфуцианства, предполагающей быть «благородным человеком» [Чу Баосинь 2002: 46].

Подведем итоги сопоставительного анализа.

1. В международном журнале «Россия и Китай» эмоционально-экспрессивные ВК находятся на периферии по сравнению со вставками в функциях пояснения, мотивации, передачи дополнительных сведений. Эмоционально-экспрессивные же ВК встречаются в первую очередь в публикациях на злободневные темы, в информационных жанрах вставки практически отсутствуют.

2. В российской и китайской прессе проявляются разные тактики подачи информации: русским СМИ дана возможность открыто и свободно «говорить во весь голос», а китайские средства массовой информации отличаются большей сдержанностью и наличием государственного контроля, поэтому китайский автор / переводчик старается придерживаться политики «золотой середины». Анализ использования ВК в международном журнале «Россия и Китай» показывает следующее: в большинстве случаев, когда речь идет только о темах, связанных с Россией и Китаем, в текстах на двух языках отмечается взаимное понимание и проявляются добрые отношения двух стран. Однако при столкновении острых тем журналисты двух стран прибегают к разным способам выражения мысли: китайский переводчик нейтрализует эмоциональное содержание текста, а русский автор не может быть «равнодушен» к такому явлению, что отражается в эмоционально-экспрессивных вставных конструкциях.

Примечание

¹ Статья основана на докладе, сделанном на Международном симпозиуме «Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. Санкт-Петербург, 23–26 мая 2018 года» – Вяткина С. В., Чу Цзинжу «Эмоционально-экспрессивные вставные конструкции в русском и китайском публицистическом тексте».

Список источников

РиК – *Россия и Китай*. 2016. № 22. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/2017rik22.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2016. № 21. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/2016RiK21sm.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2016. № 20. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/2016RiK20.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2016. № 19. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/2016RiK19.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2015. № 18. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/201511RiK18.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2015. № 17. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/201507RiK17.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2014. № 16. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/201412RiK16.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2014. № 15. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/201410RiK15.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2014. № 14. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/201406RiKsm.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

РиК – *Россия и Китай*. 2014. № 13. URL: http://ruchina.org/fileadmin/pdf/2014-4_RiK13sm.pdf (дата обращения: 08.11.2017).

Список литературы

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 188 с.

Ван Сицзэй. Стилистика китайского языка. Пекин: Изд-во Пекин, 1983. 376 с. 王希杰. 汉语修辞学. 北京: 北京出版社. 1983. 376 p. (Wang Xijie. Han yu xiu ci xue. Beijing: bei jing chu ban she, 1983. 376 p.).

Ван Хуаюйнь. О употреблении скобок в китайском языке // Вестник Эчжоуского университета. 2001. № 8, т. 2. С. 58–60. 汪化云. 括号用法论略 // 鄂州大学学报. 2001. № 2. Р. 58–60. (Wang Huayun.

Kuo hao yong fa lun lue // E zhou da xue xue bao, 2001 (8). Р. 58–60.).

Ван Яохой. Об особенностях китайских функциональных стилей китайского языка // Вестник Шаньсиского института дошкольной педагогики. 1995. № 2. С. 42–43. 王耀辉. 试论汉语语体的类别及其风格特点 // 陕西学前师范学院学报. 1995 (2). Р. 40–45.). (Wang Yaohui. Shi lun han yu yu ti de lei bie ji qi feng get e dian // Shan xi xue qian shi fan xue yuan xue bao. 1995 (2). Р. 40–45).

Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно- прагматический аспект) // Учен. зап. испанской русистики. 2009. № 5. С. 21–31.

Вяткина С. В. Вставные конструкции // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / под ред. С. В. Друговейко-Должанской, Д. Н. Чердакова. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. С. 49.

Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка: сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой / отв. ред. В. И. Трубинский. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001б. С. 45–58.

Вяткина С. В. Скобки в русских текстах начала XVIII века // Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания). Сб. 2 / отв. ред. З. М. Петрова, ред. В. М. Круглов. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001а. С. 131–142.

Грабельников А. А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спусти. М.: РУДН, 2008. 341 с.

Дубовик В. Разнесенный тотальный контроль как специфика СМИ Китая. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119069/1/Dubovik_Vizual_konf_2015-5.pdf (дата обращения: 09.11.2018).

Кайда Л. Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 144 с.

Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук: тр. методол. семинара «Человек»: межвуз. сб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. С. 110–111.

Люй Шусян. Очерк грамматики и стилистики. Лионин: Народное изд-во Лионин, 2002. 400 с. 吕淑湘. 语法修辞讲话. 辽宁: 辽宁教育出版社, 2002. 400 p. (Luj Shuxiang. Yu fa xiu ci jiang hua. Liao ning: Liao ning jiao yu chu ban she. 2002. 400 p.).

Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 351 с.

Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состо-

яния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. Т. 2, № 52. С. 39–49.

Романова Т. В., Малафеев А. Ю. Толерантность с точки зрения национальной ментальности // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 226–243.

Собольников В. В. Этнопсихологические особенности китайцев. Новосибирск: СибАГС, 2001. 130 с.

Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 2005. 952 с.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Истоки, 2000. 110 с.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 310 с.

У Цзуйсян. О скобочных вставных конструкциях в современном китайском языке: дис. ... канд. филол. наук. Хубэй, 2014. 152 с. 吴菊香. 现代汉语插入式插说简析. 华中师范大学博士论文, 2014. 152 p. (Wu Juxiang. Xian dai han yu cha ru shi cha shuo jian xi. Hua zhong shi fan da xue bo shi lun wen, 2014. 152 p.).

Чжу Баосинь. О национальном характере китайского народа // Трибуна исследования. 2002. № 2. С. 46–48. 朱宝信. 中华民族性格特征浅议 // 学习论坛. 2002 (2). P. 46–48 (Zhu Baoxin. Zhong hua min zu xing ge te zheng qian yi // Xue xi lun tan. 2002 (2). P. 46–48).

Шapiro А. В. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 395 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Жень Цзюнь. Об эстетических функциях скобок в китайской современной поэзии // Вестник Ланчжоуского университета. 2016. № 4. С. 60–67. 任军. 论中国现代诗歌中括号的审美功能 // 兰州大学学报. 2016 (4). P. 60–67. (Ren Jun. Lun zhong guo xian dai shi ge zhong kuo hao de shen mei gong neng // Lan zhou da xue xue bao. 2016 (4). P. 60–67).

References

Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New trends in the modern Russian language syntax]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 188 p. (In Russ.)

Dubovik V. *Raznesenny total'nyy kontrol' kak spetsifika SMI Kitaya* [Posted total control as the media specifics of China]. Available at: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119069/1/Dubovik_Vizual_konf_2015-5.pdf (accessed 09.11.2018). (In Russ.)

Grabel'nikov A. A. *Sredstva massovoy informatsii postsovetskoy Rossii: pyatnadtsat' let spustya: monografiya* [The media of post-Soviet Russia: fifteen years later: Monograph]. Moscow, RUDN University Press, 2008. 341 p. (In Russ.)

Kayda L. G. *Kompozitsionnaya poetika publitsistiki: ucheb. posobie* [Compositional poetics of journalism: Textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 144 p. (In Russ.)

Kolesov V. V. *Otazhenie russkogo mentaliteta v slove* [Reflection of Russian mentality in the word]. *Chelovek v zerkale nauk: Tr. metodol. seminar «Chelovek»: Mezhvuz. sb.* [Man in the mirror of science. Proceedings of the methodological seminar 'Man': Interuniversity collection. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. 1991, pp. 110–111. (In Russ.)

Luj Shuxiang. *Ocherk grammatiki i stilistiki* [Essay on grammar and stylistics]. Liaoning, Liaoning People's Publishing House, 2002. 400 p. (In Chin.)

Raspopov I. P., Lomov A. M. *Osnovy russkoy grammatiki. Morfologiya i sintaksis*. [Basics of Russian grammar. Morphology and syntax]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1984. 351 p. (In Russ.)

Ren Jun. *Ob esteticheskikh funktsiyakh skobok v kitayskoy sovremennoy poezii* [On the aesthetic functions of brackets in modern Chinese poetry]. *Vestnik Lanchzhouskogo universiteta* [Bulletin of Lanzhou University], 2016, issue 4, pp. 60–67. (In Chin.)

Romanova T. V. *Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskiy aspekt)* [Tolerance and political correctness: analytical review of the current state of the problem (linguistic aspect)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, issue 2 (52), pp. 39–49. (In Russ.)

Romanova T. V., Malafeev A. Yu. *Tolerantnost' s tochki zreniya natsional'noy mental'nosti* [Tolerance from the national mentality viewpoint]. *Vo prosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2016, issue 2, pp. 226–243. (In Russ.)

Schwarzkopf B. S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: system and its functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)

Shapiro A. B. *Osnovy russkoy punktuatsii* [The basics of Russian punctuation]. Moscow, the USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 395 p. (In Russ.)

Sobol'nikov V. V. *Etnopsikholicheskie osobennosti kitaytsev: Nauchnoe izdanie* [Ethno-psychological characteristics of the Chinese: scientific edition]. Novosibirsk, Siberian Institute of Management Press, 2001. 130 p. (In Russ.)

Solganik G. Ya. O strukture i vazhneyshikh parametrokh publitsisticheskoy rechi (yazyka SMI) [On the structure and the most important parameters of publicistic speech (the language of the media)]. *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The language of modern journalism]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005. 952 p. (In Russ.)

Solganik G. Ya. Publitsisticheskiy stil' [Publicistic style]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (In Russ.)

Sternin I. A., Shilikhina K. M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, Istoki Publ., 2000. 110 p. (In Russ.)

Tertychnyy A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati: Uchebnoe posobie* [Genres of periodicals: Textbook]. Moscow, Aspect Press, 2000. 310 p. (In Russ.)

Vorontsova T. A. Tipologiya rechevogo povedeniya (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt) [Typology of speech behavior (communicative-pragmatic aspect)]. *Uchenye zapiski ispanskoy russistiki* [Scientists Notes of Russian Studies in Spain], 2009, issue 5, pp. 21–31. (In Russ.)

Vyatkina S. V. (2001a) Skobki v russkikh tekstakh nachala 18 veka [Brackets in Russian texts of the beginning of the 18th century]. *Russkiy yazyk kontsa 17 – nachala 19 veka (Voprosy izucheniya i opisaniya). Sb. 2.* [The Russian language of the end of the 18th – the beginning of the 19th century (Issues of studying and description), pt. 2]. Ed. by Z. M. Petrova, V. M. Kruglov. St. Petersburg, ILS RAS Publ., 2001, pp. 131–142. (In Russ.)

Vyatkina S. V. (2001b) Dinamika razvitiya vstavnykh konstruksiy v russkom literaturnom yazyke [Dynamics of the development of parenthesis structures in the Russian literary language]. *Tendentsiya razvitiya russkogo yazyka: Sb. statey k 70-letiyu prof. Akimovoy G. N.* [The tendency of the development of the Russian language: Collection of articles devoted to the 70th anniversary of prof. Akimova G. N.]. Ed. by V. I. Trubinskiy. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2001, pp. 45–58. (In Russ.)

Vyatkina S. V. Vstavnye konstruksii [Parentheses]. *Russkiy yazyk. Shkolnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. [The Russian language. School encyclopedic dictionary]. Ed. by S. V. Drugoveyko-Dolzanskaya, D. N. Cherdakov. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Press, 2014. 584 p. (In Russ.)

Wang Huayun Ob upotreblenii skobok v kitayskom yazyke [General views on the usage of brackets in Chinese]. *Vestnik Echzhouskogo universiteta* [Journal of Ezhou University], 2001, issue 2, pp. 58–60. (In Chin.)

Wang Xijie *Stilistika kitayskogo yazyka* [Stylistics of the Chinese language]. Beijing, Beijing Publ., 1983. 376 p. (In Chin.)

Wang Yaohui Ob osobennostyakh kitayskikh funktsional'nykh stiley kitayskogo yazyka [About the features of Chinese functional styles of the Chinese language]. *Vestnik Shansiskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shanxi Normal University], 1995, issue 2, pp. 40–45. (In Chin.)

Wu Juxiang *O skobochnykh vstavnykh konstruksiyakh v sovremennom kitayskom yazyke*. Diss. kand. philol. nauk [On parentheses in modern Chinese. Cand. philol. sci. diss.]. Hubei, Huazhong Pedagogical University Press, 2014. 152 p. (In Chin.)

Zhu Baoxin. O natsional'nom kharaktere kitayskogo naroda [On the national character of Chinese people]. *Tribuna issledovaniya* [Research Tribune], 2002, issue 2, pp. 46–48. (In Chin.)

EMOTIONAL-EXPRESSIVE PARENTHESES AS A REFLECTION OF INFORMATION ASSESSMENT IN RUSSIAN AND CHINESE PUBLICISM

Svetlana V. Vyatkina

Associate Professor in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. s.vyatkina@spbu.ru

SPIN-code: 9891-4382

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6505-1293>

ResearcherID: O-6981-2015

Jingru Chu

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. chu.jingru@yandex.ru

SPIN-code: 1340-9086

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8006-3997>

ResearcherID: Q-8945-2017

Submitted 27.02.2019

The article presents the results of comparative analysis of the parentheses usage as a way to convey expressiveness and emotional evaluation in Russian and Chinese journalistic texts in linguocultural and cognitive aspects. The study was conducted based on the material of the bilingual journal *Russia and China*, providing all texts in two languages; the material was taken from the issues of 2009–2016. The attention is focused on considering the degree of manifestation of subjective beginnings, which can be seen in the usage of emotionally-expressive parentheses in original and translated texts, in the communication of information in texts of different genres, and also in identifying the reasons for the transfer of different units of information by means of parentheses. The analysis of texts of various journalistic genres revealed the following: firstly, the constructions in question are mainly used in texts that allow the manifestation of the subjective beginning (essays, interviews and analytical articles); secondly, based on the analysis of the usage context of emotionally expressive parentheses, we determined the specificity of their usage in relation to the features of the media in both countries and the ethno-psychological characteristics of the writers.

The analysis showed a more frequent usage of emotionally expressive parentheses in Russian texts compared to Chinese. This fact reflects the different positions of authors and translators in connection with the different traditions of journalism and features of the national mentality: due to the democratization of Russian society, parentheses in Russian texts are common means to openly express evaluation of the facts, while Chinese texts are characterized by the reserved language behavior of the translator / author when conveying information in accordance with the strict control of the PRC government over the media and the strong influence of the Confucian idea of the ‘golden mean’.

Key words: emotional-expressive parenthesis; linguocultural aspect; cognitive aspect; journalism; expressiveness; assessment; tolerance.

УДК 811.511.13'37: 811.161.1'28
doi 10.17072/2073-6681-2019-2-23-33

ЛЕКСИКА ПИТАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Юлия Владимировна Зверева

**к. филол. н., доцент кафедры теории и технологии обучения
и воспитания младших школьников**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. zvereva_yuliya_2013@mail.ru

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Статья поступила в редакцию 26.12.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зверева Ю. В. Лексика питания в коми-пермяцком языке: заимствования из русских говоров Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 23–33. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-23-33

Please cite this article in English as:

Zvereva Yu. V. Leksika pitaniya v komi-permyatskom yazyke: zaimstvovaniya iz russkikh govorov Permskogo kraja [Food Vocabulary in the Komi-Permyak Language: Borrowings from Russian Dialects of the Perm Region]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 23–33. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-23-33 (In Russ.)

Рассматривается русская диалектная лексика тематической группы «Питание», которая отмечается в разных говорах коми-пермяцкого языка. Большая часть слов – наименований блюд и продуктов питания, заимствованных из русского языка, – является общерусской по происхождению. Кроме того, в коми-пермяцком языке хорошо сохраняются диалектные русизмы, однако не все они фиксируются в «Коми-пермяцко-русском словаре». Обращение к различным источникам, в том числе к записям живой речи коми-пермяков, показывает наличие довольно большого количества русизмов, называющих блюда и напитки. Чаще всего в коми-пермяцком языке сохраняется значение диалектного слова, существующее в русском языке. Иногда семантика заимствованного слова может изменяться, нередко происходит сужение значения. Сравнение распространенности языковой единицы в коми-пермяцком языке и в русских говорах показывает, что в большинстве случаев лексема фиксируется в русских говорах Пермского края и не встречается в других. Меньшая часть лексем отмечается также и в севернорусских диалектах, это объясняется тем, что русские пермские говоры генетически связаны с архангельскими и вологодскими. Русская диалектная лексика питания в коми-пермяцком языке свидетельствует о тесных связях, которые существовали между русским и коми-пермяцким народами, а также о сходном хозяйственном укладе, что нашло отражение и в языке. Современные записи речи коми-пермяков показывают увеличение количества заимствованных слов, называющих продукты питания и кушанья. Нередко в разных говорах коми-пермяцкого языка могут сосуществовать слова русского и исконного происхождения, обозначающие одну реалию.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; заимствованная лексика; лексика питания; культурно-языковое взаимодействие.

Исследователи истории Пермского края отмечают, что русские начинали осваивать территорию Верхнего Прикамья в XV в., в это время и позже русские на этих землях часто проживали в

соседстве с коми-пермяками [Оборин 1990; Чагин 2016]. Взаимодействие и тесное соседство двух народов, естественно, отразилось в культуре и быте двух народов, а также в коми-

пермяцком языке и русских говорах Прикамья. Проживание в одинаковых природно-климатических условиях, схожий хозяйственный уклад обусловили формирование единой культуры питания у русских и коми-пермяков, что нашло отражение в лексике коми-пермяцкого языка и русских говоров Пермского края. В последних существуют заимствования из коми-пермяцкого языка, обозначающие продукты питания и блюда из них; в большинстве случаев подобные наименования сохраняют то же значение, что и в языке-источнике, в некоторых же – значение слова может меняться. Большое количество заимствованных из русского языка лексем отмечается в коми-пермяцком, некоторые из них попали в коми-пермяцкий язык из диалектной речи.

Предмет изучения и источники

Предметом рассмотрения в настоящей статье стала лексика питания в коми-пермяцком языке, которая была заимствована из русских говоров. Источниками исследования послужили «Коми-пермяцко-русский словарь», а также другие материалы, содержащие коми-пермяцкую лексику: сборники «Лупьинцы: история, культура, язык», «Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник», «Боба тэ, боба, кытчö тэ ветлін. Детский фольклор коми-пермяков», монография Л. Г. Пономаревой «Речь северных коми-пермяков», записи речи коми-пермяков, сделанные в Кочёвском и Кудымкарском районах Пермского края в 2018 г. А. В. Кротовой-Гариной [Записи 1; Записи 2; Записи 3]. Мы сочли целесообразным включить также в состав источников коми-язьвинские материалы (экспедиционные записи, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ, и книгу «Культура питания язьвинских пермяков: исторические зарисовки» [Старикова 2008]). Для сопоставления с лексикой русских говоров были привлечены различные словари русских говоров, в том числе пермские диалектные, а также диалектологический архив лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ.

История изучения русских заимствований в коми-пермяцком языке

Многие исследователи коми-пермяцкого языка в своих работах отмечают, что в нем существует большое число заимствований из русского языка. Так, в «Кратком справочнике по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка» Р. М. Баталовой рассматривается фонетическое и морфологическое оформление русских заимствований в коми-пермяцком языке [Баталова 1962]. Некоторые русские заимствования описы-

ваются также в работах А. С. Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1951]. В исследованиях Е. Н. Федосеевой выделяются различные тематические группы заимствований [Федосеева 2009; Федосеева 2015]. Р. В. Гайдамашко и Л. Г. Пономарева проявляют интерес к русским заимствованиям, в том числе и диалектным, в рукописных памятниках, принадлежащих перу протоирея Антония Попова [Гайдамашко, Пономарева 2018]. Русизмы, фиксируемые в речи носителей мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка, анализируются в статье И. А. Подюкова «Русская диалектная лексика в речи лупьинских коми-пермяков» [Подюков 2012]. Исследователь отмечает, что диалектная лексика севернорусских говоров хорошо сохраняется в русской и в родной речи лупьинцев и свидетельствует о тесных хозяйственных и культурных связях двух народов [там же: 18]. В то же время И. А. Подюков приходит к выводу, что в речи носителей лупьинского говора коми-пермяцкого языка русские диалектные заимствования названий пищи и напитков немногочисленны [там же: 17].

В ряде работ, посвященных исследованию отдельных тематических групп лексики в коми-пермяцком языке, встречаются замечания о заимствованных словах из русского языка. Так, в статье А. С. Лобановой и А. В. Черных рассматривается лексика традиционного костюма, в том числе пришедшая в коми-пермяцкий язык из русского. Исследователи делают вывод, что в названиях традиционной одежды и обуви коми-пермяков преобладают заимствования из русских диалектов [Лобанова, Черных: 33]. В диссертации Т. Н. Меркушевой, которая анализирует лексику природы в южном наречии коми-пермяцкого языка, приводятся некоторые русские заимствования [Меркушева 2003]. Л. В. Утева, рассматривая термины родства и свойства в коми-пермяцком языке, также выделяет группу русских по происхождению слов [Утева 2015].

Таким образом, многие исследователи отмечают большой пласт русской лексики в коми-пермяцком языке. Авторы останавливаются на способах адаптации заимствованных слов, обращают внимание также на изменения в семантике иноязычных слов. Диалектные русизмы обычно служат для именования конкретных бытовых предметов, поэтому наиболее часто они обозначают посуду, одежду, продукты питания, человека по родству и т. д. Однако лексика питания русского происхождения в коми-пермяцком языке еще не становилась предметом специального рассмотрения.

Названия блюд и продуктов питания в коми-пермяцком языке

В коми-пермяцком языке фиксируется большое количество слов – наименований блюд и продуктов питания, заимствованных из русского языка. Большинство из них являются общерусскими по происхождению, например, *блин, брага, булка, греча, закуска, капуста, кисель, коврига, огурец, отвар, пирог, студень* и другие, и до сих пор существуют как в литературном языке, так и в диалектах. Ряд лексем попал в коми-пермяцкий язык уже в XX в. для обозначения кушаний и продуктов, которые получили распространение в это время: *бутерброд, винегрет, виноград, изюм, колбаса, конфета* и др. Эти заимствования, естественно, пришли из русского литературного языка, поскольку в диалектах их не было. Чаще всего слова из этого источника сохраняют то же значение, которое имеют в русском языке, в некоторых случаях возможно сужение значения коми-пермяцкой лексемы. Так, Е. Н. Федосеева отмечает, что слово *пиво* употребляется в значении ‘покупное пиво’, а исконная лексема *сур* имеет семантику ‘домашнее пиво, т. е. приготовленное в домашних условиях’ [Федосеева 2015: 40]. Нужно отметить, что современные записи речи коми-пермяков показывают увеличение количества заимствованных слов, называющих продукты питания и кушанья. Например, в записях речи встречаются слова *тесто, сметана, солод, сочён* (сочень) и другие, хотя в коми-пермяцком языке есть свои эквиваленты: *көвдас, нök, чуж пизь, көрыш*.

Часть коми-пермяцкой лексики питания была заимствована из русских пермских говоров, эти лексемы наиболее интересны для изучения. Так, в «Коми-пермяцко-русском словаре» фиксируются слова: *бра'жно* ‘бражно (смесь овсяной муки с солодом, из которой варят брагу)’ [КПРС: 43], *вити'к* ‘домашний крендель; баранка’ [там же: 76], *вить* ‘количество пищи, потребное для насыщения’, ‘аппетит’ [там же: 94], *геже'нь* ‘напиток из толокна, разведенного квасом’ [там же: 97], *губ'нича* ‘грибница, грибная похлебка’ [там же: 109], *катышо'ккес* ‘катышки’ [там же: 167]; *кваси'на* ‘несвежий квас’ [там же: 168]; *кумы'шка* ‘самогон’ [там же: 201], *морёнка* ‘хмельная брага’ [там же: 253], *парёнка, паре'ни'ча* ‘пареная репа (брюква)’ [там же: 323], *селя'нка* ‘омлет, селянка’ [там же: 422], *томлён'ка* ‘томленая брага, томленное пиво’ [там же: 476], *яру'шник* ‘ячный хлеб (округлой формы)’, ‘каравай (хлеба)’ [там же: 594].

Чаще всего заимствованные лексемы имеют соответствие со словами севернорусских и уральских говоров; например, слово *губница*

(*губница*) ‘суп из грибов’ отмечается в архангельских, вологодских, вятских, пермских диалектах [СРНГ 7: 195]. Другие слова, пришедшие из русского языка, встречаются только в пермских говорах. Так, лексема *вити'к* ‘выпечное изделие в виде кренделя’ фиксируется только в русских говорах Косинского района Пермского края [СРГКПО: 64]. В других русских диалектах, в том числе на территории края, встречается однокоренное слово *виту'шка* с тем же значением [СРНГ 4: 302; СПГ 1: 105]. В «Коми-пермяцко-русском словаре» есть лексема *кули'з* ‘картофельная шаньга’ [КПРС: 200], она в варианте *кули'к* распространена в пермских говорах, где имеет значение ‘картофельная или творожная шаньга квадратной формы’ (*Да кулики как? Да вот соченьки заскут, картошки накладут, вот так загнут и едак загнут – кулик. Хоть творог, хоть капусту, хоть всё загибай.* Тагъяшер Черд.) [КСРГСПК]. Хотя в дефиниции лексемы в «Коми-пермяцко-русском словаре» отсутствует упоминание формы, записи речи показывают, что это существенный признак выпечного изделия: *Кулик – сия картошкаён шаньгаыс? Картошкаён шаньгаыс, ну. Сия мөдкодя көтиссьё доррес.* [Кулик – это шаньга с картошкой?] С картошкой шаньга, да. Там по-другому края сгибаются. Кудымк. [Записи 1]. В диалектных словарях XIX в. слово имеет помету «пермское» [Даль 2: 555; Опыт: 96], в СРНГ оно отмечается в сопредельных с пермскими говорах Среднего Урала и Удмуртии [СРНГ 16: 64–65].

В коми-пермяцком языке существует заимствование из русского *лапша'*, два первых значения слова совпадают с теми, которые фиксируются в словарях литературного русского языка, – ‘пищевой продукт из пресного теста в виде тонких узких полосок; кушанье из такого продукта, с таким продуктом’ [БАС 9: 58–59]. Третье значение ‘суп, приготовленный из ливера (лёгких, печени)’ [КПРС: 219] представлено в коми-пермяцкой детской дразнилке: *Мишка, Мишка – баля кишка, солалам, лапша пуам.* [Мишка, Мишка – овечья кишка, посолим, лапшу сварим] [Детский фольклор: 269]. Кроме коми-пермяцкого языка лексема с этим значением фиксируется в русских говорах севера Пермского края: *Лапша – суп из изрубленных кишок.* Тиуново Гайн.; *После супу лапша называлась. Вот если ну там поросёнка ли там телёнка ли там от коровы внутренность, там эта печень, дак вот его тоже рубят, сварят, изрубят там не так мелко, вот и называлось лапша.* Яранино Черд. [КСРГСПК].

Некоторые названия напитков в коми-пермяцком языке также заимствованы из пермских диалектов. Так, слово *морёнка* ‘хмельная

брага' [КПРС: 253] фиксируется и в пермских говорах: *Морёнку сделаешь, если сахар есть, дак мужики вместо водки с припросом просят*. Плёсо Гайн. [СРГКПО: 151]; *Морёнка, сам не знаю, пивал и всё, как пиво, как овсянка вот. Вот пока в тёплом месте она кисеет, кислой пей*. Митрохи Уинск. [СРГЮП 2: 104]. В СРНГ подобное значение у лексемы не отмечается, хотя на территории Кировской области слово **морёнка** 'спиртной напиток, приготовленный в домашних условиях, – брага' встречается [ОСВГ 6: 75]. В коми-пермяцком языке существуют и другие русизмы с подобной семантикой – **томлёнка** 'томленая брага' [КПРС: 476] и **кислука** 'брага' [Пономарева: 41]. В пермских говорах слово **томлёнка** фиксируется только на территории Юрлинского района: *Напился томленкой и сразу уснул*. Юм Юрл. [СРГКПО: 238], кроме того, отмечено в говорах соседней Удмуртской Республики [СРНГ 44: 225]. Лексема **кислуха** распространена во многих пермских говорах [СПГ 1: 390], а также в вятских говорах [ОСВГ 5: 44].

Трансформация значения заимствованных слов

В большинстве случаев перечисленные лексемы сохраняют то же значение, которое было у них в русских говорах Пермского края, но заимствованные слова могут претерпевать фонетические и грамматические изменения. Наряду с этими изменениями может происходить трансформация значения заимствованного слова. Так, А. С. Лобанова приводит пример со словом **обидь** 'твердая часть сена, не съеденная скотиной', которое этимологически связано с русским **объедки** [Лобанова 2008: 30–31].

Изменение семантики происходит и у слова **геже'нь**, которое в КПРС имеет два значения: 1) 'напиток из толокна, разведенного квасом'; 2) обл. 'блюдо из земляники со сметаной' [КПРС: 97]. В русских говорах **деже'нь**, **геже'нь** – 'холодное кушанье из толокна, негусто замешанное на квасе или сусле' (*В квас или в сусло мешают толокно жиденько и хлебают с хлебушком, дежень называется*. Нырб Черд.; *Сусло нальют, толокно намешают, называют гижень*. Марушева Черд. [КСРГСПК]). Второе значение возникает уже в коми-пермяцком языке. Скорее всего, в коми-пермяцком языке слово **гежень** обозначало любое блюдо с толокном, а поскольку разбавлять этот продукт можно не только квасом, суслом, водой, молоком, простоквашей, но и ягодами, возникло второе значение, фиксируемое в КПРС.

Подобные изменения мы видим и в других случаях. Так, слово **вы'бой** в коми-пермяцком языке имеет семантику 'обрат, обезжиренное

молоко' [КПРС: 90], в пермских говорах лексема обозначает 'остатки семян масличных растений после выжимания из них масла; жмыхи' (*Толкёшь коноплё, дак выбой-то шибко вкусной; толкнешь, дак как тесто будет – это называли выбой*. Толстик Сол. [СПГ]; *Раньше из льняного семя делали жмыхи – выбой*. Илаб Сол.) [КСРГСПК]. Таким образом, на основе семы 'остатки, отходы' происходит трансформация значения. Возможно, оно появляется в коми-пермяцком, поскольку значение, фиксируемое в пермских говорах, передает лексема **жмы'ка** 'жмыхи' [КПРС: 142]. В северных коми-пермяцких диалектах отмечен также русизм **пэргон** с тем же значением [Пономарева: 274], который встречается в русских говорах севера Пермского края: *Пергон – снятое, обезжиренное молоко*. Покча Черд. [КСРГСПК]. Нужно отметить, что литературная лексема **обрат** также появляется в современном коми-пермяцком языке, о чем свидетельствуют записи речи, сделанные в Кочевском районе: *Васё кисьтан да сэсья бёра. Не ва, конечно, а кыдз нё сия шусис. Обрат. Обратсё кисьтан*. Кочеве [*Воду сольешь и дальше. Не вода, конечно, а обрат. Обрат сольешь*] [Записи 2]. Таким образом, в разных говорах коми-пермяцкого языка могут существовать различные русские заимствования для обозначения одной реалии.

Сходная трансформация происходит со словом **ошур'ки** 'выжимки тёртого картофеля' [КПРС: 301]. В пермских говорах лексема также отмечается со значениями 1) 'остатки от перетопленного свиного сала', 2) 'долго пролежавшие, засохшие куски хлеба' [СПГ 2: 68]. Общей семой, на основе которой происходит сужение значения в коми-пермяцком языке, является 'отходы, остатки пищи'.

В коми-пермяцком словаре отмечается лексема **ку'ття** 'кашеобразный корм для кур' [КПРС: 205], которая происходит от русского **кутья**. В пермских говорах у слова фиксируется как литературное значение 'обрядовое поминальное кушанье из вареного риса или другой крупы с изюмом или медом' [БАС 8: 830], так и диалектные 'блюдо, приготовляемое на Рождество', 'похлебка из капусты'. Скорее всего, коми-пермяцкое значение возникает на основе семы 'блюдо из зерна', а затем происходит изменение семантики 'корм для кур'. Отметим, что в коми-язьвинском диалекте есть слово **кутья** 'поминальное блюдо из пшена с медом' [Старикова: 5], а в коми языке фиксируется словосочетание **куття шыд** 'похлебка из перловой крупы, заправленная соком конопляных семян' [КРС: 342].

Лексика диалектного происхождения, отсутствующая в «Коми-пермяцко-русском словаре»

Как уже отмечалось, в «Коми-пермяцко-русском словаре» у некоторых слов могут быть зафиксированы не все значения, существующие в коми-пермяцком языке. Так, лексеме *селя'нка* дана дефиниция ‘омлет, селянка’ [КПРС: 422], но в сборнике детского фольклора есть и второе значение – ‘блюдо из первого молока коровы после отела’ [Детский фольклор: 316]. В пермских говорах в основном отмечается значение ‘омлет’, ‘запеканка’, в других русских говорах лексема обозначает различные блюда [СРНГ 37: 142–143], однако последнее приведенное значение отсутствует. Значение ‘запеканка из молозива’ фиксируется только в русских говорах Юрлинского и Чердынского районов Пермского края: *А это селянка, там делали молоко. Вот когда корова растелится, первые удои, вот молоко сварят, оно как колобком бу[д]ет, ну так, как каравай уже, если толсто дак. Называли селянкой.* Щекалова Юрл.; *Селянку пекут, когда корова телится. Садыт молоко в печь. А молоко-то густое, его садыт в печь, в чашку нальют, в печь посадят. Потом оно испекётся.* Еранина Черд. [КСРГСПК]. Исследователи отмечают близость населения Юрлинского района (территории, входящей в Коми-Пермяцкий округ, но заселенной преимущественно русскими) к русским Верхнего Прикамья, поскольку эти земли долгое время входили в состав Чердынского уезда [СРГКПО: 14].

В некоторых случаях лексема отсутствует в словарях коми-пермяцкого языка, но есть в других источниках. Так, слово *алямошка* ‘лепешка’ встречается в сборнике детского фольклора (*Алямошка пöжалі.* [Лепёшку испёк]. Пешнигорт Кудымк. [Детский фольклор: 141]), а его фонетический вариант *аллямаска* ‘лепешка, похожая на хлеб’ – в «Коми-пермяцком этнолингвистическом сборнике» [Лобанова 2008: 43]. В русских говорах Пермского края отмечается слово *алябушка* и однокоренные к нему, которые обозначают какой-либо вид выпечных изделий. Возможно, в коми-пермяцком языке происходит ассимиляция: мена взрывного губного звука на губной сонорный. Нельзя исключить и заимствования из русского языка фонетического варианта *алямошка*, который не фиксируется в пермских говорах, но близкое по звучанию слово *аламошки* ‘род пирогов’ отмечено в костромских [СРНГ 1: 248].

В записях речи коми-пермяков есть также слова *печёнка*, *пече'нь* ‘пареные в русской печи овощи’ (*А вермисö калигсö быдсöн пöжавны горас? Печё'нка сiя шусис.* [Могли брюкву цели-

ком испечь?]) Печёнкой она называлась] Кочево; *Этö парёнкаэз токо сёис, печёнка сякöй, печонка, паренич – вот мый суйвас горас, кыскас сiйö, сёйö, ырöшöн сiйö юö быдöс, но.* [Эти парёнки только ела, печёнки всякие, печёнки, парёнки – вот что сунет в печь, достанет это, ест, квасом это все запивает, вот.] Кочево; *Пöжалім. Печеннезöн бöра шусьыліс. Сöлсем калегсö горпод вылас пуктамö, невна горби одзас видзамö, что-бы буржыка небзис. Калегöвöй пече'нь.* [Пекли. Печеньями называли. Брюкву полностью клали на под, немного держали у печи, чтобы стали мягче. *Паренка из брюквы*] [Записи 3]). Лексема *печёнка* фиксируется и в русских говорах Пермского края с тем же значением: *Калигу, если печь вытопится, ставим в печь, так называем печёнки.* Покча Черд. [КСРГСПК]. Интересно, что и в коми-пермяцком языке, и в русских пермских говорах лексемы *печёнка* и *парёнка* с тем же значением сосуществуют.

В Кочёвском районе встречается слово *ляшки* (*лешки*): *Мийö ляшки керлыллімö. Сöчöнсö керрамö да сiйö вундаламö. Невночки колö пöжалышны жö или ульöн туйö. Нiйö ляшкизсö кыдз сёйсiсö?] Панялімö паньöн васорнас.* Кочево. (Мы стряпали ляшки. Сделаем сочень и режем его. Немного печем или оставляем сырыми. [Эти ляшки как ели?] Ложкой вместе с водой) [Записи 3]. Слово *лешки* со значением ‘блюдо вроде домашней лапши’ отмечено в русской речи жителей Юрлинского района Пермского края (*Сочни сделают, нарежут, вот и будут лешки. Их потом с мясом вари.* Сергеева Юрл. [СРГКПО: 139]) и форма *лешка* в вятских говорах ‘похлёбка с шариками из теста (кислого или пресного)’ (*Раскатай тесто в жгут, нарежь ножом и испеки на сковороде лешку, потом заправь суп*) [ОСВГ 5: 194]. Кочёвский район расположен по соседству как с Юрлинским районом Пермского края, так и с Кировской областью, поэтому такое заимствование из русских говоров вполне объяснимо. В других русских говорах слово с подобным значением не отмечается, однако в вологодских говорах фиксируется слово *ляха* ‘выпечное изделие без начинки’ [СВГ 1989: 66]. Возможно, в говорах Прикамья лексема приобретает суффикс -к- и у нее меняется значение. Нельзя исключить и другой вариант происхождения слова: в словаре В. Даля есть слово *ляшка* ‘черемисская каша’ [Даль 2: 746], которое в словаре М. Фасмера объясняется через марийское *läškä* ‘похлёбка с клецками, мясом и т.д.’, заимствованное из тюркских языков *lakša* ‘лапша’ [Фасмер 2: 554].

В «Коми-пермяцко-русский словарь» не включены и другие слова, пришедшие из русских говоров: *ли'ственка* ‘хлеб, испеченный на

капустных листьях' [Лупынинцы: 225], **му'сник** 'хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается квашеное тесто из ржаной или ячменной муки' [там же: 178], **си'ченка, сеча'нка** 'квашеная капуста из верхних рубленых листьев кочана' [там же: 229]. Все эти слова фиксируются и в русских пермских говорах.

Названия блюд и продуктов питания в коми-язьвинском диалекте коми-пермяцкого языка

Материалом для анализа послужили лексемы, фиксируемые в речи жителей села Верх-Язьва Красновишерского района, а также названия блюд, извлеченные из книги «Культура питания язьвинских пермяков» [Старикова 2008]. Все жители этой территории хорошо знают русский язык, используют его не только в официальном, но и в бытовом общении. Только люди пожилого возраста достаточно хорошо знают коми-язьвинский диалект. Интересно, что, говоря по-русски, пожилые язьвинцы используют много диалектных слов. В лексике питания местных жителей сосуществуют слова пермского происхождения и заимствованные из русских говоров.

В диалекте коми-язьвинцев встречаются лексемы, которые фиксируются и в других говорах коми-пермяцкого языка: **кулик, парёнка, сиченка, ярушник**. Кроме того, существуют наименования блюд, которые в других диалектах коми-пермяцкого называются по-иному. Так, в коми-язьвинском диалекте отмечается лексема **шўма колобо'къез** (буквально «кислые колобки»), в составе названия кушанья выделяются исконный корень **шўма** 'кислый' и русская часть **колобок** 'колобок'. В русских говорах Пермского края у лексемы **колобок** отмечается несколько значений, связанных с приемом пищи: 'кусочек теста круглой формы', 'небольшой круглый хлебец', 'небольшой круглый хлебец из солода, обжаренный на сковороде и используемый для приготовления кваса, браги и т. п.' [СПГ 1: 406], 'домашнее печенье из сдобного теста в виде небольших кружочков', 'творог, спрессованный для хранения в виде колобка' [КСРГСПК]. Два первых значения слова встречаются и в других русских говорах. Множественная форма слова **колобки'** в пермских говорах также обозначает 'похлёбку с кусочками теста, клёцками': *Колобки из аржаной муки, нарежем табочками, маленькими кусочками, варишь, – вот и колобки*. Мазушево Черд. [КСРГСПК]; *Колобки тоже ещё приготовим. Сваришь похлёбку с колобками, ну там сочни спустишь и ешь*. Мазуевка Киш. [СРГЮП 1: 399]. Именно это значение совпадает с тем, которое фиксируется в коми-язьвинском

диалекте: *Капусту или редьку смешивали с сочными, сделанными из муки, которые разрезались на небольшие квадратики, потом варили в подсоленной воде, доставали шумовкой и смешивали с натертой редькой или с квашеной капустой*. Верх-Язьва Краснов. [ДАКТиПЯ]. Нужно отметить, что это блюдо в пермских говорах имеет и другие наименования: **колобо'шница** (*Кисло тесто останется, дак колобошницу варили с кусочками-то этого теста*. Чернушка [СРГЮП 1: 399]); **холосты'е (холицовые) пельмя'ны** (*Сочни испечём, покрошим в капустницу. Колобки – сочни-то и есть, мы называли холостыми пельмянами*. Илаб Сол.; *Постная еда: шти постные, рыба, масло растительное, грибная похлёбка, пельмяны капустные, холицовые. Из квашонки из ржаной, тоненькие, как шаньги. И варить, как пельмени*. Губдор Краснов. [КСРГСПК]); **холщо'вики** (*Холицовики ...Большой сочень, нарежут его кусочками, в кипящую воду капусты положу. Это у нас вот это так делали, капусту там положишь, она вскипит, и вот эти сочники туда заложить, а потом это все сварится, достанешь – и ешь*. Кольчуг Черд. [КСРГСПК]). О распространенности реалии свидетельствует то, что блюдо встречается как на севере Пермского края (в Красновишерском, Соликамском и Чердынском районах), так и на юге (в Кишертском и Чернушинском районах). Можно предположить, что кушанье знают и коми-пермяки. И хотя в «Коми-пермяцко-русском словаре» мы не находим лексем, называющих его, но в книге А. С. Лобановой есть слово **кõчпельнянь** 'кислые щи с кусочками сочня', фиксируемое в Кудымкарском районе: *Кõчпельняньõн шувлõмась сёян. Пизьõtлõмась сола капуста, сэтчõ содтывлõмась сõчõнись керõм гырьсь кубикез, и петлõм кõслунся похлõбка* [Заячий пельмень называли блюдо. Кипятили солёную капусту, туда добавляли сделанные из сочня крупные кубики, и выходила постная похлёбка] [Лобанова 2008: 104]. Возможно, корень **кõч** 'заяц' в этом слове объясняется тем, что блюдо включает продукты растительного, а не животного происхождения. Таким образом, в коми-пермяцком языке сохраняется исконное слово, а в коми-язьвинском диалекте используется заимствование. Интересно, что сама реалия встречается именно на территории Пермского края, так, в СРНГ рядом со словом **колобки** в этом значении стоит помета «пермское» [СРНГ 14: 145].

Анализ лексики питания в коми-язьвинском диалекте выявляет довольно большое количество русских заимствований, чаще всего они существуют и в других говорах коми-пермяцкого языка, однако некоторые названия блюд являются уникальными.

Сравнение лексики питания в коми-пермяцком языке и в русских говорах

Анализ диалектных русизмов в коми-пермяцком языке показывает пересечение с разными говорами русского языка. Часть этих слов находит соответствие в севернорусских диалектах,

некоторые лексемы встречаются только в пермских говорах, другие – в говорах сопредельных с Коми-Пермяцким округом территорий. В таблице ниже представлены коми-пермяцкие слова русского диалектного происхождения в сопоставлении с лексемами русских говоров.

Русские диалектные слова тематической группы «Питание» в коми-пермяцком языке и в русских говорах Russian Dialect Words of the Thematic Group 'Food' in the Komi-Permyak Language and in Russian Dialects

Слово в коми-пермяцком языке		Лексема в других русских говорах			Лексема в русских говорах Пермского края		
в коми-перм. языке	в коми-язьв. наречии	в разных рус. говорах	в севернорус. говорах	в говорах сопредельных территорий	во всех перм. говорах	в северных перм. говорах	в рус. говорах КПО
алямошка (аляямаска)		аламошки (костром.)	алябыш (арх.)	алябушки (вят.)	алябушка	+	–
витик		–	–	–	–	–	витик
губнича		–	губница (арх., волог.)	губница (вят.)	губница	+	+
	шўма колобоксьез	–	–	колобки (вят.)	колобошница	колобки	–
кулиг	кулик	–	кулик (арх.)	кулик	кулик	+	+
кислука 'брага'		–	–	кислуха (свердл.)	+	+	+
лапша 'суп, приготовленный из ливера'		–	–	–	–	лапша	–
лешки		–	–	лешка (вят.)	–	–	лешки
листвянка		–	листовуха (арх.)	листянка (удм.)	–	листвянка	–
морёнка		–	–	морёнка (вят.)	морёнка	+	+
мусник		–	мучник (арх., олон., волог.)	мучник (вят.)	мучник / мушник / мусник	+	+
парёнка	парёнка	+	+	парёнка	парёнка	+	+
пэрэгон 'обрат'		–	–	перегон (свердл.)	–	перегон	перегон
печёнка		–	печёнка (арх., волог.)	печёнка (вят.)	–	печёнка	–
повалик 'каша из муки, заваренной кипятком'	повалика	–	повалиха (волог., арх., костром.)	повалиха (вят., свердл.)	–	+	+
селянка 'запеканка из молозива'		–	–	–	–	селянка	селянка
сиченка	сиченка	–	–	сеченка (вят., свердл.)	сиченка	+	+
томлёнка		–	–	томлёнка (удм.)	–	–	томлёнка

Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что в основном лексика русского диалектного происхождения в коми-пермяцком языке связана с пермскими говорами. Скорее всего, эти слова возникают именно в русских пермских говорах и оттуда заимствуются. Меньшая часть лексем встречается также и в севернорусских диалектах, это объясняется тем, что пермские говоры генетически связаны с архангельскими и вологодскими [Полякова 2006: 36]. Небольшое количество одинаковых слов фиксируется в коми-пермяцком языке, пермских и вятских говорах. Территория Коми-Пермяцкого округа, входящего в Пермский край, граничит с Кировской областью, кроме того, носители вятских говоров участвовали в заселении края, поэтому появления таких пересечений вполне закономерно. В том случае, если есть совпадения с диалектной речью Среднего Урала (свердл.), мы можем предположить, что слово принесли переселенцы из Предуралья.

Таким образом, диалектные русизмы в коми-пермяцком языке довольно распространены. Чаще всего они используются для обозначения традиционных блюд коми-пермяков, что свидетельствует о сходстве культуры питания коми-пермяков и русских. Это единство обусловлено как сосуществованием на протяжении длительного времени двух народов на одной территории, так и сходством их хозяйственного уклада. Чаще всего в коми-пермяцком языке сохраняется семантика, характерная для русского диалектного слова, реже – значение может меняться. В большинстве случаев одинаковые диалектные русизмы встречаются во всех говорах коми-пермяцкого языка, однако в коми-язвинском диалекте фиксируются заимствования, не отмеченные в других говорах. Исследование лексики русского происхождения интересно и тем, что в коми-пермяцком языке сохраняется русская диалектная лексика, исчезающая в русском языке.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00750 А «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания».

Список сокращений

арх. – архангельские говоры
волог. – вологодские говоры
вят. – вятские говоры
Гайн. – Гайнский район

Киш. – Кишертский район
костром. – костромское
Краснов. – Красновишерский район
Кудымк. – Кудымкарский район
олон. – олонекские говоры
свердл. – говоры Свердловской области
Сол. – Соликамский район
удм. – говоры Удмуртии
Уинск. – Уинский район
Черд. – Чердынский район
Юрл. – Юрлинский район

Список источников

БАС – *Большой академический словарь русского языка* / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2017. Т. 1–24 (издание продолжается).

ДАКТИПЯ – *Диалектологический архив*, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс, Универс, 1994. Т. 1–4.

Детский фольклор – *Боба тэ*, боба, кытчö тэ ветлін / *Боба ты*, боба ты, куда ты ходил? Детский фольклор коми-пермяков: сборник фольклорных текстов и комментарии / сост. Т. И. Голева, А. С. Лобанова, А. Н. Мальцева, И. А. Подюков, А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2015. 400 с.

Записи 1 – *Записи* коми-пермяцкой речи Л. Д. Петровой, сделанные в дер. Кудымкарского района в 2018 г., записаны и расшифрованы А. В. Кротовой-Гариной.

Записи 2 – *Записи* коми-пермяцкой речи Н. Н. Томской, сделанные в с. Кочеве Кочевского района в 2018 г., записаны А. В. Кротовой-Гариной, расшифрованы Е. Федосеевой.

Записи 3 – *Записи* коми-пермяцкой речи М. И. Хомяковой, сделанные в с. Кочеве Кочевского района в 2018 г., записаны и расшифрованы А. В. Кротовой-Гариной.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский словарь* / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КРС – *Тимушев Д. А., Колегова Н. А.* Коми-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 923 с.

КСРГСПК – *Картотека* словаря русских говоров севера Пермского края.

Лупьинцы – *Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В.* Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. Пермь: ИД Тип. купца Тарасова. 2011. 142 с.

Опыт – *Опыт* областного великорусского словаря. СПб., 1852.

ОСВГ – *Областной словарь вятских говоров* / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: ООО «Коннектика», 1996–2016. Вып. 1–10 (издание продолжается).

Пономарева – *Пономарева Л. Г.* Речь северных коми-пермяков. М.: Языки народов мира, 2016. 514 с.

СВГ – *Словарь вологодских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии*. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.

СПГ – *Словарь пермских говоров* / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО – *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа* / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – *Словарь русских говоров севера Пермского края* / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья* / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

Старикова А. Ф. Культура питания язынских пермяков: исторические зарисовки. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 28 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Список литературы

Баталова Р. М. Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка (в помощь учителю). Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1962. 48 с.

Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея Антония Попова 1785 года // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 108–112.

Кривощёва-Гантман А. С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951. 18 с.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 188 с.

Лобанова А. С., Черных А. В. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-

пермяков // Урало-алтайские исследования. М.: Ин-т языкозн. РАН, 2014. № 3(14). С. 24–39.

Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 168 с.

Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупинских коми-пермяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(19). С. 14–21.

Полякова Е. Н. Формирование пермских говоров // Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С. 14–37.

Утева Л. В. Термины родства, свойства и неродственных отношений в коми-пермяцком языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 213 с.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. 196 с.

Федосеева Е. Н. Русские заимствования в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. С. 368–376.

Чагин Г. Н. Межэтническая коммуникация народов Пермского края в условиях цивилизационного пограничья: традиции и современность // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Прикам. социал. ин-т, 2016. С. 522–533.

References

Batalova R. M. *Kratkiy spravochnik po zaimstvovannym slovam i dialektnoy leksike komi-permyatskogo yazyka (v pomoshch' uchitelyu)* [A brief guide to borrowed words and dialect vocabulary of the Komi-Permyak language (teaching aid)]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1962. 48 p. (In Russ.)

Gaydamashko R. V., Ponomareva L. G. *Russkie zaimstvovaniya v komi-permyatskom yazyke rukopisey protoireya Antoniya Popova 1785 goda* [Russian borrowings in the Komi-Permyak manuscripts of Archpriest Anthony Popov of 1785]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala. Sbornik statey XI Mezhdunar. simpoziuma* [Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals. Pro-

ceedings of the 11th International symposium]. Cherbok-sary, Chuvash State University Press, 2018, pp. 108–112. (In Russ.)

Krivoshchekova-Gantman A. S. *Slovarnyy sostav i slovoizmenenie in'venskogo dialekta komi-permyatskogo yazyka*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Vocabulary and the inflection of the Inva dialect of the Komi-Permyak language. Abstract of cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1951. 18 p. (In Russ.)

Lobanova A. S. *Komi-permyatskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Materialy i issledovaniya* [Komi-Permyak ethnolinguistic collection. Materials and research]. Perm, OT i DO Publ., 2008. 188 p. (In Russ.)

Lobanova A. S., Chernykh A. V. *Leksika traditsionnogo kostyuma v dialektnoy rechi komi-permyakov* [Terms of traditional clothing in the Komi-Permyak dialects]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies (Scientific Journal)]. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences Publ., 2014, issue 3 (14), pp. 24–39. (In Russ.)

Merkusheva T. N. *Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Vocabulary of the flora and fauna of the southern dialect of the Komi-Permyak language. Cand. philol. sci. diss.]. Syktyvkar, 2003. 230 p. (In Russ.)

Oborin V. A. *Zaselenie i osvoenie Urala v kontse 11 – nachale 17 veka* [Settlement and development of the Urals at the end of the 11th – beginning of the 17th century]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 1991. 168 p. (In Russ.)

Podyukov I.A. *Russkaya dialektnaya leksika v rechi lup'inskiy komi-permyakov* [Russian dialect vocabulary in Lupyinski komi-permyak speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 3(19), pp. 14–21. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Formirovanie permskikh govorov* [Formation of the Perm dialects]. *Regional'naya leksikologiya i onomastika: materialy dlya*

samostoyatel'noy raboty [Regional lexicology and onomastics: self-study materials]. Perm, Perm State University Press, 2006, pp. 14–37. (In Russ.)

Uteva L. V. *Terminy rodstva, svoystva i nerodstvennykh otnosheniy v komi-permyatskom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Terms of kinship, affinity and unrelated relations in the Komi-Permyak language. Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2015. 213 p. (In Russ.)

Fedoseeva E. N. *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [The vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language]. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 196 p. (In Russ.)

Fedoseeva E. N. *Russkie zaimstvovaniya v slovarnom sostave severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [Russian borrowings in the vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language]. *Permistika – 10: Voprosy permskoy i finno-ugorskoj filologii. Materialy X Mezhdunarodnogo simpoziuma «Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami»* [Permistics – 10: Issues of Permian and Finno-Ugric philology. Proceedings of the 10th International symposium 'Dialects and the history of the Permian languages in interaction with other languages']. Izhevsk, Udmurt State University Press, 2009, pp. 368–376. (In Russ.)

Chagin G. N. *Mezhetnicheskaya kommunikatsiya narodov Permskogo kraja v usloviyakh tsivilizatsionnogo pogranich'ya: traditsii i sovremennost'* [Inter-ethnic communication of the peoples of the Perm region in the conditions of civilized borderland: traditions and modernity]. *Natsional'naya bezopasnost': strategicheskiye prioritety i sistema obespecheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [National security: strategic priorities and the security system: materials of the International scientific and practical conference]. Perm, Prikamsky Social Institute Press, 2016, pp. 522–533. (In Russ.)

FOOD VOCABULARY IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE: BORROWINGS FROM RUSSIAN DIALECTS OF THE PERM REGION

Yuliya V. Zvereva

**Associate Professor in the Department of Theory and Methods
of Teaching and Training Junior Schoolchildren**

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. zvereva_yuliya_2013@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Submitted 26.12.2018

The article deals with the Russian dialect vocabulary of the thematic group 'Food' which is recorded in different dialects of the Komi-Permyak language. Words borrowed from Russian dialects are well preserved in the language, but not all these lexemes are recorded in the *Komi-Permyak-Russian Dictionary*. Materials for the analysis were extracted from various written sources of the Komi-Permyak language, as well as from records of speech of the Komi-Permyaks. There have been revealed quite a large number of dialect Russian words that denote dishes and drinks. Most often, the Komi-Permyak language retains the meaning of the dialect word that exists in Russian. In some cases, the semantics of the borrowed word may change, most often the meaning is narrowed. Comparing the analyzed language units in terms of their presence in different Russian dialects, the author comes to a conclusion that in most cases the lexeme is found in Perm dialects but not found in others. A smaller part of the lexemes is also noted in the northern Russian dialects, which is explained by the fact that Perm dialects are genetically related to the Arkhangelsk and Vologda dialects. The population of the Perm region was formed by migrants from the territory of the Russian North, including from Arkhangelsk and Vologda. Often, Russian dialect words are used to refer to traditional dishes of the Komi-Permyaks, which testifies to the similarity of the food culture of those and Russians, as well as to the close economic ties that existed between the Russian and Komi-Permyak peoples. Modern recordings of Komi-Permyak speech show an increase in the number of borrowed words denoting food. Often, in different dialects of the Komi-Permyak language, there co-exist words of the Russian and indigenous origin denoting one and the same material object.

Key words: Komi-Permyak language; loanwords; food vocabulary; cultural and language interaction.

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2019-2-34-43

ПРИНЯТЫЕ – ЛЮДИ ПРОКЛЯТЫЕ: НОМИНАЦИЯ МУЖА, ПРИШЕДШЕГО ЖИТЬ В ДОМ ЖЕНЫ (по материалам архангельских говоров)

Ирина Борисовна Качинская

к. филол. н., младший научный сотрудник кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

111991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. kacza@yandex.ru

SPIN-код: 6027-2137

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5707-6848>

ResearcherID: C-3732-2019

Статья поступила в редакцию 11.09.2018

Про́сьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Качинская И. Б. Принятые – люди проклятые: номинация мужа, пришедшего жить в дом жены (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 34–43. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-34-43

Please cite this article in English as:

Kachinskaya I. B. Prinyatyie – lyudi proklyatyie: nominatsiya muzha, prishedshego zhit' v dom zheny (po materialam arkhangel'skikh govorov) [A Husband Who Came to Live in His Wife's House: Denomination and Motivation (in Arkhangel'sk Dialects)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 34–43. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-34-43 (In Russ.)

Терминам родства в русском языке всегда уделялось достаточно большое внимание, в том числе описывались и термины свойства – родства по браку. Среди терминов свойства существуют многочисленные названия для мужа, пришедшего жить в дом жены. В архангельских говорах таких названий оказалось около 40 плюс около 20 словосочетаний. В статье приводится перечень лексем, подробно рассматривается их мотивация. В основном она связана со словами-понятиями *дом, двор, живот, принять*. Кроме того, используются термины кровного родства и термины, отражающие половозрастную номинацию.

Должны были быть особые причины для того, чтобы мужчина пришел жить в дом жены: бедность, отсутствие своего дома. С точки зрения деревенской этики, именно муж должен приводить жену в свой дом, а не наоборот. Поэтому приведенные мужья осуждались – главным образом потому, что, не имея ничего своего, приходили на все готовое. Социальное положение «приемного» мужа в семье считалось достаточно низким, он часто получал обидные прозвища.

Принимали в дом не только мужа, но и детей-сирот, а также опекунов к одиноким, больным или престарелым людям. Одни и те же лексемы могли совмещать значения ‘мужа, пришедшего жить в дом жены’, ‘приемного или внебрачного ребенка’, ‘человека, принятого в семью одиноких пожилых людей в качестве опекуна’ и ‘мифологического существа, живущего в доме’.

В основу исследования положены материалы вышедших томов «Архангельского областного словаря» и его картотеки, а также собственные полевые записи автора.

Ключевые слова: термины родства; термины свойства; архангельские говоры; русская диалектология.

Терминам родства в русском языке всегда уделялось достаточно большое внимание, в том числе описывались и термины свойства (см. например: [Филин 1948; Моисеев 1963; Шарапова 1977; Кошелева 2009; Бурыкин 2012; Зверева

2013; Качинская 2015а; Качинская 2016а] и мн. др.). Лексико-семантическая группа «Термины родства» тесно связана с другими группами, в том числе с группой половозрастной номинации и группой «Социальный статус». В старой де-

ревне высокий социальный статус был у лиц, состоящих в браке, и у детей, рожденных в браке. Низкий социальный статус был у лиц, не вступивших (или поздно вступающих) в брак, у вдовцов, разведенных, бездетных, у сирот и детей, рожденных вне брака. Считалось также нормой, когда женщина после свадьбы переходила жить в дом мужа. Если, напротив, мужчина жил в доме жены, его социальный статус немедленно снижался. Настоящая статья посвящена номинации мужа, пришедшего жить в дом жены.

Исследование проведено на материале архангельских говоров: использованы вышедшие тома «Архангельского областного словаря» [АОС] и его картотеки [КАОС], а также собственные полевые записи автора.

1. Выйти замуж ~ жениться: гендерная обратимость. В старой деревне женщина, выходя замуж, попадала в новую семью. Выражение *выйти замуж (взамуж)* буквально означало 'выйти за мужа', 'перейти в дом мужа'. Но иногда муж переходил жить в дом к жене. Для того чтобы не выдавать дочь, а взять зятя (мужа) в дом, могли быть разные причины: у родителей не было сыновей и они не хотели расставаться с дочерью; женщина оставалась вдовой или старой девой:

Отец был принятой, матери была у дедушка одна, отец пришёл принятым. Принятой – если нет в доме мужчины. Если в доме одна девушка, то принимала мужа в дом, домовика. ХОЛМ. Если одна дочь, так её не дают на выход-то, дак в дом идёт-то – домовицика берёт-то. ОНЕЖ. Одна доцька родилась – надо дворенина брать. ВИЛ. У родителей парня нет, а всё девки, дак всех отдают, а к одной приёмьши примут. КОН. Мужа убили на войны, а ён принялся приёмьшиом-то. Жёнки после войны остались, дома хороши, дак они дворников набрали. В-Т. Муж-то умер, она приняла дворовика. МЕЗ. Животником называли, когда она овдовеет да второго приведёт. ШЕНК. А я-то принятого возьму, дед помрёт-то. ЛЕШ. Заставили взять принятого, свёкор да свекрова. ЛЕШ. А ей годы подошли, отец говорит: «В дом бери!» ЛЕШ.

Должны были быть и особые причины для того, чтобы мужчина пришел жить в дом жены: бедность, отсутствие своего дома, нежелание возвращаться туда, откуда он пришел (см. об этом также: [Новик 2018]). Иногда для мужчины это была вторая семья, первая оставалась где-то далеко:

Например, вот мужчина приходит к женишине в приёмьши, по закону женишине к мужчине идёт (после свадьбы), это он в приёмьши идёт, если у него нет ни дома ни лома. КАРГ. А если не может дома поставить, дак отдаёт сына в приняты. ЛЕШ. Какой, бываёт, в приёмьши заберется, дак домой не смеют и весточку подать – дома баба оставлена. КАРГ.

Пришедший в дом муж даже мог принять фамилию жены:

Если мужчина в дом жены приходит и на женину фамилию переходит, так приёмьши говорят. ПЛЕС. Заварзин быв, по деду-ту, а он во двор пошён и под жёнкину фамилию. ПИН. В ейную фамиль перешёл. КАРГ.

Если женщина оставалась в своем доме, считалось, что она не выходила замуж, а сама брала (принимала, получала) взамуж мужчину:

Она взамуж принела, Егора животника. Ковда взамуж полуцат мужа. ШЕНК. Жена его другого мужика взяла взамуж. ОНЕЖ. Баба взяла взамуж к себе, а он бабу всю ихлестал. КОН. Она не взамуж вышла, а себе в дом взяла. КОН. Она принятого приняла, не вышла взамуж-то. ЛЕШ.

В таком случае ее не выдавали замуж, а женили:

Её взамуж не отдают – женят в своём доме – это называются дворьяна. ЛЕН. Дочь женили – вот и дворьянин, у нас был дворьянин из Москвы. ЛЕН. Дочерей отдают, а одну жёнят – возьмут каково им надо парня, вот и приёмьши. КОН. Тут и женила девку-то, приняла мужика. КОН. Павлу-то женили, оповязана она была на свадьбу. Она дочь женила да взяла парня. ВИЛ. Зою-то женить хотел. ВИЛ.

Сама она женилась:

А я там женилась, дворенина привела. А я уш как женилась, я дома женилась, взяла от Якиных приёмьшика, дворьянина-то. ВИЛ. Галька женилась, Славку взяла в приёмьши себе. ВЕЛЬ. Татеньки не было, мама женилась, дворника взяла. Девка жёнится, берёт во двор к себе. Дома одна женилась, мужёвняя сестра, дворьянина взяла. КРАСН. Жёнка сейчас другово взяла, женилась опять. В-Т.

Мужчина, муж в таком случае выходил (уходил) замуж (взамуж):

Сказыват Анна – Васька взамуж вышел в приёмьши. Тёта, я взамуж вышел. ПЛЕС. Ефрём выходил замуж. В-Т. А Миша замуж выходит в ту пору. В-Т. У меня родитель вышел взамуж, дак двацать три целовека семья была. КАРГ. Брат взамуж уйдёт. КОН.

Таким образом могли меняться гендерные соответствия понятий *выходить замуж* и *жениться*. Реверсное поведение отразилось в лексике.

2. Номинация и словосочетания. Для номинации мужа, перешедшего жить в дом жены, в архангельских говорах зафиксировано более 40 лексем: *водворяга, воркосой, воркоша, дворник, дворовик, дворовой, дворьяга, дворьяец, дворьяк, дворьян, дворьянин, деревеницик, доживало, доменной, домовик, домовой, домовуха, домовицик, доможир, живот, животан, животник, животничек, квашенник, кормьши, налёпыш, петух, приданница, придатьши, приёмник, приёмок, приёмцик, приёмьши, приёмьшико, приимьши,*

приёмши, примак, принятой, принятуха, принятухо, принятушка, принятыши, хлеборад, чёмур.

Кроме того, встречено около 20 атрибутивных сочетаний, в том числе: *дворовой человек, принятой (приёмный) муж (мужик), угловой жилец, куричья головка, курья голова, петушья голова, чужая квашня, обрезанная (отрезанная) краюха, приглашённый (принятой) дедко, приёмной дедушко, чужой мужик, принятой муж (мужик, дедко, парень)* и др.

Около десятка номинаций приводится в Словаре В. И. Даля: см. соответствующие понятия в гнездах словарных статей *дом, двор, живот, влазить*, словарную статью *примак* [Даль 1: 521, 1049, 1159; 3: 1109]; некоторые номинации приведены в работах: [Зверева 2013: 34; Качинская 2015б].

Значение ‘перейти (переходить) после женитьбы в дом жены’ выражается словосочетаниями: *выйти (выходить, уйти, прийти, пойти, идти, водвориться, приняться, даваться, забраться и т. д.) в(о) двор, в дворники, в дворовики, дворяном, в(о) дворяна, в дом, в домовухи, в домовицики (домовициком), в животы, в животники, в приём, в приёмки, в приёмыши (приёмышем), в примак, в примы, в принятые (принятым)*. Значение ‘принять в свой дом в качестве зятя, мужа’ выражается такими словосочетаниями: *взять (брать, принять, принимать, набрать, привести, пригласить) во двор, дворника (дворников), во дворовики (дворовика), дворового, во дворяги, дворянина, во дворяна, в (на) дом, домовика, домовуха, домовицика, доможир (доможиром), в животы (живота), животана, животника (в животники), животничка, мужика, мужичёнка, в приём, в приёмки (приёмка), приёмцика, приёмыша (в приёмыши), приёмыша, в примак, принятого*. Женив сына, отдать его жить в дом, семью жены выражалось сочетаниями *отдать (запихать) в(о) дворяны, в животы, в приёмыши, в приняты(е)*. Соответственно, приходя в чужой дом, мужчина попадал *в дворяна, в животы, в животники, в приём, в приёмки, в приёмыши, в приём, в примы, в примак, в принятые, в прикормки*.

Мужа не только берут, но и приглашают жить в чужой дом:

Мужичёнка пригласила, второго ребёнка сделали, вот беда, сама-то на дворе работает, сторожем. ОНЕЖ.

Его находят:

Я нашла животника, приняла. УСТЬ.

Обычно глагол *найти* и словосочетания с ним (*найти на дороге, на улице, за углом и др.*) используются, когда речь идет о внебрачных детях:

Она родила ей без мужа, так просто, нашла, найдушина. ПИН. Эта-то найдушина мала-то, на улицы нашла девушку-то. ПИН. Выблядок, за угольник – за углом нашла. ВИЛ. Выблядок. То, что нашла она без мужика. ОНЕЖ.

От этого глагола образованы существительные и субстантиваты со значением ‘внебрачный ребенок’: *найдёныши, найдыши, найдённый, найдушной* (см. об этом: [Коконова 2009]).

3. Мотивация номинации. Подавляющее большинство интересующих нас лексем имеет достаточно прозрачную мотивацию.

3.1. Большая группа слов связана с понятиями *дома и двора*: *мужчина, женившись, входит в дом (двор) своей жены, т. е. становится членом чужой семьи. О нем так и говорят: взять (брать, принять) в дом или во двор:*

Дядина она мне, а дядю убили, она взяла в дом доможицика. ОНЕЖ. *Его одна вдовица в дом взяла, детей насмекали. У меня был принят в дом мужик.* ОНЕЖ. *У меня хозяин был тожо в дом сюда взял доможиром.* ПРИМ. *В дворники уйти, она ево на дом брала.* КРАСН. *В дом-то я брала себе домовицика.* МЕЗ. *В дом примут, домовицик принимается.* ОНЕЖ. *Бывает, берёт во двор девка себе.* КРАСН. *Дочь взяла с Сельца во двор. Она приняла мужика в двор.* ВИН. *Отец здешной, а сюды в приняты в этот дом принялси.* ЛЕШ. *У нас по отцу, у отца брат принятым принимался.* ЛЕШ.

Обстоятельства в дом или во двор могут опускаться:

Мужик у ней погиб, она домовика привела. Приняла домовика. ПЛЕС. *Жёнка домовицика-то приняла.* ОНЕЖ. *До замужья доростили, вот и домовицика взяли.* ПРИМ. *Доможир взял у нас.* ПРИМ. *Домовицика бери какого не пьяницу.* ПРИМ.

Приходя жить в дом к жене, мужчина уходит (*приходит, выходит*) в дом (*во двор*):

В дом придет, скажут: в дом пришёл. ОНЕЖ. *Он ушёл как в дом. Домовик ле домовиком.* ПИН. *Животник, он как идёт к женицине в дом – то животник.* ШЕНК. *А парень ушёл в дом. Один в дом ушёл в Верховье.* КОН. *Мой-от сын вышел во двор к енной дочери. Мой брат к ие в двор ушёл, в двор ушёл.* В-Т. *А ты такой парень приглядный, во двор уйдёшь!* МЕЗ. *Один ушёл во двор к жёнке.* ПИН. *Он во двор к ней пришёл, у ней тоже муж задавился.* В-Т. *Дворник во двор вышел, в дом вышел – тот, что у жены живёт.* В-Т.

Большое количество лексем, обозначающих ‘мужа, перешедшего жить в дом жены’, является дериватами от корней *дом* (*домовик, домовуха, домовицик, доможир*) и *двор* (*дворник, дворовик, дворяга, водворяга, дворягец, дворяк, дворян, дворянин, дворовый человек*):

лодке едет, а так-то к молодому свайба едет-то. ЛЕШ. Прозовут так: **принятой**, в **приняты** пришёл, не во свой дом, а в **приняты**. ЛЕШ. Если уж **принятого** приняла, идут к ей жить. ЛЕШ. Ты одна у мамы, так возьми **принятого** или сама уйдёшь? ЛЕШ. Овдовела, двое детей, так приняла **принятого**. ЛЕШ. У меня на Катьку-то шёл Осип в **приняты**, **приёмши**. МЕЗ. Его запи-хали в **приняты** на старуху на двадцать лет его старше. ЛЕШ.

Имеются предложные сочетания, близкие наречиям, тоже связанные со словом **принять**: мужчина идет в **приёмь** (**примь**):

Один сын в **приёмь** уишён, а один отошён от отца. КОН. Ушёл в **приёмь**. НЯНД. А он, говорят, в **примь** уишёл, или в **приёмши**, это одно и то же. КОН.

3.5. Женщина обычно выходила замуж, принося в дом мужа свои вещи, **приданое**. Пришедший в дом жены муж тоже приходил со своими вещами и оказывался **приданницей**:

В дом ушёл, дак **приданница**, и **домовой** скажут, больше **приданница**. ВИН. Тут был Борис Ефимович, его звали **Приданница**: он со своим приданым ушёл к жене. ВИН.

При своей жене он был **придавшимся**:

Сноха семь годов она ницео, а потом привела каково-то **придавшимся**. ВИЛ.

3.6. В архангельских говорах помимо общерусской номинации **муж**, **супруг** встретились и другие наименования мужа: это многочисленные дериваты от корня **муж-** (**мужик**, **муженёк**, **мужичёк** и др.), термины кровного родства, например, **батька**, **батьюшко**, **дед**, **дедко**, **дедушка**, **отец**, **папка**, **татка**, **дядька**, и другие термины, отражающие половозрастную номинацию: **парень**, **старик**, **старый** и проч. Для мужа, пришедшего в дом жены, используются также словосочетания, в которых ведущим словом становится термин родства, в том числе кровного, или термин, связанный с половозрастной номинацией: **принятой** (**приёмной**) **муж** (**мужик**), **чужой мужик**, **принятой** (**приглашённый**) **дедко**, **приёмной** **дедушко**, **принятой** **парень**:

У меня **муж** **принятой**, что он ко мне в дом пошёл. ЛЕШ. У ней **муж-от** **принятой**, прималсе. МЕЗ. У ней **приёмный** **муж**, **приёмши**, он второй муж, к ней жить пришёл. ВИН. У ково доцка одна, так **мужик** **принятой** биват. ЛЕШ. Взяла **принятого** в дом к себе **мужика**. МЕЗ. **Дедко** у нас **принятой** был, вот и фамилиё принёс. ЛЕШ. Дедушко Семён тут поселился, уишёл на бабушку во двор, четыре сына было. **Приёмный** **дедушко**. МЕЗ. Да был ишио у бабки-то тожо, знаешь, **приглашён** ведь **дедко**. ПИН. Вот **принятого** **парня** и берут. ПИН.

Муж, за которого **выходят** замуж, переходя жить в его дом, и муж, которого **принимают** в свой дом, могут противопоставляться друг другу:

Я замуж **выходила**, а ты **приёмши** **примала**. ВЕЛЬ. Первый был тоже **животник** али **муж**? ШЕНК. Она женилась, уписалась, **не муж** тебе, а **дворянин**. ВИЛ.

Но чаще этого не происходит:

Я его **приняла** в **животы**, **мужа-то** значит. ВЕЛЬ.

3.7. Низкий социальный статус человека, который пришёл жить в чужой дом, подчеркивался «обидными» словами: **кормыш**, **доживало**, **налёпыш**, **квашенник**, **чужая квашня**, **угловой жилец**, **хлеборад**, **обрезанная** (**отрезанная**) **краюха**, **чёмур**, **петух**, **куричья головка**, **курья голова**, **петушья голова**. Такой мужчина в чужом доме ест чужой хлеб, является нахлебником. Он **доживало**, **кормыш**, **хлеборад**:

У нас вот **доживалом** называли. Мужик уишёл к жёнке, так **доживало**, доживать уишёл. ВИН. **Доживало** ли как тут. Во двор поишёл, дак **доживало-то**. ВИН. **Хлеборад** шёл на готово. МЕЗ. Это так только позавочь говорили, не **приёмши**, а от, говорят, **хлеборад**. ВИН. **Хлеборадом** зовут да **принятой**. МЕЗ. Мать взяла после войны **приёмка**, или **кормыша**, всяк называют. НЯНД.

Основное значение слова **доживало** – ‘человек, не занимающийся хозяйством’, ‘лентяй’, ‘бедняк’:

Доживало такой, не хоёт работать. ШЕНК. **Доживало** – не на ноги, не на руки, не в рот положить. УСТЬ.

Кормыш – тоже нахлебник. Переходя в чужой дом, мужчина идет в **прикормки**:

Живёт как **кормыш** – чужой хлеб ест. МЕЗ. Он и пришёл в **прикормки**. НЯНД. Стп.

Он приходит на чужую квашню и сам становится чужой квашной или квашенником:

Приёмники – в дом принял да. **Квашенники** да, на чужу квашню пришли. Скажут, на чужу квашню уишёл. Когда зятя берут, говорят: Зять пришёл к тёшишэ, на чужу квашню. ПИН. МЕЗ. В **приёмки** – чужая, грит, квашня. Ты, гыт, чужая квашня, **приёмок**. ПЛЕС. **Цужа** квашня, **приёмши**. ПИН.

Налёпыш – человек, «прилепившийся» к чужому имуществу, к чужому дому:

Это всё **приёмши**, **налёпыши**, это всё не мужики, дрянь! УСТЬ.

Угловой жилец – человек, не имеющий своего угла, жилья, имущества:

Приёмши, а у нас в Северодвинске – **угловой жилец**. ХОЛМ.

Словосочетания *обрезанная (отрезанная) краюха* в применении к мужу, пришедшему жить в дом жены, снова сближает мужчину с женщиной. Именно женщину часто называют *отрезанным ломтём*, имея в виду, что теперь она принадлежит не к своему семейству, а к чужому:

От отца он переймёт всё, всё ремесло, а девка так что, девка на выданье, девка – отрезанный ломоть, её для ково-то ростишь, она уйдёт в семью, замуж-то уйдёт. ШЕНК. Считали, что девки – это отрезанный ломоть. ХОЛМ. Дочь-то была как отрезанный ломоть, переходила жить в другой дом. КОИ.

Но то же происходит и с мужчиной, который уходит из своего дома:

Обрезана краюха всё приговаривали, он от нас отрезана краюха. Домовик ле домовиком. ПИН.

В особую группу можно выделить такие «обидные» наименования, как: *петух, куричья головка, курья голова, петушья голова*:

Петух, говорят, в дом пришёл. Приёмьшем тоже называют, но всё больше петухом. ХОЛМ. Раньше называли петух либо чужа квашня. ПИН. У нас прозвище – петушьей головой, кто в дом ушёл. ХОЛМ. Приёмьши он, курья голова, не ходи курьей головой! ХОЛМ. Курья голова пришёл, домовик. ХОЛМ. Приёмьши, приняла, а когда ево ругают, гооря: куричья головка! ХОЛМ.

С одной стороны, обидным может считаться само сравнение с глупой птицей. Но в архангельских говорах лексема *петух* является наиболее распространенным эвфемизмом названия мужского полового органа (*петух, петушок, петонька*):

Петушок, пипка как-то, а у большово всё петух. ВИЛ. Мужик идёт, у него молния разоилась, так и петух может выглянуть. ВЕЛЬ. Эта девка выростёт, потом за рекой у мужика петух встанет на ей. ЛЕШ.

Петух противопоставлен *курице*, как мужской половой орган женскому:

Курица – наша часть, а у мужчин петух, петка-то. ПИН. У нас кура дак кура, а у них петух дак петух. ПИН.

Однако лексема *курица*, ее словообразовательные и семантические дериваты могут означать также и мужской половой орган (*курица, куричошка, кутька* и др.):

Петух да курица – это у мужика, у нас курицей никак не назовёшь. ПИН. Только курицы лягаются, кутюшки. УСТЬ.

Поэтому наименование мужа, пришедшего жить в дом жены, *петухом, петушьей (куричьей) головой* и т. д. может означать, что мужчина в чужом доме, лишенный всяких прав, нужен только для воспроизведения потомства. Возможно, подобная мотивация возникает и при названии приемного мужа *воробьем* в пермских гово-

рах [Зверева 2013: 34]. В архангельских говорах среди эвфемизмов мужского полового органа встретила лексема *воробок*.

3.8. Есть примеры с неясной мотивацией: *воркоша* и *воркосой*, записанные в одном пункте (Няндомский район, д. Верала):

Воркосой скажут, как вышел к девке в дом. Воркоша, скажут, как уйдёт к девке. НЯНД.

По данным Словаря русских народных говоров, *ворок* (род. п. *ворка*) ‘огороженное место, загон для скота’, ‘скотный двор’, ‘хлев’ [СРНГ, 5: 110–111]. Слово зафиксировано в южных и юго-западных говорах. Но, может быть, именно к нему восходят производные *воркосой* и *воркоша* с той же мотивацией, что и у слов *дворовой, дворник, дворяга*, относящихся к двору.

3.9. Существительное *чёмор (чёмур)* – бранное слово, с протетическим значением ‘черт’:

Чёмор – дак ба чёрт, да я и не знаю. Я ни чёмора не помню. ПИН. Да ну ей к чёмору! ПИН. На чёмора ты мне! ПИН. А чёмор знает, на ково учиться поехать. ПИН.

Таким «чертом» оказывается и приемный муж: *Лёня чёмур, дворяк. Возьмут во дворовики мужика – вот он будет чёмур. ВИЛ.*

С «нечистой силой» связаны и лексемы *домовой, дворовой, доможир, домовик*. Это не только ‘муж, пришедший жить в дом жены’, но и ‘мифическое существо, обитающее в доме’:

Хозяин домовый и нонче есть. А такой маленькой, как кошечка. МЕЗ. В лесу-то леший, во дворе так дворовый. КАРГ. Дворовой во дворе, домовый в избе. ШЕНК. Доможир его зовут. МЕЗ. Про байников, про домовиков, про водяных я не знаю, да вы в худо дело-то не верьте. ЛЕШ.

Однако *доможир* – это и ‘рачительный хозяин’: *Таишьыт всё домой, так вот доможир, или доможирка же она. УСТЬ.*

Скорее всего, пучок значений развивался от протетических смыслов, связанных с домом и двором.

В одном и том же говоре могли присутствовать разные номинации:

Так он по-старому животник, по-новому приёмьши. ВЕЛЬ. Животник да дворник или животан – вот так говорят. КРАСН. А муж-от доможир, приёмьши, домой к деушке. ПЛЕС. Они-то ведь дворяги, они должны в Шардоме строиться, примаки сейчас, по-нашему дворяги. ПИН. Приёмьшиык – вот дворягами и зовут. ВИИ. Мужчина приехал жить к женичине в дом – животник, животан. УСТЬ. По-хохлячки это примак, а по-нашему не так: приёмьши. ПЛЕС. Он у меня был в приёмьшах, на мой дом – приёмьши, приймак. КАРГ. В дворники его зовут, в приёмьшии. В-Т. Кто назовёт домовицик, а хто приймаши. ПРИМ. Он пришёл к нам жить, а не увёл невесту к себе –

вот он **дворовик** али **примак**. ПИН. Как я приняла, называют еишо **примак**, **приёмши** и **примак**. КОН. **Примак** и **животник** – одно и то же, у нас-то **животники** говорили, раз к девушке пришёл, считается, как **животник**. ВЕЛЬ. В **животы** пришёл жить. **Примак** – по-культурному. УСТЬ.

3.10. Довольно часто муж, пришедший в дом жены, получал прозвище, соответствующее его социальному положению:

Он во двор водворился, так и зовём Вася **Дворяга**. ПИН. Всё и звали Стёпа **Дворяк** – пришёл на их окладники. А сын родился – уже не дворяк, свои окладники. ВИЛ. Вася **Дворяк** женился, взял Машу Колачёнкову. КРАСН. Гаврила **Двор**, так звали. ВИН. Его звали Вася-**Дворя**. ПИН. Сенюшка **Приёмши**. ПЛЕС. У меня вот брат-то, так его всё **Приёмшием** и зовут. ХОЛМ. Ой, девки-то, подите – **Животан**-то поехал, почту-ту повёз. Прозвишишэ такое – в **животы** вышел. А его звали Алексей. УСТЬ.

По прозвищу мужа получала прозвище его жена:

Алексаха **Животанка** сидела. УСТЬ. Анюха-то **Дворянка** год не дороботала, уехала, дак не дали пензию-то. ЛЕН. У **Дворянки** Валя выходила, всех, родню особирали. Нанужались сейчас, а у Кати **Дворянки** кухня загорела. ВИЛ. Валька **Приёмшишева**. ПЛЕС. Мать **Цёмурихой** звали. Мужика взяла в дом, **цёмура**, **Цёмурихой** и прозвали. ВИЛ.

Прозвище могло передаваться в род, становиться семейным:

Сына теперь Паишка **Дворяга** зовут. ВИН. С Халуя был взят **приёмшием**. Так и прозвали – ходила к **Приёмшиевым**, скажут. КАРГ. **Животниковы**. УСТЬ.

4. Отношение к «**приёмному**» мужу. С точки зрения деревенской этики, именно муж должен был приводить жену в свой дом, а не наоборот. Поэтому приведенные в дом мужья (и зятя) осуждались:

В дворовики придёт, дак **стыдно**. МЕЗ. После дворягами их и звали, **корили**. ПИН. Во двор войдёт – **некрасиво** ведь. ПИН.

Осуждению они подвергались прежде всего потому, что шли на **все готовое**:

Если муж идёт к жене жить – **приёмши**, принялся на **всё на готовое**. КАРГ. Дворовик бывает, на **моё** пришёл, дворовик. ВИЛ. В **чужом доме** как пришли – нать ведь жёнку привести в дом. ПИН.

Положение **принятого** в чужом доме было незавидным. Он не был там настоящим хозяином:

Дворники не в почёте были, не хозяева. КРАСН. Раньше-то доможиров **ни во что не ставили**. ПЛЕС. Он в **приёмшии** ушёл, вышел замуж, над ним распоряжаются, как над казаком (батраком). КАРГ. Голодом **приёмши** насидится, долго ли проживёшь голодом?! В **приёмках** жизнь плохая. ПЛЕС. Вот каково в **дворниках** жить, худо, вид-

но. В-Т. Не дай бог в дом уйти **домовишыком**, один топор без спросу только можно взять. ОНЕЖ.

Его презирали:

Это всё **приёмшии**, **налёпыши**, это всё **не мужики**, **дрянь!** УСТЬ. Буде **проклят** тот мужик, который в **приёмшах** живёт. КАРГ. Андрюха, если голова на плечах, в **примаки** не ходи. ОНЕЖ.

Если он оказывался вторым мужем, то претензии к отчиму могли быть и со стороны детей:

Мама **дворника** взяла, дак ему что – не свои дети. КРАСН. Татенька не было, мама женилася, **дворника** взяла, лучше бы не было **дворника**. КРАСН. Мама, ты примешь **приёмшиа**, я уйду! Я и думаю: сына лишиться или хахеля? КАРГ.

Иногда приемный муж не выдерживал и уходил из семьи:

В **дворянах** не пожилось, уехал на Алтай. ЛЕН.

Но его могли и выгнать из дому:

Приёмшиа примали, тоже характер оказал, да и выгнали. КОН.

Порой ему удавалось оправдаться в собственных глазах и в глазах окружающих: для этого нужно было выстроить свой дом, перевести туда семью, т. е. стать хозяином в своем собственном доме:

Во **дворяна** ушёл, стали **дворянином** звать, а он сам себе дом выстроил: Я не **дворянин**, говорит. ВИЛ.

Отрицательное отношение в деревенском обществе к принятому мужу хорошо видно в поговорах. Мужчины уходили в **принятые** лишь в случае крайней необходимости:

Чем **дворовым** быть, так лучше в бане жить. ВИН. Как **дворовиком** быть, лучше в бане жить. ВИН. Чем **приёмшием** быть, дак лучше борону положить да с крыши на неё соскоцить. Лучшие пуд соли съест, чем в **приёмшии** идти. КАРГ. Брёсту, говорит, на голове зажгу, а в **приёмшии** не пойду. В-Т. Как в **приёмшии** уйдёшь, как на горячей сковороды сидишь. ПЛЕС.

Пословицы отражают и отношение к «**приёмному**» мужу в чужой семье:

Животник не работник. ШЕНК. Пословица была: **принеты** – люди прокляты. ЛЕШ. **Приняты** люди прокляты, говорят. ЛЕШ. А **приняты**, говорят, люди прокляты, а курица не птица, **принятой** не человек. ЛЕШ.

5. Приемные члены семьи. Принимали в дом не только мужа, но и детей-сирот, а также опекунов к одиноким, больным или престарелым людям. Одно и то же слово могло иметь разные значения и употребления. Приемный ребенок, принятый на воспитание в новую семью, мог называться **взятши**, **выкормок**, **выкормши**, **деревеник**, **приёмши**, **примак**, **принятой** и др. (см.: [Качинская 2016б]):

Нету у ково своих детей, дак возьмут, усыновим, да и всё, не приёмыш, а тут скажем **взятыш**. КАРГ. **Взятыш** – если сын не родной, если взяли и растёт. ВЕЛЬ. **Выкормок** – то у бабки это, родители померли. ОНЕЖ. **Выкормок** – ну вот какой-нибудь без матери или какой-нибудь беспризорной. ПРИМ. Мало без детей, так они чужих берут, **деревенички** назывались. ЛЕН. Если вышла она на детей, так то падчерята, а если приёмный безродный принимается, то **приёмыш**. **Примака** не взял – приёмного сына. УСТЬ. **Принятой**, взяла бы у сестры мальчишка, он бы женился, дак они бы стали мне **приняты**, они еть не родны. ЛЕШ. Я росла **принятого** с малых лет. ЛЕШ.

Таким образом, лексемы **деревеничек**, **приёмыш**, **примака**, **принятой** и нек. др. совмещают значения ‘приемный» муж’ и ‘приемный ребенок’: и тот и другой оказывается **взят**, **принят** в дом. Иногда, впрочем, приемный ребенок и муж, пришедший жить в дом жены, могут быть в ситуации противопоставления друг другу:

Взятыша не любил в семье, ейный приёмыш его не любил. ПЛЕС. Зятя берут в дом – это приёмыш, а робёнка берут – это взятыш. КАРГ.

Те же лексемы, которые обозначают приемного мужа, используются для обозначения людей (мужчин и женщин), живущих в доме в качестве опекунов (**домовицик**, **дворовик**, **дворяга**, **дворяк**, **дворянин**, **приёмник**, **приёмыш**, **принятой** и др.):

*Всё домовициков брали раньше – мужика с жёнкой брали, родня дак, тётка либо дядя. ОНЕЖ. Тут у ей взят как **дворовик**, как за сына она взяла его. ПИН. Новое (иногда) так со стороны **дворягу** берут, стариков докормят и останутся тут жить. В-Т. Они-то **дворяна** будут, её докормят, допят, да всё ихне будет. ВИЛ. **Дворяк** и **дворянка** – это **во дворяна**, у ей у старухи никого нет родного до званьица. ВИЛ. Семён к нему в **приёмники** пришёл. КОН. Он уж без старухи их взял в **приняты**. Старики их взяли в **приняты**. ЛЕШ.*

Таким образом, одни и те же лексемы могли обозначать человека, по разным причинам принятого на жительство в чужую семью: это приемный или внебрачный ребенок; опекун, проживающий в доме одиноких, пожилых или больных людей; муж, пришедший жить в дом жены.

Районы Архангельской области.

Список сокращений

В-Т. – Верхнетоемский
ВЕЛ. – Вельский
ВИЛ. – Вилегодский
ВИН. – Виноградский
КАРГ. – Каргопольский
КОН. – Коношский
КОТЛ. – Котласский
КРАСН. – Красноборский
ЛЕН. – Ленский

ЛЕШ. – Лешуконский
МЕЗ. – Мезенский
НЯНД. – Няндомский
ОНЕЖ. – Онежский
ПИН. – Пинежский
ПЛЕС. – Плесецкий
ПРИМ. – Приморский
УСТЬ. – Устьянский
ХОЛМ. – Холмогорский
ШЕНК. – Шенкурский

Список литературы

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовоной, Е. А. Нефедовой. М., 1980–2018. Вып. 1–19– (изд. продолжается).

Бурькин А. А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // Алгебра родства. СПб.: Кунсткамера, 2009. Вып. 12. С. 208–290.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. Бодуэна де Куртенэ. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. Т. III. 912 с.

Зверева Ю. В. Наименование человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 28–36.

КАОС – Картоотека «Архангельского областного словаря» (Московский государственный университет, филологический факультет, каф. русского языка, каб. русской диалектологии).

Качинская И. Б. Свекровь и теща: термины свойства в архангельских говорах // Севернорусские говоры. СПб.: Нестор-История, 2015а. Вып. 14. С. 218–233.

Качинская И. Б. Зять – ни дать ни взять (термины свойства в архангельских говорах) // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию Диалектологической карты русского языка в Европе: тезисы докл. Междунар. науч. конф. 30 октября – 1 ноября 2015 г. М.: Русская Диалектология, 2015б. С. 102–104.

Качинская И. Б. Термины свойства в архангельских говорах: жена сына – невестка, сноха, молодка // Вестник Костромского университета. 2016а. № 3. С. 163–167.

Качинская И. Б. Термины заместительного родства в архангельских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016б. Вып. 4(36). С. 5–12.

Коконова А. Б. Сколотари и беззаконники: внебрачные дети в севернорусской народной культуре в свете семантических оппозиций // Алгебра родства. СПб., 2009. Вып. 12. С. 291–299.

Кошелева Е. Ю. Терминология родства в русском языке // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2(21), ч. 2. С. 73–74. URL:

http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_2-2_30.pdf (дата обращения: 27.08.2018).

Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке // Филологические науки. 1963. № 3. С. 120–132.

Новик М. В каких случаях на Руси мужчина жил с родителями жены. URL: <https://cyrillitsa.ru/history/66572-v-kakikh-sluchayakh-na-rusi-muzhchina-zhil-s-ro.html> (дата обращения: 09.08.2018).

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Л.: Наука, 1970. Вып. 5. 344 с.

Шарапова И. М. Терминология родства в рязанских говорах: автореф. дис. ... канд. наук. М.: МГПИ, 1977. 15 с.

Филин Ф. П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. 1948. Т. XI. 503 с.

References

Arkchangel'skiy oblastnoy slovar' [ARD – Archangelsk Region Dictionary]. Ed. by O. G. Getsova, E. A. Nefedova. Moscow, 1980–2018, vol. 1–19. (In Russ.)

Burykin A. A. Sovremennaya russkaya sistema terminov rodstva i svoystva: material, lingvisticheskaya i etnographicheskaya problematika [Modern Russian system of kinship and affinity terms: data, linguistic and ethnographic issues]. *Algebra rodstva* [The algebra of kinship]. St. Petersburg, Kunstkamera Publ., 2009, issue 12, pp. 208–290. (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Ed. by Baudouin de Courtenay. Moscow, Progress Publ., 1994, vol. 3. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Naimenovanie cheloveka po otnosheniyu k braku v permskikh govorakh [Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 1(21), pp. 28–36. (In Russ.)

Kartoteka «Arkhangel'skogo oblastnogo slovarya» [CARD – Catalogue of the 'Arkhangelsk Region Dictionary']. Moscow State University, Faculty of Philology, Department of the Russian Language, Laboratory of Russian Dialectology.

Kachinskaya I. B. Svekrov' i teshcha: terminy svoystva v arkhangel'skikh govorakh [Husband's Mother and Wife's Mother: Kinship Terms for Spouse Parents in the Arkhangelsk Region Dialects]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian Dialects], St. Petersburg, Nestor-Historia Publ., 2015, issue 14, pp. 218–233. (In Russ.)

Kachinskaya I. B. Zyat' – ni dat' ni vz'at' (terminy svoystva v arkhangel'skikh govorakh) [Son-in-law – nothing to give, nothing to gain (terms of

kinship by marriage in Arkhangelsk dialects)]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii. K 100-letiyu dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope. Tezisy dokladov Mezhdunar. nauch. konf. 30 oktyabrya – 01 noyabrya 2015* [Current issues of Russian dialectology. To the 100th anniversary of the dialectical map of the Russian language in Europe. Abstracts of the International scientific conference. October 30 – November 1, 2015]. Moscow, Russkaya Dialektologia Publ., pp. 102–104. (In Russ.)

Kachinskaya I. B. Terminy svoystva v arkhangel'skikh govorakh: zhena syna – nevestka, snokha, molodka [Terms of kinship by marriage in Arkhangelsk patois: daughter-in-law]. *Vestnik Kostromskogo universiteta* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2016, issue 3, pp. 163–167. (In Russ.)

Kachinskaya I. B. Terminy zamestitel'nogo rodstva v arkhangel'skikh govorakh [The terms for adoptive parents and adoptive children in Arkhangelsk dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 4(36), pp. 5–12. (In Russ.)

Kokonova A. B. *Skolotari and bezzakonniki: vnebrachnye deti v severnorusskoy narodnoy kul'ture v svete semanticheskikh oppozitsiy* [Skolotari and bezzakonniki: illegitimate children in the Northern Russian culture in the light of semantic oppositions]. *Algebra rodstva* [The algebra of kinship]. St. Petersburg, 2009, issue 12, pp. 291–299. (In Russ.)

Kosheleva E. Yu. Terminologiya rodstva v russkom yazyke [The terminology of kinship in the Russian language]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2009, issue 21, pt. 2, pp. 73–74. Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_2-2_30.pdf (accessed 27.08.2018). (In Russ.)

Moiseev A. I. Terminy rodstva v sovremennom russkom yazyke [Kinship terms in the modern Russian language]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1963, issue 3, pp. 120–132. (In Russ.)

Novik M. *V kakikh sluchayakh na Rusi muzhchina zhil s roditelyami zheny* [When In Russia a man lived with his wife's parents]. Available at: <https://cyrillitsa.ru/history/66572-v-kakikh-sluchayakh-na-rusi-muzhchina-zhil-s-ro.html> (accessed 09.08.2018). (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [DRFD – The dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–2017, vol. 1–48–. Vol. 5, 1970. (In Russ.)

Sharapova I. M. *Terminologiya rodstva v ryzanskikh govorakh*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Terminology of kinship in Ryazan dialects. Ab-

stract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1977. 15 p. (In Russ.)

Filin F. P. O terminakh rodstva i rodstvennykh otnosheniy v drevnerusskom literaturnom yazyke

[On the terms of kinship and family relationship in the old Russian literary language]. *Yazyk i myshlenie*

[Language and Mentality], 1948, vol. 11. 503 p. (In Russ.)

**A HUSBAND WHO CAME TO LIVE IN HIS WIFE'S HOUSE:
DENOMINATION AND MOTIVATION
(in Arkhangelsk Dialects)**

Irina B. Kachinskaya

Junior Researcher in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 111991, Russian Federation. kacza@yandex.ru

SPIN-code: 6027-2137

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5707-6848>

ResearcherID: C-3732-2019

Submitted 11.09.2018

The terms of kinship have always been given a lot of attention, including the terms of kinship by marriage. Among the latter, there exist numerous terms for the husband who came to live in his wife's house. In Arkhangelsk dialects, there have been found about 40 of such terms, plus about 20 collocations. The inventory of terms of any lexical-semantic group is more abundant in dialects than in a literary language due to, primarily, word-forming derivation and also semantic derivation. The article contains a list of lexemes and in detail examines their motivation, which is mainly related to such notions as *house*, *yard*, *stomach* ('property'), *accept*. Besides that, the terms of blood relationship and the terms reflecting the gender-age identification are used.

There had to be some special reasons for a man who came to live in his wife's house: poverty, absence of his own home. On the other hand, a woman accepted her husband into her home if she was the only daughter of her parents or a widow. From the point of view of village ethics, the husband had to bring his wife to his house, and not vice versa. Thus, these men were condemned, mainly because they did not have anything of their own.

The social status of the 'adopted' husband in the family was considered rather low, he often got 'hurtful' nicknames. Not only husbands came to someone else's house, but also orphans and men who cared about the elderly. The same lexemes could combine such meanings as 'the husband who came to live in his wife's house', 'the adopted child', 'the man accepted into the family of lone elderly persons as a guardian' and 'the mythological creature living in the house'.

The material is drawn from the Arkhangelsk Region Dictionary and from the author's own notes based on field work.

Key words: terms of kinship; terms of kinship by marriage; Northern dialects; Russian dialectology.

УДК 811.161.1'373, 811.411.21
doi 10.17072/2073-6681-2019-2-44-54

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОСТИТУЦИЮ (на материале русского и арабского языков)

Мохаммед Хассан Саммани Мансур

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. hassen@bk.ru

SPIN-код: 1308-6118

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5643-2895>

ResearcherID: W-3200-2018

Статья поступила в редакцию 09.12.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мансур М. Х. С. Лингвокультурологическое исследование эвфемистических фразеологизмов, обозначающих проституцию (на материале русского и арабского языков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 44–54. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-44-54

Please cite this article in English as:

Mansour M. H. S. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie evfemisticheskikh frazeologizmov, oboznachayushchikh prostitutitsiyu (na materiale russkogo i arabskogo yazykov) [Linguo-Cultural Research on Phraseological Euphemisms Representing Prostitution (a Case Study of the Russian and Arabic Languages)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 44–54. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-44-54 (In Russ.)

С позиций лингвокультурологии исследуется эвфемистическая функция фразеологизмов, характеризующих явление проституции, комментируются культурно детерминированные компоненты значения, выявляются национально-культурные образы и стереотипы, закрепленные за фразеологизмами-эвфемизмами (далее – ФЭ), выделяется общее и специфическое в русской и арабской картинах мира. В статье применяется лингвокультурологический метод, разработанный в трудах В. Н. Телия и представителей ее школы (М. Л. Ковшова, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Зыкова и др.). Основной проблемой, которая решается с помощью этого метода, является раскрытие национально-культурных элементов и образных основ, дополняющих семантику языковых единиц. Цель нашего исследования состоит в выявлении культурно значимой информации фразеологизма, которая обусловлена разными установками (мифологической, ритуальной, фольклорной, литературной и т. д.) и в условиях контекстуального прочтения реализует эвфемизацию явления проституции. Дается культурологическая интерпретация компонентов фразем на основе их ассоциативного восприятия, стереотипов в национальной культуре, символической и эталонной значимости; выявляется роль культурного компонента значения в нейтрализации или смягчении негативной оценки данного социально порицаемого поведения.

Ключевые слова: фразеологизм; эвфемизм; лингвокультурологический комментарий; культурные стереотипы; русский язык; арабский язык; явление проституции.

Проституция рассматривается как социально негативное и аморальное поведение, поэтому при ее обозначении в цивилизованном обществе употребляются коммуникативные замены – эвфемистические слова и выражения, вызванные в речи «моральными или религиозными мотива-

ми» и имеющие целью вуалирование «страшного, постыдного или оидозного» смысла высказывания [Кацев 1988: 45]. Эвфемизмы способны изменить или ослабить заведомо неблагоприятную оценку предмета речи, позволяют комфортно общаться на определенные темы в определен-

ных коммуникативных ситуациях. Фразеологизмы, благодаря своей более размытой семантике и культурной коннотации, устойчивости и воспроизводимости в речи, являются органичным средством эвфемизации, способным производить облагораживающий эффект, отсылая коммуникантов к широкому контексту культуры.

В данной статье мы анализируем русские и арабские фразеологизмы-эвфемизмы, связанные с темой проституции, и даем их развернутый лингвокультурологический комментарий в социальном, историческом, мифологическом, религиозном, литературном аспектах. При этом в центре внимания находятся фразеологизмы русского языка, арабский же материал рассматривается на фоне русского и только при наличии соответствующих примеров.

В сфере проституции ключевым является понятие 'проститутка'. При обозначении этого понятия функцию эвфемизации регулярно выполняет книжный фразеологизм *жрица любви*. В основе фразеологизма лежит экспрессивно-оценочная метафора, которая прикрывает негативные стороны данного действия, ассоциируясь с положительными свойствами обозначаемого – *женственность, красота, наслаждение* и др. Ср.: «Кроме того, пользование услугами “жриц любви” рассматривалось как удар по политике эмансипации и равенства полов» (журн. «Родина», 1995, № 9); «В Швеции, если покупаете секс-услуги, то автоматически становитесь уголовным преступником, а “жрица любви” – вашей жертвой» (газ. Труд-7, 18.01.2006). Образ фразеологизма пробуждает в сознании общекультурное стереотипное представление об одной реалии Древнего мира – Индии и Греции, – где проституция прикрывалась некоторой религиозно-культурной «дымкой». В состав фразеологизма иногда входят компоненты определения, которые ориентируют сознание именно на девушек известной профессии: *жрица <наемной, свободной, продажной, придорожной> любви*. В арабском языке со схожей образно-ассоциативной референцией употребляется экспрессивно-оценочная метафора: *بائعات الهوى* (букв. 'продащицы любви'); *بنات الهوى* (букв. 'девушки любви') – 'о проститутках'; *بيوت الهوى* (букв. 'дома любви') – о публичных домах. Ср.: «Не пора ли Аватифу Зухди бросить укоренившиеся привычки, приобретенные ей в **доме любви**, из которого она выскочила в мир кино?!» (Н. Махфуз «Мир божий», 1962); «Он открыл свой кошелек и, как будто загнипнотизирован, протянул его **продащице любви**. А та элегантно улыбнулась и двумя пальцами бодренько вынула несколько купюр из кошелька» (М. Раззаз «Медовая ночь», 2000).

В обоих языках метафорический перенос способствует восприятию деятельности проституток как оказания услуг, относящихся к сфере сакрального.

Культурно-историческому контексту принадлежит и фразеологизм *честная куртизанка* – 'об элитной проститутке, живущей на содержании одного или нескольких мужчин' (происхождение: венецианские куртизанки в эпоху Возрождения). Фразеологизм вызывает в сознании образ женщины, сочетающей в себе чувственность и невинность, «низкое» и «возвышенное», поэтому служит безобидной заменой грубых наименований содержанок. Ср.: «Меня сразу перевели в ранг **честных куртизанок**. Самые важные клиенты соревновались за право стать моим содержателем» (М. Гарзийо «Венецианские каникулы», 2017); «А что же слезку внутри не продолжил? – не удержалась Джер. – Я с **честными куртизанками** не связываюсь, предпочитаю кокетливых распутниц» (Д. Юрин «Имперские истории», 2005).

Проституция свойственна самым разнообразным обществам, в том числе и обществам консервативного типа. В современном арабском языке явление проституции также может обсуждаться при помощи ФЭ, исследуя которые можно воссоздать культурный и исторический фон жизни арабского народа. С этим древним «промыслом» ассоциируются, например, фразеологизмы *الرايات الحمر* (букв. 'красные флаги'); *بيوت الرايات الحمر* (букв. 'дома с красными флагами') в знач. 'публичные дома'; *نوات الرايات الحمر* (букв. 'женщины с красными флагами') – 'проститутки' и др. Ср.: «**Женщины с красными флагами** вновь стали врываться в дома, в спальни и распространять прелюбодеяние через эти спутниковые телеканалы, а вернее сказать, телескандалы» (журн. «Таухид», 2007, № 421). Данные ФЭ отражают реалии арабского общества доисламского средневековья, где проституция была институционализированным социальным феноменом, а публичные дома называли *домами с красными флагами*, так как на их входных дверях вывешивали красные флаги, чтобы они четко отличались и легко опознавались клиентами. С *красными флагами* ассоциируется и современный фразеологизм *سهرة <ليلة> حمراء* (букв. 'красная вечеринка') – 'ночь, проводимая с проституткой'. Ср.: «А могу ли я свободно говорить? – Конечно. Скажи, что хочешь! – Вижу, они выглядят как **девушки для красных вечеринок**. – А что? Разве красные вечеринки и борьба противоположны? – Конечно. Борьба и сопротивление нуждаются в серьезности, а ночные утехы не добавляют настоящему революционеру» (А. Баззун

«Тело без будущего», 1998). В сознании носителей арабского языка *красный цвет* обладает разнообразным символическим и ассоциативным потенциалом: может символизировать огонь (ассоциируется с *соблазнением* и *сексуальным влечением*), кровь (ассоциируется с *войной*, *яростью* и *тяжестью*), красоту (ассоциируется с *золотом*, *рубином*, *розами*) и др. [Омар 1997: 211–212]. В приведенных ФЭ актуализируются ассоциативные элементы, связанные с женщиной, – *красота*, *соблазнение*, *сексуальное влечение* и т. п. Интересно отметить, что в современном русском языке в знач. ‘потребный дом’ используются эвфемистические выражения со сходным образом *красный фонарь*; *дом под красным фонарем* и др. Ср.: «Не надо враждовать, **девочки**, – опять заворковала Василиса. ...Мы тебе не **девочки**, – враждебно оборвала ее Оксана, – а здесь не **красный фонарь**» (Ф. Гладков «Вольница», 1959); «Надо было пробрать не только Хаима, но и всю его родню, ...его дядю, который содержит в городе **дом под красным фонарем**, его брата – ассенизатора» (А. Абчук «Страницы прошлого», 1965). Образ заимствован из европейской социальной жизни, где в больших городах давно существовали особые улицы и районы, где девочки в витринах с тускло-красным освещением предлагают секс-услуги. С данной реалией ассоциируется другой ФЭ – *дама из Амстердама* в знач. ‘проститутка’. Ср.: «В их холопских глазах, что честная девица, что женщина, увлекаемая любовною страстию, что какая-нибудь **дама из Амстердама** – это все равно» (Н. Лесков «Обман», 1883). Оборот образован «шутливой рифмовкой» с тонким намеком на социокультурные реалии города Амстердама – известные пансионы для публичных девиц [Мокиенко, Никитина 2007: 173].

Культурно-исторический аспект номинации видится и во фразеологизме с древним образом *تأكل بثديها* (букв. ‘кормиться за счет своей груди’) в знач. ‘заниматься проституцией’. Ср.: «Она **кормится за счет своей груди**, потому что, прежде всего, она малообразованная и бедная, ничем и никем не обеспеченная, и это вынудило ее попасть в ловушку распутства, единственного, на ее взгляд, выхода из нищеты» (Х. Байдун «Бадр Шакер Ас-Саяб», 1991). В древнем арабском обществе так говорили о женщине, кормящей грудью чужого ребенка за плату. Профессия кормилицы негативно оценивалась и считалась унижительным промыслом, так как им занимались рабыни, а в редких случаях – свободные, но обедневшие арабки, потому и равнодушные к репутации своего племени. Негативную оценку этой профессии, которая ассоциировалась с торговлей телом, в арабской культуре отражает по-

говорка *تجوع الحرة ولا تأكل بثديها* (букв. ‘свободная женщина голодает, но не кормится за счет своей груди’), т. е. гордая арабка предпочитает смерть от голода продаже собственного тела. В текстах, описывающих проституцию, смысл фразеологизма воспринимается на фоне «системы национально-культурных ценностей и стереотипов» [Телия 1988: 40], а точнее говоря, ассоциируется в сознании носителя арабского языка со стереотипным представлением о некоем «женском», причем неодобряемом в обществе, поступке. Обращает на себя внимание и соматический компонент *грудь*, который в составе ФЭ замещает все женское тело, направляет внимание коммуникантов на интимную сторону деятельности женщины.

Для обозначения проститутки в русском языке употребляется также стереотипное выражение *легкая кавалерия*. Ср.: «Та, что ближе к нам, очень недурна. **Легкая кавалерия**, но это ничего... И между такими бывают хорошие женщины» (А. Чехов «Живой товар», 1882); «Но были среди ленинцев и гуманисты – они-то и пытались социализировать “легкую кавалерию” как “жертв капиталистического строя”. Жертвы стараний не оценили, и с началом НЭПа торговля телом вновь поднимает голову» (Моя планета.ру, 21.09.2016). Этот шутливый фразеологизм вызывает целый комплекс образно-ассоциативных и стереотипных представлений, закрепленных в коллективном национально-культурном сознании, – таких как: *легкость*, *наемный труд*, *гибкость*, *легкомысленность* и т. п. Лежащий в основе фразеологизма военный термин *легкая кавалерия* обозначает род войск, оснащенных облегченным вооружением и способных совершать быстрые переходы. Образность фразеологизма вторично осмыслена в русской национальной культуре, а точнее, в советскую эпоху: *легкой кавалерией* называлась молодежная общественная организация, созданная в 1920–1930 гг., которая состояла из молодых рабочих и студентов. *Легкая кавалерия* в свое время считалась «образцом гибкости, оперативности и действенности общественного контроля» [Мокиенко, Никитина, 1998: 236]. Слово *легкий* здесь является стержневым компонентом, на основе которого и возникло эвфемистическое употребление оборота при описании проституции.

В качестве эвфемизма употребляется и метафорическое сочетание *странствующие подмастерья* в знач. ‘дорожные проститутки’ (связано с представлениями о немецких ремесленниках, странствующих ради повышения своего мастерства): «Где же вербуются эти **странствующие подмастерья**, откуда берутся вольные коробейницы, месяцами таскающие свои нетяжелые ко-

роба, задешево распродающие не произведенный, не купленный, не на базе полученный товар?» (Л. Жуховицкий «Странности любви», 1991). Эвфемистичность образа реализуется, создается метафорическим переносом: подобно странствующему ремесленнику, дорожная проститутка рекламирует себя и оказывает услуги в процессе странствия (общий признак – находиться в пути, работать в процессе странствий). Метафора в таких случаях «упускает из виду многие стороны реальности», дает понимание «одного аспекта» обозначаемого, не вызывая в сознании негативных его свойств [Лакофф, Джонсон 2004: 239]. В языке арабов, обитателей пустыни, отражены элементы материальной и духовной культуры, которые формируют коллективные стереотипы человеческой деятельности. Так, в знач. ‘женщина легкого поведения’ употребляется арабская метафора *خضراء الدمن* (букв. ‘зелень навозная’): «Женщины такого типа – это худые и опасные образцы, и ничего больше. ...Ведь обстоятельства сороковых и сопровождающее их намеренное падение привели к прорастанию **зеленей навозных**» (журн. «Аклям» [Перья], 1984, № 7). Зеленая в арабской культуре символизирует «молодость», «благо» и «плодородие» [Омар 1997: 79]. В соответствии с положением о том, что «из предметов, явлений и признаков объективного мира нарекается только то, что осознано, а осознается только то, что имеет значение для коллектива» [Абаев 1970: 249], образ фразеологизма *навозная зелень* взят из окружающего мира пустыни, где в местах содержания животных – в стойлах или на устьях колодез – естественная влага приводит к тому, что солома и обмолотые стебли зерновых культур смешиваются с глиной и отходами животных, а семенные растения в такой сильно удобренной почве становятся сочно-зелеными, но, увы, непригодными для пищи, так как растут в грязной и отвратительной среде. Возможность уподобить одну сущность другой реализуется в соответствии со стереотипами, знаниями и образно-ассоциативным мышлением языкового коллектива. Зеленая, произрастающая из навоза, приятно выглядит, но обитает в грязной почве. То же самое можно сказать о продажной женщине: она привлекательная и молодая, но живет в дурной среде. Эвфемистичность фразеологизма обусловлена не только стереотипной метафорой, но и его культурно-религиозным источником. Пророк Ислама Мухаммад (мир ему), предупреждая своих сподвижников об опасности непотребных женщин, образно и лаконично сказал: «Остерегайтесь зелени навозной» [Аль-Майдани 1955: 32]. Наличие в коллективном сознании такой ас-

социативной связи лежит в основе смягчения негативной оценки явления в речи.

Для обозначения осуждаемой социальной характеристики женщины в русском языке функционируют образные сочетания с религиозной референцией типа *уклониться от пути* <истинного>; *вступить на грешный путь* в знач. ‘заниматься проституцией’; *блудная дева*; *винная баба*; *непутевая женщина*; *Вавилонская блудница* – ‘о продажной женщине’; *приют для грешниц* – ‘публичный дом’, а также фразеологизированные имена собственные типа *Мария Магдалина*; *Евдокия Илиопольская* и др.: «Как тебя зовут? – Мари... Я ж говорила... Мари... – Да, да, прости меня. Мари. **Мария Магдалина**. Вы все грешницы, маленькие Мари, нет?» (Ю. Семенов «Семнадцать мгновений весны», 1970); «Позже он стал водить в дом **вавилонских блудниц**, Варвару же выставлял за порог и говорил: “Иди куда хочешь”. Естественно, она шла к бабушке смотреть излюбленный диафильм» (В. Терешенко «Поцелуй в кукольном домике», 2015). Так, соотносительность образа фразеологизма с религиозным пластом культуры осуществляется в коннотациях, где взаимодействуют «образно-ассоциативный комплекс ФЕ» и «система эталонов, стереотипов, символов» [Ковшова 1996: 12].

Священный Коран является не только самым известным памятником арабской письменности, но и важнейшим источником эвфемистических фразеологизмов, отражающих социально-культурную жизнь арабов того времени и прочно вошедших в употребление благодаря своей символической энергии и экспрессивным возможностям. Интересно отметить, что в самом центре Корана (Сура 18 «Пещера»: аят 19) мы читаем слово *وليتلطف*, которое имеет следующее толкование: *пусть он мягко обращается* [Глоссарий слов Священного Корана 1989: 1008]. Суры Корана содержат варианты слов высокого стиля, обозначающие табуированные явления и деликатные темы, в том числе прелюбодеяние: *باطن الإثم* (букв. ‘тайный грех’); *متخذات أصدان* (букв. ‘женщины, имеющие тайных приятелей’); *يأتين الفاحشة* (букв. ‘заниматься непристойностями’) и др. Ср.: «Он чуть не ослеп, когда дошли до него верные слухи о том, что его доченька, цветок его жизни, **занимается непристойностями**» (М. Хассан «Ужасные преступления», 2001). Эвфемистичность таких оборотов в текстах, описывающих проституцию, обусловлена их широкой семантикой: *тайным грехом*, например, может быть не только прелюбодеяние или проституция, а *заниматься непристойностями* не обязательно означает ‘заниматься проституцией’. Выражения Корана имеют высокий, сакральный

статус в речевой культуре, потому и не ограничены временными рамками, т. е. регулярно участвуют в эвфемизации и не переходят со временем в разряд вульгарных, грубых наименований. Исламское культурное пространство снабдило арабский язык рядом приличных выражений, репрезентирующих явление проституции и позволяющих соотнести его с системой духовно-нравственных ценностей. Для наименования проститутки используются выражения *حادث عن الطريق <المستقيم>* (букв. ‘уклонилась от пути праведного’); *مشيها بطلال* (букв. ‘вести себя греховно’) и др. Речевая ситуация, связанная с проституцией, может смягчаться и арабским клише с религиозным оттенком *ربنا يسترها على ولايانا* (букв. ‘пусть Аллах покроет наших женщин’). Оно используется как намек на то, что речь идет о непорядочной, ведущей распутную жизнь женщине: «Здесь днем мужчины трезвы и доблестны, берегут жительниц нашего квартала, а когда наступает ночь, то, спаси Аллах, ситуация совсем другая. Даже девушки, сынок, ...**Пусть Аллах покроет наших женщин**» (журн. «Египетские дела», 2003, № 20). Данное клише выступает как вежливая форма, которая позволяет говорящему избежать дискомфорта в речи и уклониться от употребления непристойных слов, и произносится в форме обращения к богу, чтобы Он берег родственниц говорящего от такого позорного для женщины удела.

Из религиозного контекста взят также метафорический образ *تبيع سبج في شارع الأزهر* (букв. – ирон. – ‘продавать четки на улице Аль-Азхара’). Ср.: «В своей передаче на телеканале Rotana masriya Тамер добавил: “То есть то, что она представляет, – это художественная проституция, а **Вы продаете четки на ул. аль-Азхара**”» (Almogaz.com, 27.05.2015). Метафора уподобляет малолетнюю проститутку продавцу, который торгует чем-то свято чтимым перед исламским университетом (аль-Азхар – улица в Каире, где располагается исламский университет «аль-Азхар»). *Четки и улица аль-Азхар* – элементы религиозного культа – ассоциируются в сознании с наивными стереотипными представлениями о чем-то положительном и достойном. Эвфемистичность здесь контекстуально обусловлена и сопровождается благодаря использованию антифразиса эффектом неожиданности: употребляется «положительный ассоциат в значении отрицательного денотата» [Сеничкина, Никитина 2007: 200]. Через указание на действие противоположного свойства неблагоприятное поведение воспринимается в юмористическом ключе, так как не соответствует стереотипному представлению о ситуации, описываемой фразеологическим выражением.

На основе ассоциативных символов и стереотипов социально-культурной жизни дореволюционной России в текстах, описывающих проституцию, употребляются следующие выражения: *жить [пойти; работать] по желтому билету; получить желтый билет; желтобилетная [билетная] девица; бланковая девушка; разрядные женщины* и т. д. Названные сочетания, характеризующие публичных женщин по формам их официальной отчетности (билетные, бланковые и т. п.), возникли в связи с таким явлением социальной жизни, как легализация проституции в России (1843 г.) и открытие публичных домов. Взамен паспорта проституткам выдавали билет желтого цвета, который прикреплял их к одному из публичных домов и служил для учета медицинского обследования. Ср.: «Когда единородная дочь моя в первый раз **по желтому билету** пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя **по желтому билету** живет-с...) – прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека» (Ф. Достоевский «Преступление и наказание», 1866); «– То есть как попала? – **А получила желтый билет**. У нас полиция нравов до тех пор смотрит сквозь пальцы, пока девица, гуляя, имеет определенную службу» (О. Фарш «Под куполом», 1929); «– Вон и **билетная девица** Кислицына тоже обряжалась в Камелию, преследуя вполне понятные цели» (Л. Соболева «Ночи с Камелией», 2016).

Фразеологический фонд каждого языка отражает его систему образов, которая, по выражению В. Телия, служит «своего рода “нишей” для кумуляции мировидения», свидетельствует о «культурно-национальном опыте и традициях» языковой общности [Телия 1996: 215]. Некоторые арабские выражения как средство освоения и оценивания явления проституции соотносятся с системой «образов-эталонов», которые имеют прямое отношение к условиям жизни и культуре носителей арабского языка. В качестве эвфемизма употребляется фразеологизм *تمشي على حل شعرها* (букв. ‘ходить на развязывание своих волос’) – о женщинах, которые ведут распутную жизнь. Ср.: «Признаюсь тебе, что она в прошлом была “игривой” девочкой, иначе выражаясь, **“ходила на развязывание своих волос”**, но, слава Аллаху, она вернулась на правильный путь, вышла замуж за идеального человека, врача по профессии, и ему сохранила верность, но, кажется, ее прошлое начало ее преследовать» (М. Абдулқуддус «Запутанные вопросы на Прямом пути», 2005). Фразеологизм отражает социокультурный стереотип *женщина с распущенными волосами*, который нарушает нормы ожидания, характерные для арабского социума (*женщины в платке*).

В исламском обществе *хиджаб* (платок) символизирует целомудрие и непорочность женщины. До конца XIX – начала XX в. почти все мусульманки носили, по крайней мере, хиджаб. В данном образе распускание женщиной волос ассоциативно воспринимается как освобождение от культурных традиций, ценностей и всяких комплексов. Метафора имеет свои корни в доисламском арабском обществе, где арабка в знак верности своему надолго уезжающему мужу месяцами не развязывала своих волос. Развязывание волос согласно традиционному стереотипу ассоциируется с присутствием мужа и, соответственно, намекает на оказание постельных услуг. Следовательно, фразеологизм не только служит эвфемизмом (поскольку имеет более широкий смысл), но и вызывает в сознании некоторое стереотипное представление, отражает национальную картину мира и социокультурное устройство арабского общества.

Ряд фразеологизмов-эвфемизмов восходит к текстам художественной литературы и публицистики, к выступлениям общественных деятелей или, по крайней мере, актуализируется в этих текстах. Так, в значении ‘женщина легкого поведения’ употребляются устойчивые сочетания типа *погибшее, но милое создание* (А. Пушкин); *дурные женщины* (Ф. Достоевский); *дама с камелиями*; *дама полусвета* (А. Дюма-сын); *девушки с пониженной социальной ответственностью* (В. В. Путин) и др. Устойчивое выражение *погибшее, но милое создание* взято из пушкинской маленькой трагедии «Пир во время чумы» (1832), а также является названием одного из рассказов А. Левитова (1862). Ср.: «**“Погибшее, но милое создание!”** – думал Калинович, глядя на соседку, и в душу его запало... доброе желание: тронуть в ней, может быть, давно уже замолкнувшие, но все еще чуткие струны, которые, он верил, живут в сердце женщины, чем бы она ни была...» (А. Писемский «Тысяча душ», 1858). Из современных литературных текстов заимствовано шутивное устойчивое выражение *любовь, которая нас разоряет* – ‘платная любовь, проституция’ (по одноименной книге Ю. Улыбиной, 2008). Эвфемистическое сочетание *девушки с пониженной социальной ответственностью* употребил в своей речи президент России В. Путин, комментируя секс-компромат на Дональда Трампа (о якобы проведенной бизнесменом ночи с проститутками в Москве в 2013 г.): «Я с трудом могу представить, что он побежал в отель общаться с нашими **девушками с пониженной социальной ответственностью**. Хотя и они у нас самые лучшие в мире» (КП, 17.01.2017). Подобные ФЭ способны снимать

серьезность смысла, характеризовать тему проституции с некоторой долей иронии, что ослабляет негативную оценку предмета речи.

В состав ряда фразеологизмов входят имена собственные – персонажей русской и мировой литературы, а также героинь кинофильмов, которые по сюжету ассоциируются с дамами легкого поведения, например: *Катюша Маслова* (персонаж романа Л. Толстого «Воскресенье», 1889–1899); *Соня Мармеладова* (героиня романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание»); *Маргарита Готье* (героиня драмы А. Дюма-сына «Дама с камелиями», 1848); *Мама Роза* (советский фильм, 1991) и др. Имя собственное включает «национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [Захаренко 1997: 84], потому и подвергается апеллятивации [Москвин 2010: 172], т. е. переходит в состав нарицательных, признаком чего является его употребление во множественном числе, а в некоторых случаях пишется со строчной буквы вместо прописной: «Как впечатления? Радуют глаз дивизии **катюш масловых** вдоль дорог и проспектов? И, заметьте, сегодня их никто не осуждает!» (журн. «Другие люди», 2011, № 6); «Одна из таких **“мам Роз”**, которая назвалась Гулей, говорит, что иногда сами правоохранительные органы и родители подталкивают девушек к проституции» (газ. «Центр Азии», 04.12.2014).

ФЭ как единицы с культурно значимой информацией отражают «специфику наивного сознания носителей определенной культуры в сравнении с наивным сознанием носителей другой культуры» [Баранов, Добровольский 2008: 267]. В арабском языке для эвфемизации темы проституции употребляется ряд образных выражений, связанных с арабской художественной литературой или получивших популярность после экранизации литературных текстов. С темой проституции ассоциируется выражение بيت سبي السمعة (букв. ‘дом с дурной славой’) в знач. ‘дом, где обитают и принимают проститутки’ (ассоциируется с одноименным произведением египетского романиста Н. Махфуза). Стереотипными в арабской культуре являются и следующие ФЭ, ассоциирующиеся с названиями арабских фильмов: لحم رخيص (букв. ‘дешевое мясо’) – ‘о проститутках’; سوق المتعة (букв. ‘рынок наслаждения’) – ‘мир проституток и куртизанок’; شبكة ولا سنارة (букв. ‘меблированная квартира’) – ‘непотребный дом’ и др. В контексте проституции шутивно воспринимается сленговая метафора из одного комедийного кинофильма شبكة ولا سنارة (букв. ‘сетка или удочка?’) вместо прямого вопроса девушке о том, работает она в салоне или в

одинокую. Ср. также: «Женщины нашего народа, – жены, матери, сестры и дочери, – от бедности и нужды спускаются на дно, продают свои тела тому из социальных волков, кто ищет **дешевое мясо...**» (А. Амин «Суд над египетскими коммунистами», 1946); «Как только узнала о том, чем занимается наш друг в одной из **меблированных квартир**, его бывшая жена и мать его детей туда отправилась и устроила ему скандал» (журн. «al-Watan al-'Arabi», 2003, № 1348). Своей стереотипной образностью и известностью такие ФЭ служат заменителями одиозных слов, связанных с темой проституции.

Для эвфемистического обозначения публичного дома употребляется ряд метафорических сочетаний типа *веселое заведение; дом увеселения; дом терпимости; пансион для девиц без древних языков; китайский монастырь* и мн. др. Ср.: «Погоревала-погоревала бедная вдова, посоветовалась с добрыми людьми – и вдруг нашлась. Открыла **пансион для девиц**, но, разумеется, **без древних языков**. ...Каждый вечер до поздних петухов стоял в ее квартире, как говорится, дым коромыслом... Молодые люди танцевали, курили папиросы, угощались пивом, водкой...» (М. Салтыков-Щедрин «Современная идиллия», 1883); «Девушка была обманым образом вовлечена в это... в как его... ну, словом, в **дом терпимости**, выражаясь высоким слогом» (А. Куприн «Яма», 1909–1915); «Прости меня... Когда мы сюда шли, я думал, это хороший план. Но тебе и правда не место здесь... Это... это **дом увеселения...**» (Н. Синельникова «Легенды Амастриды», 2017). Культурную информацию несет в себе и ФЭ *китайский монастырь*, появление, которого обусловлено тем, что в Китае, стране с жесткой моралью, давно существовало такое мощное исключение – казенные публичные дома, а «буддийские монастыри, в особенности в южном Китае, представляют, по словам Хук и Габет, убежища проституции» (И. Блох «История проституции», 1912).

Ряд образно-ассоциативных выражений отражает новые реалии русской жизни, ср.: *плечевая дальнобойщица; дальнобойщица с большой дороги; локтевая подруга; верная подруга дальнобойщика* и другие, обозначающие «определенную категорию проституток, обслуживающую водителей дальнорейсовых автомашин в период поездки», а «локтевыми» и «плечевыми» их называют, наверное, потому, что в кабине они всегда рядом с водителем, локтем (плечом) касаются. Плечом может называться и участок дороги, где обычно стоят эти девушки. Ср.: «Но зачем она вырядилась в какой-то подрясник с декольте “по самое не могу”, да еще, как **боевая**

подруга дальнобойщиков, в чулки кружевные» (О. Мартова «Ледяной кубик, или прощание с севером», 2012); «**Плечевые девушки** регулярно расстаются со своими временными “поклонниками”, и никто обычно трагедии из этого не делает» (М. Серегин «Контрольная молитва», 2001). Помимо эвфемистической функции такие фразеологизмы отображают «зафиксированную в языке обыденную, наивную картину мира» [Добровольский, Караулов 1993: 6]. Фразеологизмы нового времени выражают потребительский характер современного общества, где все имеет свою цену. Социальные и экономические черты современной жизни отражает ряд устойчивых сочетаний типа *жена на час, девушка <супруга> по вызову, девушка без комплексов, валютная девочка, обслуживающая иностранцев* – в знач. ‘женщина легкого поведения’, *платная любовь, любовь за деньги* – ‘услуги проституток’, *горячие бабки* (жарг.) – ‘деньги, заработанные проституцией’. Ср.: «Следует особо отметить, что тогда не было объявлений в стиле “Отдых 24 часа” или “**Жена на час**”, – потому что не было и самого “сервиса”» (О. Буяльский «И Африка нам не нужна», 2017); «Кстати, еще лет десять назад, на волне сексуальной революции, мужчины искренне восхищались “**девушками без комплексов**”» (журн. «Лиза», 2005, № 16); «**Может валютная девица?** В моем тощем бюджете расходы на такие удовольствия не предусмотрены. – Нет, она этим не промышляет» (В. Жуков «Белокурая бестия», 2018).

Социально-культурная жизнь современного арабского, в частности египетского, общества отражена в таких устойчивых сочетаниях, как فتاة ريكلام (букв. ‘девушка рекламы’) – ‘валютная проститутка, подрабатывающая в ночных клубах’: «Почему так обиделась? Ты же работала медсестрой, бесплатно давала кому что хотел. А я всего лишь сделал тебя **девушкой реклам**, зато тебе платят» (Ш. Осман «Пиполис», 2015). Сленговое выражение *девушки рекламы* пришло из лексикона ночных клубов и выступает в качестве эвфемистической словесной формулы с редуцированной семантикой. Как эвфемизмы функционируют и такие выражения, как بنروح شقق مفروشة <سياحية> (букв. ‘ходить по меблированным <туристическим> квартирам) – о проститутке, обслуживающей туристов и состоятельных клиентов; بناعة طلبية (букв. ‘обслуживающая студентов’) – о бюджетной, доступной студентам проститутке и нек. др. Ср.: «Это правда, многие люди в нашем квартале думают, что я распутно себя веду, что я продажная и **хожу по квартирам**, но отцом покойным клянусь тебе, Рияд, что ни один дворовой кобель меня не тронул» (В. Нассар «Мурашки», 2016).

Для характеристики представительниц древнейшей профессии употребляются некоторые устойчивые сочетания с компонентом *панель*. Например: *девушка [дамочка] с панели; труженица панели; панельная женщина [девица]; нарушительница порядка с панели* – ‘женщина легкого поведения’; *пойти [выйти] на панель; ходить по панели; работать [зарабатывать] на панели* – ‘заниматься проституцией’; *взять с панели* – ‘пользоваться услугами проститутки’ и др. Ср.: «Две **труженицы панели** уже стояли с утра на вахте. Утром они выглядели куда менее соблазнительно и романтично, чем в ночном полумраке» (Б. Носик «Любовные повести старых добрых времен», 1999); «Вызывающе одевшись, она снова **вышла на панель** и начала охотиться за мужиками» (П. Люленов «Семейная трагедия», 2017). Эвфемизация здесь основана на метонимическом переносе значения. Эвфемистическую метонимизацию В. П. Москвин понимает как «перенос названия с одного объекта на другой по принципу их реальной или ассоциативной смежности, соединенности, взаимосвязанности» [Москвин 2010: 174]. Метонимия лежит и в основе таких выражений, как *девушка из салона; вокзальная фея; постельная девушка; платный постельный фронт; дорожная девушка* и др. В арабском языке по таким же метонимическим основаниям употребляются ФЭ с компонентами *الشارع* (букв. ‘улица’), *السرير* (букв. ‘постель’), *الرصيف* (букв. ‘панель’) и др. Ср.: *فتاة من الشارع* (букв. ‘девушка с улицы’); *علاقات السرير* (букв. ‘постельные встречи’); *فتاة من على الرصيف* (букв. ‘девушка с панели’) и др. Эти выражения как знаки с семантической неопределенностью могут употребляться и вне сферы обозначения проституции. Так, в Санкт-Петербурге «выходить на панель» могут и художники, которые рисуют портреты прямо на Невском проспекте и готовы «“отдаваться” за милость невзыскательных заказчиков» и туристов, тоже ходящих, кстати, по панели [Синдаловский 2011: 215]. Из-за двусмысленности слова *панель* стали употреблять эвфемистические словосочетания с компонентом *Невский*: *брать / взять с Невского; ходить по Невскому; пойти на Невский; Невская дама* и др. Ср.: «Днем она работала на фабрике, а вечером **ходила по Невскому**, но изредка, боясь попасться и **получить желтый билет**» (И. Ясинский «Наташка», 1881); «Затем он **взял с Невского** румяную – городским едким румянцем – девушку, прокатился с ней на извозчике и, пролежав с ней в кровати отпущенные ему природой минуты, заказал яичницу с молоком» (Вс. Иванов «Тайное тайных», 2012). К петербургскому го-

родскому фольклору относится и жаргонный фразеологизм *служить [работать] у графа Панельного* – ‘о занятии проституцией, нищенством’ [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992: 253]: «Ты думаешь, моим детям очень это интересно, где я работаю...? Им подай жрать, а об чем другом – пропади все пропадом. Ведь верно? – Как я полгода **у «графа Панельного» служила** – где был он, этот профсоюз?» (М. Чумандрин «Фабрика Рабле», 1928). ФЭ образован по созвучной ассоциации компонентов *граф Панельный* и *панель*.

Из спортивного лексикона взята метафора *эстафетная палочка*, которая с шутливо-ироническим оттенком используется в знач. ‘проститутка’. Общий признак между значениями ‘проститутка’ и ‘эстафетная палочка’ – ‘передача, переход от одного к другому’: «Прости, тебе будет неприятно услышать, но он в Швеции. Там же и Наташа... Видимо, пришло время, и они, возможно, узаконят свои отношения. – Вот как? Значит, он передал меня тебе, как **эстафетную палочку**? Отпусти меня. Я не хочу знать ни его, ни тебя» (М. Лаврик «Женщина хочет», 2016); «**Эстафетная палочка**, твою мать! Прости, вырвалось. Ты вообще представляешь, чтобы бабу передавали из рук в руки?» (Т. Туринская «Бог наказывает иначе», 2017). В последнем примере контекст содержит нелитературное выражение *твою мать!*, также являющееся эвфемизмом (за счет компрессии – удаления обценного слова), и слово *прости*, что отражают общую речевую стратегию говорящего оставаться в рамках вежливости. Фразеологизм-эвфемизм *эстафетная палочка*, помимо значения ‘проститутка’, имеет также коннотацию ‘возможность заразиться половой инфекцией’, отчетливо выраженную в близком по происхождению и содержанию фразеологизме *передавать эстафету* – ‘заражать кого-л. венерическим заболеванием’ (см.: [Мок-иенко, Никитина 2007: 763]).

Общекультурным для обоих народов – русского и арабского – является ряд образно-метафорических ФЭ типа *ходить налево* (араб. экв. *تمشي شمال*) – в знач. ‘завести любовника, блудить’, в которых пространственная оппозиция *направо/налево* воспринимается на основании общекультурного стереотипа о моделях правильного/негативного поведения. Эквивалентными в обоих языках являются универсальные метафоры и калькированные устойчивые сочетания типа *самая древняя профессия* (экв. *أقدم مهنة في التاريخ*); *платная любовь* (экв. *الحب المدفوع*); *интимные услуги* (экв. *خدمات حميمة*) – ‘о проституции’; *продавать себя* (экв. *تبيع نفسها*);

торговать своим телом (экр. تتاجر بجسدها) – в знач. ‘заниматься проституцией’; живой товар (экр. البضاعة الحية); девушка по вызову – калька из англ. *Call girl* – (экр. فتاة تحت الطلب) – ‘о проститутках’ и другие примеры общекультурного восприятия.

В образных основаниях фразеологизмов запечатлены ценностные смыслы и культурно значимые компоненты, способные ослаблять стигматичность денотата, обеспечивать комфортную атмосферу коммуникации. Иронический и шуточный оттенок ФЭ позволяет облечь негативное отношение и осуждение в более мягкую форму, что характерно как для русской, так и для арабской культуры. Эвфемистичность фразеологизма обнаруживается в контексте даже без формальных сигналов смягчения (обороты «мягко говоря», «в некотором смысле», пауза и т. п.); главное, чтобы в данном контексте отсутствовали прямолинейно грубые выражения, нарушающие стратегию эвфемизации речи. Фразеологизм порой может иметь противоположные значения или оценочные коннотации – в зависимости от речевой ситуации и характера предмета речи, поэтому ФЭ целесообразно изучать, исходя из контекста, а не из словарных статей и стилистических помет. Картины мира у русских и арабов, в том числе отраженные во фразеологии, во многом различаются, поскольку у обоих народов различные культурные стереотипы, системы ценностей и области референции, но их сближают общекультурные стереотипы, связанные с глобализацией и новыми реалиями социальной жизни.

Список литературы

Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 232–262.

Аль-Майдани А. Сборник пословиц, т. I. Каир: изд. Ассунна Алмухаммадия, 1955. 462 с. (*Al-Maidani A. Madjma'ul Amthal, vol. 1. Cairo: Alsunna AlMuhammadeya, 1955. 462 p.*)

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Глоссарий слов Священного Корана. Т. I. Каир, 1989. 1228 с. (*Mu'jam Alfadh Alquran Al-kareem. Cairo, 1989. 1228 p.*)

Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 5–16.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 80 с.

Ковшиова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (Когнитивные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 22 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. Харьков: Фоло-Пресс, 1998. 701 с.

Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 4-е. М., 2010. 264 с.

Омар А. М. Язык и цвет. 2-е изд. Каир: Изд. Аламул Ма'рефа, 1997. 269 с. (*Omar A. M. Al-lughatu w Allawn. Cairo: Alamul Ma'refa, 1997. 269 p.*)

Сеничкина Е. П., Никитина И. Н. Иронические эвфемизмы как примета времени // Грамота. 2007. № 3(3): в 3 ч. Ч. III. С. 199–201.

Синдаловский Н. А. Острая словарная необходимость: Место и роль городского фольклора в системе межчеловеческого общения // Нева. 2011. № 12. С. 187–216.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы / авт.-сост. Д. С. Балдаев и др. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

Телия В. Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–51.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

References

Abaev V. I. Otrazhenie raboty soznaniya v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [The reflection of the work of consciousness in the lexical semantic system of language]. *Leninizm i teoreticheskie problemy yazykoznanija* [Leninism and theoretical problems of linguistics]. Moscow, 1970, pp. 232–262. (In Russ.)

- Al-Maydani A. *Sbornik poslovits* [The collection of proverbs]. Cairo, Alsunna Al Muhammadiyah Publ., 1955, vol. 1. 462 p. (In Arab.)
- Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p. (In Russ.)
- BTSRYA – *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The big explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov, St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russ.)
- Glossariy slov Syvashchennogo Korana* [The glossary of the Holy Koran]. Cairo, 1989. vol. 1. 1228 p. (In Arab.)
- Dobrovolskiy D. O., Karaulov Yu. N. *Idiomatika v tezauruse yazykovoy lichnosti* [Idiomatics in the thesaurus of the language personality]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1993, issue 2, pp. 5–16. (In Russ.)
- Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V. *Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imya kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov* [The precedent statement and precedent name as symbols of precedent phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, mind, communication]. Moscow, Filologiya Publ., 1997, issue 1, pp. 82–103. (In Russ.)
- Katsev A. M. *Yazykovoie tabu i yevfemiya: ucheb. posobie k spetskursu* [Taboo language and euphemisms: Textbook for a special course]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1988. 80 p. (In Russ.)
- Kovshova M. L. *Kul'turno-natsional'naya spetsifika frazeologicheskikh edinits (kognitivnie aspekty)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Cultural and national specifics of phraseological units (cognitive aspects). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 22 p. (In Russ.)
- Lakoff G., Johnson M. *Metafor'y, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Transl. from English by A. N. Baranov and A. V. Morozova, ed. by and preface by A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [The big dictionary of the Russian sayings]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2007. 784 p. (In Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepia* [The explanatory dictionary of the language of Sovdepia]. Kharkiv, Folo-Press, 1998. 701 p. (In Russ.)
- Moskvina V. P. *Yevfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of modern Russian language]. 4th edition. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)
- Omar A. M. *Yazyk i tsvet* [Language and color]. 2nd edition, Cairo, Alamul Ma'refa Publ., 1997. 269 p. (In Arab.)
- Senichkina E. P., Nikitina I. N. *Ironicheskie yevfemizmy kak primeta vremeni* [Ironical euphemisms as a sign of time]. *Gramota* [Letter], 2007, issue 3(3): in 3 pts., 3rd pt., pp. 199–201. (In Russ.)
- Sindalovskiy N. A. *Ostraya slovnaya neobkhodimost': Mesto i rol' gorodskogo fol'klora v sisteme mezhhelovecheskogo obshcheniya* [An urgent dictionary need: The place and role of urban folklore in the system of interhuman communication], *Neva* [Neva], 2011, issue 12, pp. 187–216. (In Russ.)
- Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona: Rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyur'my* [The dictionary of prison, camp and criminal slang: Speech and graphic portrait of the Soviet prison]. Ed. by D. S. Baldaev and et al. Moscow, Kraya Moskvyy Publ., 1992. 526 p. (In Russ.)
- Teliya V. N. *Metafora kak model' slovoizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya* [Metaphor as a model of a word production and its expressional and evaluation function]. *Metafora v yazyke i v tekste* [Metaphor in a language and a text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 26–51. (In Russ.)
- Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatical and lingua-cultural aspects]. Moscow, LRC Publishing House, 1996. 288 p. (In Russ.)

**LINGUO-CULTURAL RESEARCH
ON PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS REPRESENTING PROSTITUTION
(a Case Study of the Russian and Arabic Languages)**

Mohammed H. S. Mansour

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russian Federation. hassen@bk.ru

SPIN-code: 1308-6118

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5643-2895>

ResearcherID: W-3200-2018

Submitted 09.12.2018

The article discusses the euphemistic function of phraseological units representing the prostitution phenomenon in the Russian and Arabic languages from a linguo-cultural point of view. The paper provides comments on the culturally determined components of meaning, identifies national and cultural images and stereotypes assigned to phraseological euphemisms, highlights some general and nationally specific features of the Russian and Arabic pictures of the world. The topic of the present article is one of those tabooed but urgent from the standpoint of the culture of speech. Prostitution is a socially negative and immoral behavior, which is likely to be discussed in modern civilized society through the use of more acceptable and decent communicative replacements. Euphemistic words and phrases are caused in speech by moral and religious motives in order to disguise and cover up the terrible, shameful or odious sense of a statement. Phraseological units are an agreeable way to euphemize such cultural phenomena as prostitution due to their indefinite semantics and cultural connotation, reproducibility and stability in speech. They are capable of producing a refining effect, referring communicants to a wide cultural context and joint memory of stereotype-based information. Phraseological euphemisms derive their semantics not only from the linguistic but also from the national and cultural background, which plays an important role in reevaluating such an abominable phenomenon as prostitution. The article presents a linguistic and cultural commentary on these euphemistic idiomatic phrases and expressions, provides a cultural interpretation of their components based on their associative perception, symbols, models and stereotypical meanings typical of the national culture, reveals the role of the cultural component of meaning in neutralizing or changing the negative assessment of the phenomenon in question. The research material includes various phraseological units taken from lexicographic sources, literary texts and media.

Key words: phraseological unit; euphemism; linguo-cultural commentary; cultural stereotypes; Russian; Arabic; prostitution phenomenon.

УДК 821.111.09
doi 10.17072/2073-6681-2019-2-55-65

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБАХ ИХ ПЕРЕВОДА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Марьям Моради

к. филол. н., старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
факультета персидской литературы и иностранных языков

Университет Алламе Табатаба'и

1997967556, Иран, г. Тегеран, просп. Чамран, ул. Алламе Табатаба'и Джонуби. m.moradi@atu.ac.ir

SPIN-код: 7145-2536

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6652-227X>

ResearcherID: K-6520-2018

Статья поступила в редакцию 15.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Моради М. К вопросу о классификации имен существительных общего рода в русском языке и способах их перевода на персидский язык // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 55–65. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-55-65

Please cite this article in English as:

Moradi M. K voprosu o klassifikatsii imen sushchestvitel'nykh obshchego roda v russkom yazyke i sposobakh ikh perevoda na persidskiy yazyk [On Classification of Common Gender Nouns in the Russian Language and Their Translation into the Persian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 55–65. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-55-65 (In Russ.)

Исходя из понятия грамматического рода и с учетом специфики слов общего рода в русском языке предлагается их ранжирование и прослеживаются особенности их перевода на персидский язык. Понятие грамматического рода в русском языке соотносится в первую очередь с существительными, т. е. со словами, обозначающими предметы и явления. Все существительные делятся в основном на три группы: слова мужского, женского и среднего рода. Вместе с тем существуют слова, которые могут одинаково применяться к субъектам действия как мужского, так и женского пола, и они занимают особое место в грамматической системе русского языка – это существительные так называемого общего рода. Целью данной статьи является рассмотрение таких существительных, их классификация по способам выражения рода и иллюстрация особенностей перевода на персидский язык.

В современной лингвистике относительно категории рода имеется два подхода: первый акцентирует различия в речевом стиле мужчин и женщин, а согласно второму обращается внимание на способ выражения рода в языке. С использованием материалов учебников и учебных пособий, энциклопедий и словарей, а также точек зрения на категорию рода ряда исследователей автором статьи осмысливается понимание категории общего рода, приводятся примеры существительных, выступающих в значении как мужского, так и женского рода, с соответствующим переводом на персидский язык.

Так, в русском языке грамматический род выражается морфологическими и синтаксическими средствами, а в персидском языке существуют лексемы и специальные термины для выражения родовых различий: лексические единицы, обозначающие мужчин и обозначающие женщин, которые прибавляются к началу или к концу слова.

В результате анализа встречающихся слов общего рода дается их классификация в русском языке с их переводом на персидский. В основе классификации лежит вид имени общего рода. В первой подгруппе находятся несклоняемые нерусские фамилии, оканчивающиеся на гласный, во вторую подгруппу входят нарицательные несклоняемые имена, обозначающие народности, в третью – склоняемые собственные имена, в четвертую – нарицательные склоняемые имена на «а/я».

Ключевые слова: флективность; грамматический род; общий род; окончание; русский язык.

Введение

Понятие грамматического рода предполагает наличие в русском языке женского, мужского и среднего рода, который дифференцируется через флексии. Кроме этого, существуют слова, которые могут быть одинаково употреблены в обращении к людям женского и мужского пола. Некоторые из них имеют окончание «-а» или «-я» и, как правило, выражают личностные характеристики субъекта действия. Употребление слов общего рода распространено в разговорном стиле и связано с осуждением.

О категории рода в разных языках

Согласно теории Сепира – Уорфа, или теории языковой относительности, при общении человеку необходимо выражать свои мысли, взгляды, верования, внутренние эмоции по отношению к окружающей действительности, употребляя язык как организованную систему. Объединяя в одну группу предметы, которым свойственны общие характеристики, он тем самым приступает к классификации этих предметов, ищет общее в их качествах.

В современной лингвистике относительно категории рода имеются два подхода: первый рассматривает различия в речевом стиле у женщин и мужчин, имея в виду что женщины являются более вежливыми, они в большей степени верны языковым стандартам, употребляют более искренние и менее категоричные фразы в своей речи [Holmes 1988; Brown 1980; Мехдипур 1998; Йегане 1996]. Согласно второму подходу, ученые обращают внимание на способ выражения рода в языке [Goddard et al. 2000; Luchjenbroers 2003; Алинеджад 2005]. В персидском языке, например, род рассматривается как биологическое явление, как результат взаимодействия культуры и языка, подчеркивается, что родовая взаимосвязь в языке – это культурный феномен, который осваивается языком [Foley 1997: 286].

Грамматичность какого-нибудь понятия в языке выражается с помощью специальных элементов, входящих с другими элементами языка в сложные синтагматические и парадигматические отношения. Носитель такого языка при указании на какое-нибудь явление определяет род этого слова, иначе его речь оказывается неправильной. В русском языке любое слово, обозначающее предметы и явления, принадлежит к конкретному грамматическому роду – женскому, мужскому и среднему – и выражается морфологически и синтаксическими средствами.

Данная категория в языках, в которых нет грамматического рода, выражается с помощью лексических средств. К примеру, в персидском

языке, существуют лексемы или специальные термины для выражения родовых различий, так как род не реализуется грамматически. В языках, у которых имеется грамматический род, можно наблюдать родовые показатели на синтаксическом уровне, т. е. грамматический род «снабжает» носителей языка синтаксическими средствами, в результате чего им приходится соблюдать в своей речи языковые нормы [Brown, Yule 1983].

Категория общего рода в русском языке

Общий род в русском языке исследовали многие грамматисты: В. А. Багрянцев (2011), Д. Э. Розенталь (1984), И. М. Пулькина (1964), П. А. Лекант (2001), Л. Л. Касаткин (2011), Н. С. Валгина (1966), А. Н. Гвоздев (1967), Ф. П. Филин (1979), Е. И. Диброва (2001), В. Г. Костомаров и В. И. Максимов (2010), В. А. Белашапкина (1999), В. И. Максимов и Р. В. Одеков (1999), О. В. Мурашов и М. А. Яценко (2017), Пэн Ин (2011) и др. Среди иранских ученых, рассматривавших данную категорию, можно назвать А. Валипура (2011) и М. Моради (2017), которые провели анализ существительных общего рода в русском языке, оканчивающихся на суффиксы «-ак(-а)/-як(-а)», и сопоставили их с производными прилагательными – производителями действия в персидском языке [Моради 2017: 125–147]. Эволюцию рода в иранских языках проследивает Э. Б. Сатцаев. «В современных иранских языках род в значительной мере разрушен, а в некоторых из них – полностью утрачен, что связано с развитием аналитизма», – поясняет он [Сатцаев 2017: 90].

Слова, которые могут обозначать лиц обоего пола в русском языке называются словами общего рода. Опираясь на учебники по грамматике русского языка, энциклопедии и словари, приходим к более точному пониманию этой категории. В энциклопедии «Русский язык» говорится: «В русском языке имеется также некоторое количество существительных так называемого общего рода, способных обозначать существа обоих полов и допускающих при этом согласование как по мужскому роду, так и по женскому роду (например, «Пришел наш староста» и «Пришла наша староста» [Филин 1979: 259]). Существительные общего рода охарактеризованы в словаре-справочнике по грамматике русского языка таким образом: «Некоторые существительные относятся к так называемому общему роду, выступая в значении как мужского, так и женского рода» [Максимов, Одеков 1999: 231]. В предложении: «Пришел наш староста» («Mobser-emān (tozakkar) āmad») слово «староста» – это слово общего рода и в данном примере указывает на существительное мужского рода, по этой же

причине глагол прошедшего времени «āmad» в персидском языке выражается формой прошедшего времени от глагола «прийти», а показатель грамматического мужского рода передается в русском языке суффиксом «л» глагола, который в русском языке синтаксически согласуется с подлежащим «староста» мужского рода. Другой показатель согласования слова общего рода «староста» как существительного мужского рода в данном предложении – это притяжательное местоимение мужского рода «наш» в качестве определения слова «староста», которое в персидском языке передается слитным местоимением первого лица множественного числа «-emān», примыкающим к концу существительного «mobser» (староста).

Однако существительное общего рода «староста» может обозначать также лицо женского пола, например, в предложении: «Пришла наша староста» («Mobser-emān (mo'annas) āmad»). Следовательно, глагол прошедшего времени, выраженный в персидском языке словом «āmad», в русском языке грамматически согласуется с подлежащим женского рода и имеет показатель женского рода – окончание «-а», которое добавляется к суффиксу прошедшего времени «л» в конце глагола «пришла». В то же время о женском роде свидетельствует притяжательное местоимение «наша», будучи согласованным определением к подлежащему «староста».

О сочетаемости имен общего рода с другими членами предложения и о кандидатах в слова общего рода

По мнению В. А. Багрянцевой, «в русском языке есть существительные, которые могут объединять наборы прилагательных мужского и женского рода, их принято называть существительными общего рода; это слова с окончанием «-а(-я)», обозначающие людей по их качествам (забияка, соня, обжора, сирота, крошка... а также некоторые имена собственные (Саша, Валя, Долгих, Живаго)...» [Багрянцева 2011: 234]. Такое мнение разделяют В. Г. Костомаров и В. И. Максимов: «Род некоторых существительных определяется по смыслу, в зависимости от пола лица. К ним относятся существительные общего рода: запевала, староста, тихоня» [Костомаров, Максимов 2010: 453]. К общему роду А. Н. Тихонов относит такие слова, как 1) названия лиц по народности (коми, саами, манси и др.); 2) фамилии типа Гюго, Неру, Шевченко, Милых (Милых-младший, Милых-младшая) [Тихонов 2003: 235].

В. А. Багрянцева анализирует также сходство между некоторыми существительными общего рода. Слова «врач» и «профессор», которые обо-

значают профессии и специальности, можно сочетать с прилагательными, местоимениями, глаголами, причастиями, выступающими как определения [Багрянцева 2011]. Например, «Врач осмотрел больного» («Pezešk-e mard bimār rā mo'āyeneh kard») и «Врач осмотрела больного» («Pezešk-e zan bimār rā mo'āyeneh kard»). Как видно из примеров, родовая разница между предложениями в русском языке осуществляется при помощи морфологического окончания «-а» в конце глагола прошедшего времени, в то время как данное значение в персидском языке ввиду нефлективности системы персидского языка – лексически, при помощи слов «mard» (мужчина) и «zan» (женщина) после подлежащего «pezešk» (врач). Данные слова, как подчеркивает В. А. Белошапкова, принято называть «кандидатами» в слова общего рода [Белошапкова 1999: 473].

Что касается существительных общего рода, выражающих признак предмета («соня», «забияка»), то следует обратить внимание на различие между данными словами и другими существительными общего рода, обозначающими профессии («врач», «профессор»). Постараемся объяснить данное различие на конкретном примере. В сочетаниях «наша врач» («pezešk-e (zan)-emān») или «хорошая врач» («pezešk-e (zan-e)hub») или во фразах: «Беседовал с нашей врачом» («Bā pezešk-emān (pezešk-e zan-emān) bahs kardam») слово «врач» «pezešk», судя по определению, является существительным женского рода, а его определение – притяжательное местоимение «наша», выраженное в персидском языке слитным местоимением «-emān», – склоняется в творительном падеже. Данное предложение можно употреблять только в разговорной речи, оно не соответствует правилам грамматики русского литературного языка.

Следует подчеркнуть, что сочетание прилагательных либо женского, либо мужского рода с существительными общего рода в целом возможно. В связи с этим Д. Э. Розенталь в книге «Современный русский язык» пишет: «Слова общего рода могут выступать в значении как мужского, так и женского рода в зависимости от пола лица, который они обозначают: <...> «Ему необходимо сохранить за собой славу **хорошего запевальи**» («Lāzem ast ke vey šohrat-e tak-xān-e hub rā baḡāye hod hefz konad») [Розенталь 1984: 266]. В указанном предложении словосочетание «хорошего запевальи» употреблено в форме родительного падежа и в сочетании с существительным общего рода «запевала» «tak-xān» и качественным прилагательным «хороший» «hub». Принимая во внимание окончание «-его» в конце прилагательного «хорошего» и логический субъ-

ект предложения «ему» – форму дательного падежа личного местоимения «он», – можно легко угадать грамматический род существительного общего рода – т. е. мужской род. И. М. Пулькина с соавт. также подчеркивали, что возможно сочетание прилагательных, местоимений, порядковых числительных, причастий и глаголов прошедшего времени с существительными общего рода, замечая при этом: «Если речь идет о лице женского пола, эти существительные – женского рода, и связанные с ними прилагательные, местоимения, порядковые числительные, глаголы в прошедшем времени имеют соответствующие окончания (эта девочка – круглая сирота) <...> Если речь идет о лице мужского пола, то прилагательные, местоимения, порядковые числительные, глаголы в прошедшем времени употребляются обычно в мужском (этот парень – наш лучший запевала), но могут употребляться и в женском роде (этот мальчик – круглый сирота; этот мальчик – круглая сирота <...>» [Пулькина, Захава-Некрасова 1964: 22].

По мнению Д. Э. Розенталя, слова общего рода могут быть разделены на две группы: 1) несклоняемые существительные, принадлежащие нейтральному стилю: это иностранные фамилии, оканчивающиеся на гласные: Бенуа, Гюго, Корбюзье и т. п., а также исконно русские фамилии: Благово, Теплых, Шамбинаго; 2) нарицательные и собственные имена, имеющие окончания «-а» и «-я», которые свойственны разговорному стилю [Розенталь 1984: 267].

Например, некоторые собственные имена и производные от них: «веселый Женя (по отношению к мужчине)» («*Ženyā-yešād*»), родовое значение которого в персидском языке также можно выражать лексически и при помощи слова «*āqā*» (досл. господин) в словосочетании («*Āqā Ženyā-ye šād*») (досл. «господин Женя веселый»); «веселая Женя (по отношению к женщине)» («*Ženyā-ye šād*»), родовое значение которого в персидском языке также можно передавать посредством лексемы «*xānom*» (досл. госпожа) и также словосочетание («*Ženyā xānom-e šād*») (досл. «Женя госпожа веселая»); «Саша-младший» («*Sāšā-ye kuček-tar (mozakkar)*») или («*Āqā Sāšā-ye kuček-tar*») (досл. «господин Саша младший», «Саша-младшая» («*Sāšā-ye kuček-tar (moannas)*») или («*Sāšā xānom-e kuček-tar*») (досл. «Саша Госпожа младшая»).

Нарицательные существительные характеризуют людей по их качествам: брюзга («*qoḡ-qoḡ, neḡ-neḡ*»), кривляка («*por-kerešmeh, adā-atvāri*»), невежда («*nādān, jāhel*»), пустомеля («*verrāj, ličār-gu, por-harf, yāve-sarā*») [там же].

Как подчеркивают В. А. Багрянцева с соавт., существительные, обозначающие профессии («врач», «профессор», «декан», «доктор»), могут быть названы «кандидатами» в слова общего рода. Их называют также словами, которые переходят в общий род [Багрянцева 2011: 235]. По мнению Л. Л. Касаткина, П. А. Леканта и других исследователей, к общему роду принадлежит также новый пласт слов. Это связано с тем, что профессии и должности впервые в XX в. оказались доступны женщинам [Касаткин 2011: 540; Лекант 2001: 257]. В случае социально-экономических изменений в обществе носители какого-либо языка, невзирая на грамматические закономерности своего родного языка, приступают к образованию новых слов. Например, слово «ткач» (*nassāḡ-emard*) существовало поначалу как слово мужского рода, и его можно было использовать только по отношению к мужчинам. «Как только этой профессией овладели женщины, в русском литературном языке появилось отмеченное всеми толковыми словарями слово «ткачиха» [Касаткин 2011: 541]. К этой же группе относятся слова «пловец» и «пловчиха».

Интересным является исследование О. В. Мурашовой и М. А. Яценко. Авторы в своей статье «Существительные общего рода как слова “языка нянь” изучают данные слова как составную часть языка нянь и обращают внимание на воспитательный потенциал анализируемой группы слов (см.: [Мурашова, Яценко 2017: 81]).

Изучением категории слов общего рода занимался иранский ученый А. Валипур в своей книге под названием «Практическая грамматика русского языка»: «В современном русском языке употребляются некоторые слова, у которых обычно имеется морфологическое окончание женского рода, и они в общем виде применяются для лиц мужского и женского пола. Данные слова в большинстве случаев употребляются в разговорной речи, и самые распространенные среди них следующие: 1) тихоня, сластена, трудяга, работяга, умница; 2) староста, сирота; 3) Паша, Саша» [Валипур 2011: 37].

А. Н. Гвоздев также разделяет мнение Ф. П. Филина, В. А. Багрянцевой, А. Б. Аникиной, Л. Л. Касаткина, Д. Э. Розенталя, Н. С. Валгиной, А. Валипура и др. Ученый указывает на следующий факт: «Они [т. е. слова общего рода] меняют свой род в зависимости от того, относятся ли в каждом конкретном случае к мужчине или женщине, например, «Петя – большой умница», «Маша – большая умница». Такие слова не совсем точно называются словами общего рода» [Гвоздев 1967: 149].

С точки зрения отрицательного или же положительного оттенка значения, как было отмечено, словам общего рода обычно присуща негативная семантика. Среди существительных общего рода немного слов с положительной оценкой: «душка» (aziz), «молодчина» (javān-dalir, šir-mard), «трудога» (kār-dust, zahmat-keš), «умница» (ādam-eāqel),

«паинька» (bašče-ye moti' va bā-adab), «малютка» (bašče-ye kučak, kučulu), «работяга» (kār-dust, zahmat-keš), «ровня» (mosāvi, barābar), «самоучка» (hod-āmuxteh) и т. д. [Мартинович].

Ниже представлена классификация слов общего рода в русском языке и их перевод на персидский язык:

Классификация слов общего рода в русском языке
Classifications of Common Gender Words in the Russian Language

№	Вид имени общего рода	Имя общего рода в русском языке	Перевод имени общего рода на персидский язык
1	Несклоняемые нерусские собственные фамилии, оканчивающиеся на гласный	Савари́	«Sāvāri» ساواری
		Депардьё́	«Depārdieh» دپارديه
		Моруа́	«Moruvā» موروا
	Несклоняемые собственные фамилии, оканчивающиеся на согласный	Сага́н	«Sāgān» ساگان
		Книпо́вич	«Knipovič» کنيپوويچ
	Несклоняемые русские собственные фамилии, оканчивающиеся на гласный	Борзы́х	«Bārzix» بارزيخ
		Нестере́нко	«Nesterenko» نستر-نکو
		Дурно́во	«Durnov» دورنو
		Живаго́	«Jivāgo» ژيوآگو
		2	Нарицательные несклоняемые имена, обозначающие национальности
бурунди́	«burundi» بوروندى		
герэро́	«herero» ر-رو		
кечуа́	«kečuā» کچوا		
манси́	«mānsi» مانسى		
удэге́	«udegeh» ودگه		
ханты́	«xānti» خانتي		
Нарицательные несклоняемые имена, обозначающие человека по принадлежности к социальной группе	визави́		«vizāvi» ويزاوي
	протеже́		«protejeh» پوتزه
	3		Склоняемые собственные имена
Же́ня		«Jeniyā» نيا	
Ле́ра		«Lerā» ليرا	
Ге́ня		«Genyā» گنيا	
Па́ша		«Pāšā» پاشا	
Са́ша		«Sāšā» ساشا	

№	Вид имени общего рода	Имя общего рода в русском языке	Перевод имени общего рода на персидский язык
4	Нарицательные склоняемые имена, оканчивающиеся на «-а/-я»	зади́ра	«parxāš-ju» پرخاشجو
		кривля́ка	«adā-atvāri» ادالطواری
		неве́жа	«bi-adab» بی ادب
		ма́мля	«men menu» من منو
		недо́тепа	«bidast-o-pā» بی دست و پا
		пла́кса	«ašk-riz» اشک ریز
		не́ряха	«šalaxteh» شلخته
		пья́ница	«dā'em-ol-xamr» دائم الخمر
		рази́ня	«havās-part» حواس پرت
		хитрю́га	«(ādam-emakkār)» دم (مگار)
		запева́ла	«tak-xān» تک خوان
		колле́га	«ham-kār» همکار
		трудя́га	«zahmat-keš» زحمت کش
		у́мница	«(ādam-e) āqel» آدم (عقل)
		работя́га	«zahmat-keš» زحمت کش
		самоу́чка	«xod-āmuxteh» خودآموخته
		ро́вня	«barābar» برابر
		книгоно́ша	«ketāb-foruš-e doreh-gard» آب فروش دوره گرد
		сирота́	«yatim» یتیم
		малю́тка	«pesar-kučulu» (для мальчиков) پسر کوچولو «doxtar-kučulu» (для девочек) دختر کوچولو
		молодчи́на	«šir-mard» (для мужчин) شیر مرد «šir-zan» (для женщин) شیر زن
		па́инька	«pesarbačče-y-e bā-adab» (для мальчиков) پسر بچه ی باادب doxtar-bačče-y-e bā-adab (для девочек) دختر بچه ی باادب
		левша́	«čap-dast» چپ دست
со́ня	«xāb-ālud» خواب آلود		
сласте́на	«širini-dust» شیرینی دوست		

Во вторую подгруппу входят нарицательные несклоняемые имена, обозначающие народности, типа «банту», «бурунди», «гереро», «кечуа», «манси», «удэге», «ханты». Эти слова на персидском языке могут быть выражены с помощью лексических средств и слов «mard» (мужчина) или «zan» (женщина): «Пассажиры радостно гомонят – ни одного знакомого слова, лишь оживленный щебет кечуа» [Карина Шаинян. Кукуруза, пережаренная с мясом (2007)] «Mosāferān bā xošhāli qil-o-qāl kardand – dar miyāne kalāmešān hič kalame-i mafhum nabud, tanhā čahčahe-i zendeh be zabān-e kešūi-yi bud», при переводе на персидский язык добавлена лексема «zabān-e» (досл. п. на языке) в предложной форме и с показателем изафета-касре.

Склоняемые собственные имена типа «Валя», «Женя», «Лера», «Геня», «Саша» можно перевести на персидский язык лексически и при помощи таких слов, как «āqā» (господин, сударь) или «xānom» (госпожа, сударыня). При переводе не общих имен для мужчин и женщин иногда и не указывается на родовую принадлежность собственного имени: «Тогда он тихо прикасался к Вернеру, и тот, не поднимая глаз, отвечал ему тихо: – Ничего, Вася. Скоро кончится». «Dar in moqe' be ārāmi bā dastaš tan-e Verner rā lams mikard va Verner bedun-e inke sar-i boland konad, ārām be u goft: – Čizi nist Vāsiyā! Zud tamām mišavad» (Рассказ о семи повешенных, пер. от Хамидреза Аташбараб); здесь по контексту можно угадать, что Вася – это тот же самый Василий Каширин. На самом деле, иранский читатель, особенно если он не знаком с русским языком, не в силах понять, к женскому роду относится сокращенная форма или к мужскому. Если невнимательно читать текст произведения, то приходится неоднократно обращаться к месту, где впервые упоминается какое-нибудь собственное имя.

Нарицательные склоняемые имена, оканчивающиеся на «-а/-я», типа «зади́ра» «ragxāš-ju», «кривля́ка» «adā-atvāri», «неве́жа» «bi-adab», «ма́мля» «menmenu», «недотепа» «bidast-o-pā», «пла́кса» «ašk-riz», «не́ряха» «šalaxteh», «пья́ница» «dā'em-ol-xamr», «ра́зиня» «havās-part», «хитрю́га» «(ādam-e makkār)», «запева́ла» «takxān», «колле́га» «ham-kār», «трудо́яга» «zahmatkeš», «умни́ца» «(ādam-e) āqel», «рабо́тяга» «zahmat-keš», «самоу́чка» «hod-āmuxteh», «ро́вня» «barābar», «книгоно́ша» «ketāb-foruš-e dorehgard», «сирота́» «yatim», «малю́тка» «pesar-kučulu» (для мальчиков), «doxtar-kučulu» (для девочек), «молодчи́на» «šir-mard» (для мужчин), «šir-zan» (для женщин), «па́инька» «pesarbačče-ye bā-adab» (для мальчиков), «doxtar-bačče-ye bā-adab» (для девочек), «ле́вша» «čar-dast», «со́ня» «xāb-ālud», «сластена» «širini-dust» могут быть пере-

даны лексически и при помощи лексем «āqā» (господин, сударь) или «xānom» (госпожа, сударыня), «mard» (мужчина) или «zan» (женщина), «pesar-baččeh» (мальчик), «doxtar-baččeh» (девочка), «doxtar» (досл. девушка, девочка), «pesar» (молодой человек, мальчик), которые добавляются к началу или концу перевода общего имени на персидский язык.

Неофициальные формы собственных имен, их место в классификации и перевод на персидский язык

Ряд российских грамматистов допустили ошибку в отнесенности неофициальных форм некоторых собственных имен к существительным общего рода. Как уже говорилось раньше, третья разновидность слов общего рода, представляющая собой склоняемые, – сокращенные формы собственных имен.

Сокращенные формы слов могут быть употреблены для выражения таких чувств, как любовь, привязанность, сочувствие и жалость, преимущественно при обращении к детям или тем людям, по отношению к которым говорящий испытывает чувство любви или дружбы, т. е. к друзьям, родственникам и близким людям. Некоторые дериваты образуются от собственных имен мужского рода, некоторые – от обеих групп имен – мужского и женского рода. Заметить грамматическую разницу между формой женского и мужского рода во втором случае можно, обратив внимание на гласный в конце полной формы слова женского рода. Иными словами, в полной форме собственного имени наличие гласных «а» или «я» в конце слова – само по себе выразительный показатель женского рода. Тогда как в сокращенной форме род выражается только при помощи синтаксических средств и сочетаемости слов в составе предложения. Например, собственное имя «Саша» – неофициальная форма – может быть образовано от двух имен: «Александр» (юноша) и «Александра» (девушка). Здесь следует указать на интересный факт: слово «Лера», будучи сокращенной формой собственного имени женского рода «Валерия», по мнению Г. А. Мартиновича, является существительным общего рода. Однако форму «Лера», по мнению автора данной статьи, нельзя считать словом общего рода. Постараемся объяснить причину этой претензии: существуют следующие сокращенные формы от собственного имени мужского рода «Валерий»: «Валера», «Валерочка», «Валерик», «Валерчик», «Валя», «Валечка», «Валюшка», «Лерик»; а сокращенные формы от собственного имени женского рода «Валерия» следующие: «Лера», «Лерочка», «Леронька», «Лерушка», «Леруша», «Леруня», «Валя», «Ва-

лечка», «Валенька», «Валюша». Как было отмечено, только три из перечисленных слов – «Валя», «Валечка» и «Валюша» – являются общими и учитываются в качестве неофициальных сокращенных форм слов обоих родов, а слово «Лера» не встречается в этом списке! По этой же причине отнести слово «Лера» к словам общего рода неправильно. Также неверно отнесение слов типа «Маша» или же «Миша» к категории слов общего рода. Слово «Маша» на сто процентов не слово общего рода, и его нельзя включать ни в никакие классификации слов данной категории.

Что касается перевода неофициальных форм имен собственных, следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев носители персидского языка сталкиваются с проблемой непонимания текста. Если русский автор литературного произведения желает упомянуть о герое или о героине неофициальной формой имени, говорящий читатель не может различить, герой это или героиня. Проблему можно решить так: в пьесах можно в начале произведения наряду с полной формой указывать и сокращенные формы, если последние употреблены в произведении. Если в литературном произведении много действующих лиц, можно в сноске при первом появлении в тексте сокращенной формы отметить, что данная лексема считается неофициальной формой и относится к такому-то собственному имени. Второй подход реализовал переводчик Мехран Сепехран при переводе «Ивана Васильевича» – пьесы Михаила Булгакова – на персидский язык. В объяснениях по поводу имени «Кокечка» он в сноске отмечает, что это ласкательная форма имени «Кока». Однако в начале книги не объясняется, что «Кока» – это сокращенная форма имени «Николай» по отношению к герою Николаю Ивановичу Тимофееву.

В пьесе «Дядя Ваня», в начале второго действия, переводчик Хушанг Пир-назар при переводе слов Серебрякова при его обращении к Елене Андреевне «Леночка» не разъясняет, что это уменьшительно-ласкательная форма от неофициальной формы «Лена», которая, в свою очередь, образована от полной формы имени «Елена». Отсутствие нужных объяснений, по мнению автора работы, может привести к неясности.

Переводчик пьесы «Иванов» Саид Хамидиан в начале своего перевода указывает на ряд имен для каждого действующего лица: «Ivānov, Nikolāi Alekseyevič» (Иванов Николай Алексеевич), неперемный член по крестьянским делам присутствия, «Koliā» (Коля), «Niklā» (Никла), «Niklāšā» (Никлаша); «Ānnā Petrovnā» (Анна Петровна), его жена, урожденная Сатра Абрамсон, «Āniyā» (Аня), «Āniūtā» (Анюта); «Šabelskii

Mātvey Semenovič» (Шабельский Матвей Семенович), граф, его дядя по матери, «Dāyi Ivānov» Дядя Иванов; «Lebedev Pāvel Kirilyč» (Лебедев Павел Кириллыч), председатель земской управы, «Pāšā» (Паша); «Zināidā Sāvišnā» (Зинаида Савишна), его жена, «Ziuzuiškā» (Зюзюшка); «Sāšā» (Саша), дочь Лебедевых 20 лет. Но он забывает указать ласкательную форму «Сашенька», употребляемую в тексте пьесы. Переводчика можно понять: в разговорном стиле русского языка существует большое количество неофициальных форм каждого собственного имени.

Заключение

Следует иметь в виду, что нельзя отнести такие склоняемые собственные имена, как «Лера», «Маша», «Миша», употребляемые в неофициальной обстановке, к категории слов общего рода, и любая такая попытка с точки зрения грамматики русского языка является грубой ошибкой. Слова «Маша» и «Лера» используются только при обращении к лицам прекрасной половины, а имя «Миша» – при обращении к мужчинам.

Как уже отмечалось выше, слова общего рода обозначают лиц обоих полов. При их употреблении в речи важно обратить внимание на согласованность компонентов словосочетаний или предложений, в составе которых употребляются слова общего рода. Это возможно только благодаря согласованным определениям, в том числе прилагательным, некоторым разновидностям местоимений, порядковым числительным и тем частям речи, которые могут согласовываться с определяемым словом, выраженным существительным общего рода, или же с помощью синтаксических средств (окончаний глагола в сослагательном наклонении и в прошедшем времени). В персидском языке существительные общего рода в большинстве случаев передаются лексически, при помощи лексем «āqā», «mard», «pesar», «pesarak», «pesar-baččeh» для слов, обозначающих мужчин, и лексемами «xānom», «zan», «doxtar», «doxtarak», «doxtar-baččeh» для слов, обозначающих женщин, которые прибавляются к началу или концу слова.

Список литературы

Алинеджад Б. Когнитивные основы рода в персидском языке // Журнал исследования прозы в персидской литературе. 2005. № 17 (14)б. С. 81–104. (Alinezhad B. Mabaniye shenakhtiye jens dar zabane farsi // Nashriye daneshjadeye adabiyat va olume ensaniye daneshgahe shahid Bahonare Kerman. Doreye jaded, 2005. № 17(14)b. P. 81–104.)

Андреев Л. Н. Рассказ о семи повешенных / пер. на перс. яз.: Х. Аташбараб. Тегеран: Хермес,

2011. 245 с. (*Andreev L. N. Dastane haft-nafari ke be dar avikhteh shodand / tarjomeh az rusi be farsi: Hamid-reza Atashbarab. Tehran: Hermes, 2011. 245 p.*)

Багрянцева В. А. и др. Русский язык: учеб. пособие для старших классов школ гуманитар. профиля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 560 с.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1999. 926 с.

Булгаков М. А. Иван Васильевич / пер. на перс. яз.: М. Сепехран. Тегеран: Катре, 2014. 96 с. (*Bulgakov M. A. Ivan Vasil'evich / Komedi dar seh pardeh: Tarjomeh az matne rusi: Mehran Sepهران. Tehran: Khatre, 2014. 96 p.*)

Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1966. 496 с.

Валипур А. Практическая грамматика русского языка (для персоговорящих студентов). Тегеран: Изд-во Тегеран. ун-та, 2011. 382 с. (*Valipur A. Dasture karbordiyе zabane rusi baraye daneshjuyane farsi zaban. Tehran: Moasseseye entehsarate daneshgahe Tehran, 2011. 382 p.*)

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и Морфология. М.: Просвещение, 1967. 432 с.

Диброва Е. И. и др. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. М.: Академия, 2011. Ч. II. 624 с.

Йегане А. Род, возраст и вежливость: магистерская дис. кафедры английского языка Исфганского ун-та. Исфган, 1996. 132 с. (*Yegane A. Rabeteуe jens vas en baa dab; Motale'eye beune farhangi, Payan-nameye karshenasiye arshade daneshgahe Esfahan: Esfahan, 1996. 132 p.*)

Касаткин Л. Л. и др. Русский язык: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2011. 784 с.

Костомаров В. Г., Максимов В. И. Современный русский литературный язык. М.: Юрайт, 2010. 916 с.

Лекант П. А. Современный русский язык. М.: Дрофа, 2001. 560 с.

Максимов В. И., Одеков Р. В. Словарь-справочник по грамматике русского языка. М.: Гардарики, 1999. 368 с.

Мартинович Г. А. Род имен существительных в современном русском языке. URL: http://lit-lib.ru/m/martinowich_g_a/2rod_s.shtml (дата обращения: 04.02.2019).

Мехдинур М. Рассмотрение мощности в речи персоговорящих женщин и мужчин: магистерская диссертация по лингвистике. Тегеран, 1998. 145 с. (*Mehdipur M. Barresiye ghoдрate goftare zanan va mardane farsi-zaban, Payan-nameye karshenasiye arshad, Daneshgahe Allameh Tabataba'i. Tehran: Daneshgahe Allameh Tabataba'i. 1998. 145 p.*)

Моради М. Сопоставительный анализ существительных общего рода, оканчивающихся на суффиксы «-як(-а)/-ак(-а)» в русском языке с производными прилагательными – производителями действия в персидском языке // Языковые исследования. 2017. № 8(4). С. 125–147. (*Moradi M. Barresiye vajhegane makhtum be pasvandhaye «-yak(-a)/-ak(-a)» dar zabane rusi ba maghuleye esme jense moshtarak dar in zaban va sefate aliye morakkab dar zabane farsi // Majalleye Jostarhaye zabani. 2017. № 8(4). P. 125–147.*)

Мурашова О. В., Яценко М. А. Существительные общего рода как слова «языка нянь» // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2017. Вып. 3(78). С. 81–86.

Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М.: Высш. шк., 1964. 592 с.

Пэн Ин. Существительные общего рода // Современные гуманитарные следования. 2011. № 5(42). С. 50–51.

Розенталь Д. Э. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1984. 736 с.

Сатцаев Э. Б. Эволюция рода в иранских языках // Известия СОИГСИ. 2017. № 24(63). С. 90–97.

Тихонов А. Н. Современный русский язык. М.: Цитадель-трейд, ИД Рипол Классик, 2003. 464 с.

Филин Ф. П. Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

Чехов А. П. Дядя Ваня / пер. на перс. яз.: М. Пирназар. Тегеран: Катре, 2003. 112 с. (*Chekhov A. P. Dayi Vanya / Tarjomeye Namayesh-nameh az rusi be farsi: Hushang Pirnazar. Tehran: Khatre, 2003. 112 p.*)

Чехов А. П. Иванов / пер. на перс. яз.: С. Хамидиан. Тегеран: Катре, 2004. 136 с. (*Chekhov A. Ivanov / Tarjomeye Namayesh-nameh az rusi be farsi: S. Hamidian. Tehran: Khatre, 2004. 136 p.*)

Brown P. How and why women are more polite. some evidence from a mayan community // S. McConnell-Ginet, R. Borker, N. Furman (eds.) Women and Language in Literature and Society. New York: Praeger, 1980. P. 111–135.

Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.

Foley W. Anthropological Linguistics: An Introduction. Blackwell Publishers, 1997. 286 p.

Goddard A. et al. Language and Gender. L.: Routledge. 2000. 112 p.

Holmes J. Paying compliments: A sex-preferential positive politeness strategy // Journal of Pragmatics. 1988. Issue (12). P. 445–465.

Luchjenbroers J. Cognitive Linguistics and Gender Representation // Working Paper in ELT & Applied Linguistics. 2003. 1(1). P. 75–104.

References

- Alinejad B. Kognitivnye osnovy roda v persidskom yazyke [Cognitive basics of gender in the Persian language]. *Zhurnal issledovaniya prozy v persidskoy literature* [Journal of Letters and Language], 2005, vol. 17(14), issue 14, pp. 81–104. (In Pers.).
- Andreev L. N. *Rasskaz o semi poveshennykh* [The seven who were hanged]. Transl. from Russian into Persian by H. Atashbarab. Tehran, Hermes Publ., 2011. 245 p. (In Pers.).
- Bagryantseva V. A. & et al. *Russkiy yazyk: ucheb. posobie dlya starshikh klassov shkol gumanitarnogo profilya* [Russian Language: Textbook for senior high school students specializing in the humanities]. Moscow, Moscow State University Press, 2011. 560 p. (In Russ.).
- Beloshapkova V. A. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 926 p. (In Russ.).
- Bulgakov M. A. *Ivan Vasil'evich* [Ivan Vasilievich]. Transl. into Persian by M. Sepehran. Tehran, Ghatreh Publ., 2014. 96 p. (In Pers.).
- Valgina N. S. & et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1966. 496 p. (In Russ.).
- Valipur A. *Prakticheskaya grammatika russkogo yazyka (dlya persogovoryashchikh studentov)* [Practical grammar of the Russian language (for Persian-speaking students)]. Tehran, University of Tehran Press, 2011. 382 p. (In Pers.).
- Gvozdev A. N. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk. Chast' I. Fonetika i morfologiya* [Modern Russian literary language. Pt. 1. Phonetics and morphology]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1967. 432 p. (In Russ.).
- Dibrova E. I. & et al. *Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinits: v 2 ch.* [Modern Russian language. Theory. Analysis of language units: in 2 pts.]. Moscow, Akademiya Publ., pt. 2, 2011. 624 p. (In Russ.).
- Yeganeh A. Gender, age and politeness. MA thesis of English department of Isfahan University. Isfahan, 1996. 132 p. (In Eng.).
- Kasatkin L. L. & et al. *Russkiy yazyk: uchebnik dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya* [Russian Language: Textbook for the students of Institutions of higher professional education]. Moscow, Akademiya Publ., 2011. 784 p. (In Russ.).
- Kostomarov V. G., Maksimov V. I. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk* [Modern Russian literary language]. Moscow, Urait Publ., 2010. 916 p. (In Russ.).
- Lekant P. A. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2001. 560 p. (In Russ.).
- Maksimov V. I., Odekov R. V. *Slovar'-spravochnik po grammatike russkogo yazyka* [Glossary and reference book on Russian grammar]. Moscow, Gardariki Publ., 1999. 368 p. (In Russ.).
- Martinovich G. A. *Rod imen sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom yazyke* [The gender of nouns in the modern Russian language]. Available at: http://lit.lib.ru/m/martinovich_g_a/2rod_s.shtml (accessed 04.02.2019). (In Russ.).
- Mehdipour M. *Study of power in speech of Persian speaking men and women*. MA thesis of Allameh Tabataba'i University. Tehran, Allameh Tabataba'i University Press, 2009. 145 p. (In Eng.).
- Moradi M. Words ending with suffixes '-як(a) / -ак(a)' In Russian language, with the concept of common generic noun in this language, and compound agentive adjective In Persian. *Language Related Research*, 2017, issue 8(4), pp. 125–147. (In Pers.).
- Murashova O. V., Yashchenko M. A. Sushchestvitel'nye obshchego roda kak slova «yazyka nyan'» [Common gender nouns as words of 'baby talk']. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki.* [Cherepovets State University Bulletin. Philological Sciences], 2017, issue 3(78), pp. 81–86. (In Russ.).
- Pul'kina I. M., Zakhava-Nekrasova E. B. *Uchebnyk russkogo yazyka dlya studentov-inostrantsev* [Textbook of the Russian language for foreign students]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1964. 592 p. (In Russ.).
- Peng Ying. Sushchestvitel'nye obshchego roda [Common gender nouns]. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya* [Studies in the Modern Humanities], 2011, issue 5(42), pp. 50–51. (In Russ.).
- Rosenthal D. E. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 736 p. (In Russ.).
- Sattsaev E. B. Evolyutsiya roda v iranskikh yazykakh [The evolution of gender in Iranian languages]. *Izvestiya SOIGSI* [Izvestia SOIGSI], 2017, issue 24(63), pp. 90–97. (In Russ.).
- Tikhonov A. N. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Tsitadel'-Treyd Publ., ID Ripol Klassik Publ., 2003. 464 p. (In Russ.).
- Filin F. P. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. 432 p. (In Russ.).
- Chekhov A. P. *Dyadya Vanya* [Uncle Vanya]. Transl. from Russian into Persian by H. Pirnazar. Tehran, Ghatreh Publ., 2003. 112 p. (In Pers.).
- Chekhov A. P. *Ivanov* [Ivanov]. Transl. into Persian by S. Khamidian. Tehran, Ghatreh Publ., 2004. 136 p. (In Pers.).
- Brown P. How and why women are more polite: Some evidence from a mayan community. *Women and Language in Literature and Society*. Ed by S. McConnell-Ginet, R. Borker, N. Furman. New York, Praeger, 1980, pp. 111–135 (In Eng.).

Brown G., Yule G. *Discourse analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 288 p. (In Eng.)

Foley W. *Anthropological Linguistics: An Introduction*. Blackwell Publishers, 1997. 286 p. (In Eng.).

Goddard A. & et al. *Language and Gender*. London, Routledge. 2000. 112 p. (In Eng.).

Holmes J. Paying compliments: A sex-preferential positive politeness strategy. *Journal of Pragmatics*, 1988, issue (12), pp. 445–465. (In Eng.).

Luchjenbroers J. Cognitive Linguistics and Gender Representation. HKPU, *Working Paper in ELT & Applied Linguistics*, 2003, issue 1(1), pp. 75–104. (In Eng.).

ON CLASSIFICATION OF COMMON GENDER NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR TRANSLATION INTO THE PERSIAN LANGUAGE

Maryam Moradi

Senior Lecturer in the Department of Russian Language and Literature

Faculty of Persian Literature and Foreign Languages

Allameh Tabataba'i University

South Allameh Tabataba'i st., Chamran Highway, Tehran, 1997967556, Iran. m.moradi@atu.ac.ir

SPIN-code: 7145-2536

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6652-227X>

ResearcherID: K-6520-2018

Submitted 15.05.2018

With respect to the concept of grammatical gender and considering the characteristics of common gender nouns in the Russian language, the paper provides their classification and analyzes the peculiarities of their translation into the Persian language.

The concept of grammatical gender in the Russian language is first of all related to nouns, i.e. words representing objects and phenomena. According to the ways of expressing them, the variety of nouns is generally divided into three groups: so-called masculine, feminine and gender-neutral nouns. Furthermore, apart from nouns having particular gender, there are nouns that can be equally applied to male or female persons. These occupy a special place in the grammatical system of the Russian language, being called common gender nouns. The purpose of this article is to discuss these nouns, classify them according to their gender and also demonstrate the peculiarities of their translation into the Persian language.

In contemporary linguistics, there are two approaches regarding gender: the first one emphasizes the differences in the speech style typical of men and women, while the other approach focuses on the method of expressing gender in language.

Using the material of educational and teaching books, encyclopedias, dictionaries and based on the viewpoints of many researchers regarding gender, the author of the paper considers the category of common gender, provides examples of nouns demonstrating both feminine and masculine meanings, with the corresponding translation into Persian.

While in the Russian language grammatical gender is expressed by morphological and syntactic means, in the Persian language there are particular lexemes and special terms to express the gender distinction.

Following the analysis of common gender nouns discussed, their classification in the Russian language and their translation into the Persian language are presented. The classification is based on the type of the common gender nouns. The first group consists of indeclinable non-Russian family names ending with vowels; the second group consists of indeclinable common nouns denoting nationality; the third group includes declinable proper nouns; the fourth group consists of common nouns ending with 'а/я'. Attention is paid to the way of expressing common gender nouns in the Persian language through words – lexemes expressing the masculine gender and also lexemes expressing the feminine gender that are added at the beginning or the end of words.

Key words: inflected language; grammatical gender; common gender; inflectional suffix; Russian Language.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111(09)
doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА И ОБРАЗЫ СТЕКЛЯННЫХ ПРЕСС-ПАПЬЕ В ПОВЕСТИ А. С. БАЙЕТТ «ДЖИНН В БУТЫЛКЕ ИЗ СТЕКЛА “СОЛОВЬИНЫЙ ГЛАЗ”»

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

SPIN-код: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Александра Геннадьевна Неклюдова

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Neklyudova95@mail.ru

SPIN-код: 2698-1828

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4142-6986>

Статья поступила в редакцию 22.04.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С., Неклюдова А. Г. Мотивная структура и образы стеклянных пресс-папье в повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 66–78. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S., Neklyudova A. G. Motivnaya struktura i obrazy steklyannykh press-pap'e v povesti A. S. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [The Motif Structure and Images of Glass Paperweights in the Fairy Story ‘The Djinn in the Nightingale’s Eye’ by A. S. Byatt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 66–78. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78 (In Russ.)

В новом ракурсе рассматривается известная повесть современной английской писательницы А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» (1994). Детально анализируется значимая составляющая мотивной структуры повести, связанная с образами стеклянных пресс-папье. Последние объединяют лейтмотивы стекла (воды, зеркала и др.), цветка (сада, Рая, молодости) и змеи (мудрости, искушения). Они выражают сложную природу искусства, библейский сюжет творения и грехопадения и чудесную историю омоложения героини. Турецкое пресс-папье символизирует мир до творения и героиню до преобразования, канадские – процесс творения и преобразования, миллефиори – чудесный результат – красоту Рая и вечную молодость, американские – историю человека, обреченного на старение и умирание, но наделенного даром воображения. Иронически и эстетически осмысливая собственное пристрастие к стеклянным пресс-папье, Байетт подчеркивает двойственность женщины-писателя (конфликт внутреннего и внешнего, профессии и семьи, искусства и действительности, мистического и рационального, любви и смерти) через многогранную природу стекла и стеклянных предметов. Параллели между коллекционированием пресс-папье и собиранием историй

подчеркивают их нарратологический потенциал и объясняют автобиографизм образа Джиллиан Перхольт. Описания других реальных и вымышленных стеклянных предметов (телевизора, витрин в музее, сосудов с книгами, бутылки с джином и др.) создают комический эффект, расширяют символику стекла и создают сложную «сетку мотивов» (термин Б. М. Гаспарова), непосредственно и опосредованно связанных с образами стеклянных пресс-папье.

Ключевые слова: современная английская литература; А. С. Байетт; мотивная структура; экфрасис; стеклянные пресс-папье; миллефиори.

Чтение книг современной английской писательницы А. С. Байетт (A. S. Byatt, 1936) часто напоминает процесс расшифровывания – постепенного и кропотливого, – причем не только и не столько узнавания какого-либо факта или предмета искусства, сколько многогранного и глубокого «прочувствования» этого предмета: «The examples of ekphrasis in her fiction engage the reader more fully because they take time to convey the materiality of objects» [Hicks 2009: 7]. Сама писательница видит преимущества литературы перед живописью в постепенном «разворачивании» литературного описания во времени: «...she believes that realist description involves a gradual unfolding of pleasure which surpasses that to be experienced when viewing a painting» [ibid.: 28]. Это медленное поступательное движение к полному всеохватному видению Байетт и называет истинным наслаждением, настоящим чтением и приглашает читателя присоединиться к ней в открытой ею радости.

Исследователи творчества Байетт часто строят свои работы на междисциплинарной основе, используя литературоведческие и искусствоведческие методы. Интермедиаальный подход помогает не только обнаружить случаи экфрасиса, которыми насыщены произведения английской писательницы, но и понять ее творчество в целом (см. об этом: [Бочкарева, Графова 2014]). Байетт видит мир через призму и литературы, и визуальных искусств – через их многогранное взаимодействие, поэтому постоянно обращается к эстетической проблематике в своих романах, рассказах и эссе. Варьирование форм взаимодействия объясняется не только жанровой спецификой литературных произведений, но и разнообразием видов искусства.

Повесть «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”», входящая в одноименный сборник («Djinn in the Nightingale’s Eye», 1994), изучалась в российском литературоведении в различных аспектах: жанровое своеобразие [Конькова 2010, Лебедева 2016], поэтика вставных текстов [Владиминова 2017], филологический дискурс [Владиминова, Куприянова 2018], мифопоэтика [Муратова 1999, Ильяшенко 2014б], литературные аллюзии [Ильяшенко 2014а], библейские реминисценции [Тиунова 2008]. Цель нашей статьи – анализ мотивной структуры про-

изведения, связанной с образами стеклянных пресс-папье.

Главная героиня повести – Джиллиан Перхольт – преуспевающий и авторитетный ученый-нарратолог («narratologist»). Любимая работа является ее призванием, составляет главный смысл ее жизни. Поэтому Джиллиан не тоскует по давно выросшим и разъехавшимся по всему миру детям и не расстраивается, когда ее бросает муж, но даже радуется этому и чувствует себя «like a prisoner bursting chains and coming blinking out of a dungeon. She felt like bird confined in a box, like a gas confined in a bottle, that found an opening, and rushed out. She felt herself expand in the space of her own life» [Byatt 1994: 103]. Теперь она может всецело посвятить себя науке, погрузиться в литературу, жить «настоящей жизнью».

Наррация, или «storytelling» («рассказывание историй»), вырастает в повести до «метафоры жизненного пути» [Конькова 2009: 167]. Джиллиан не только работает с чужими историями, втайне она создает свою собственную: «She had written a secret book, her first book, she told him, during this imprisonment, a book about a young man called Julian who was in hiding, disguised as a girl called Julienne, in a similar place» [Byatt 1994: 227]. Когда джинн попросил рассказать историю ее жизни, она вспомнила историю создания своей первой «тайной» книги, которую пыталась написать в интернате. «Работа с чужим и собственным текстом придает смысл ее существованию» [Конькова 2009: 168]. Таким образом, главную героиню можно охарактеризовать не только как ученого, но и как писателя.

Атрибутами северных сказок, так любимых Байетт в детстве, были лед, стекло и зеркала: «The fairy stories which I now see provided much of my secret imagery as a child are northern tales about ice, glass, and mirrors» [Byatt 2000: 151]. Для писательницы, вдохновленной «тайными образами детства» [Байетт 2006: 247], эта триада стала олицетворять холодное могущество, безупречную красоту и ясное осознание антагонизма между искусством и супружеством: «And I found in it, and in the dangerous isolation of the girl on her slippery shiny height a figure of what was beginning to bother me, the conflict between a female destiny, the kiss, the marriage, the child-bearing, the death, and the frightening loneliness of cleverness, the cold

distance of seeing the world through art, of putting a frame round things» [Byatt 2000: 156]. Постепенно эта триада «вросла» и в творчество самой Байетт, превратившись не просто в сквозной мотив в ее произведениях, но в сложную, постоянно растущую «сетку мотивов» [Гаспаров 1993: 288].

Повесть «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» интересна в этом ключе тем, что протагонист является и женщиной, и ученым, и человеком искусства. Центральный элемент заветной триады (стекло) становится лейтмотивом повести и конкретизируется в образах стеклянных пресс-папье, которые коллекционирует героиня.

Пресс-папье – французское слово (фр. *presse-papiers*, от *presser* – «нажимать» и *papier* – «бумага»), его изначальным предназначением было придавливать лежащие на столе бумаги, чтобы они не разлетались (косвенное указание на профессию героини). Стеклянное пресс-папье – изделие любых форм, чаще всего круглой, атрибутом и «изюминкой» которого является декоративный элемент, «хранящийся» внутри него, – разнообразные узоры, фигурки, портреты, также сделанные из стекла разных цветов. По мере развития искусства изготовления стеклянных пресс-папье усиливалась их эстетическая функция, а канцелярская постепенно стиралась [Bergstrom 1940].

В повести коллекционирование стеклянных пресс-папье носит автобиографический характер. В одном из интервью Байетт признается: «I collect [Venetian] glass balls. And the reason the English house is home, and the French house is deeply loved, but is “the French house”, is partly because there are glass balls I’ve collected all over the English house» [Phillips 2017]. Коллекция стеклянных пресс-папье является для Байетт неотъемлемой частью «родного дома», без них дом превращается просто в строение, которое можно также любить, но которое не вызывает такой же глубокой привязанности.

Байетт проводит аналогию между коллекционированием (и изучением) вещей (пресс-папье), идей и историй жизни людей (т. е. литературой): «You collect the things and then you study them. And I collect ideas and then I study them. And I collect people’s lives and then I study them. <...> I need more than one life, just as I need more than one glass ball, all the different patterns, in order to see what is the same, what is different» [ibid.]. Похожая ассоциативная связь проводится главной героиней повести. Джиллиан, будучи нарратологом, тоже «собирает» истории. Ее коллекция пресс-папье пополняется образчиками, которые она привозит из своих многочисленных путешествий: «She liked to take a weight back from every journey, if one could be found» [Byatt 1994: 180]. Стеклянные сувениры становятся застывшими

воспоминаниями о путешествиях – материализовавшимися *историями* о них. Более того, такой предмет, как стеклянное пресс-папье, с его долгим и кропотливым процессом изготовления, сам по себе является *историей*. Причудливые узоры и фигуры, искусно выполненные декоры, в свою очередь, дают пищу воображению, и рождаются новые *истории*.

К образу стеклянного пресс-папье как хранителю и источнику историй в повести добавляется еще одна его интерпретация – отражение противоречивого характера главной героини. С одной стороны, Джиллиан, будучи «человеком разума», по ее собственным словам, живет «скорее головой, чем телом» [Байетт 2017: 180]: «I am a creature of the mind, not the body» [Byatt 1994: 237]. С другой стороны, ее женская природа выражается в желании иметь красивое, никогда не стареющее тело. Неподвластные времени стеклянные пресс-папье являются для нее материальным воплощением этого желания.

Первое, что пятидесятилетняя Джиллиан просит у освобожденного ею джинна, – вернуть молодость тридцатилетней женщины, которая бы длилась до конца ее жизни. По сути, она обратилась в то же стеклянное пресс-папье, сама стала произведением искусства, взирающим на мир из-за стекла [Неклюдова, Бочкарева 2017]. При этом героиня остается определенно *живой* не в последнюю очередь потому, что стекло для Байетт – не равнодушная и безжизненная материя. Это неоднократно и имплицитно подчеркивается в повести «оживляющими» стекло метафорами: «she <...> decided to run it under the tap, to bring the glass to life» [Byatt 1994: 187]; «suddenly it [bottle] gave a kind of warm leap in her hand <...> like a still-beating heart in the hands of a surgeon» [ibid.]; «Dr Perholt went in, her eyes gleaming like glass» [ibid.: 268]. Однако именно стекло («glass») трижды упоминается в сцене первого из трех «видений старости и смерти» во время доклада Джиллиан о Гризельде: «enlivened by blue glass beads», «stared out of glassy eyes», «her voice echoed inside a glass box» [ibid.: 117]. Двойственная природа стекла отражает противоречивое осмысление искусства, устанавливающего и преодолевающего границы жизни и смерти.

В цитируемом ранее эссе «Лед, снег, стекло» («Ice, Snow, Glass») Байетт интерпретирует формулу «Life-in-Death», которая символически персонифицировалась у Кольриджа в «Сказании о Старом Мореходе» («The Rime of the Ancient Mariner»), через северные сказки (в частности, сказку братьев Grimm «Стеклянный гроб»): «When as a grown woman I first read The Glass Coffin I was entranced by the images of artistry the storyteller used to describe the miniature castle in

the glass case, the craftsmanship the tailor sees in what is in fact a product of the Black Arts, a reduction of Life to Life-in-Death» [Byatt 2000: 156–157]. Парадоксальный концепт искусства как «жизни в смерти» становится одной из ведущих тем в исследуемой нами повести и формирует прочный фундамент для целой системы мотивов. Персонаж, названный «Старым Мореходом» («Ancient Mariner»), сопровождает Джиллиан по музею Анатолийских Цивилизаций, где стеклянные витрины и хранимые внутри артефакты становятся рассказываемыми историями: «So they trod on, one behind the other, she never turning her head or meeting his eye, and he never ceasing to speak into her ear, into the back of her studious head, as he darted from glass case to glass case, manoeuvring his bulk lightly and silently, as though shod with felt. And in the cases the clay women were replaced by metal stags and sun-discs, and the tales behind her were tales of kings and armies, of sacrifice and slaughter, of bride-sacrifice and sun-offerings, and she was helplessly complicit, for here was the best, the most assured raconteur she could hope to meet» [Byatt 1994: 139–140]. Подчеркнутая ритмом стилизация под древние повествования усиливает чудесный характер этого мистического рассказывания.

Стеклянное изделие имплицитно присутствует уже в названии повести «The Djinn in the Nightingale's Eye». «Nightingale's Eye» – «соловьиный глаз», техника изготовления стеклянных изделий, изобретенная во времена Османской империи. Но только в середине повести читатель понимает, что «Nightingale's Eye» – это стекло, из которого изготовлена бутылка с джинном внутри. Символизм названия стекла объясняется героями повести через распространение образа соловья в турецкой поэзии: «In this country we were obsessed with nightingales. Our poetry is full of nightingales» [ibid.: 180]. Таким образом, «выбор материала бутылки позволяет совместить излюбленную писательницей прозрачную материю стекла и образ соловья, являющийся метафорой чудесного, непрерывно поющего языка» [Муратова 1999: 22]. В турецкой культуре соловей является эстетическим символом несравненного совершенства: идиллическая картина обязательно включает соловьев, поющих в цветочном саду [Тинякова 2015: 86]. Тем самым и стекло наделяется у Байетт качеством абсолютного совершенства, ассоциируется у нее с хранителем нетленной красоты, служит символом духовного зрения.

Стекло оказывается в повести объектом восхищения главной героини, над которым она неустанно и самозабвенно рефлексивует уже долгие годы: «...she liked glass in general, for its

paradoxical nature, translucent as water, heavy as stone, invisible as air, solid as earth. Blown with human breath in a furnace of fire» [Byatt 1994: 179]. Героиню привлекает парадоксальная природа стекла, противоречивость его сущности: «water – earth», «stone – air», «water – fire» и т. д. Разнополюсные элементы не борются между собой, но взаимодействуют, из их единения рождается нечто необыкновенное, не похожее ни на что по отдельности, но являющееся всем одновременно. «Glass is made of dust, of silica, of the sand of the desert, melted in a fiery furnace and blown into its solid form by human breath. It is fire and ice, it is liquid and solid, it is there and not there», – так характеризуется стекло через соединение несоединимого, акцентируется его амбивалентный характер [ibid.: 266]. Стекло – это дитя природы и человеческого гения, естественная и одновременно искусственная материя. Не случайно Байетт выражает ее через стихии (water, earth, air, fire).

В триаде «лед, стекло, зеркала» («ice, glass, and mirrors») застывшая вода (лед) метафорически тождественна стеклу. Стесняясь своего возраста и расплывающегося тела, главная героиня повести замечает, что пребывание в воде сбрасывает груз давящих на нее лет. В описании турецкого отеля «Пери Палас» упоминаются плавательный бассейн («swimming pool»), фонтаны («fountains»), ваннные комнаты («bathrooms»). Прозрачные («translucent») занавески и двойные стекла («double-glazed») балконных дверей предваряют появление Джиллиан в бассейне: «Gillian had developed a late passion for swimming. Flying distorts the human body – the middle-aged female body perhaps particularly <...> Gillian had learned never to look in the mirror on arrival, for what stared out at her was a fleshy monster. She had learned to hurry to the pool <...> for what air pressure inflates, water pressure delicately makes weightless and vanishing» [ibid.: 166–167]. Вода как средство омоложения парадоксально противопоставляется не только воздуху, но и зеркалу.

Зеркало обнажает правду, противопоставляет молодость и старость, приносит весть о разрушении и смерти: «The mirror was covered with shifting veils of steam, amongst which, vaguely, Gillian saw her death advancing towards her» [ibid.: 186]. Вода же возвращает к жизни, восстанавливает силы, омолаживает: «The nerves unknotted, the heart and lungs settled and pumped, the body was alive and joyful» [ibid.: 167]. Только после чудесного омоложения Джиллиан любит себя собой в зеркале: «...she opened her robe and saw in the demisted mirror a solid and unexceptionable thirty-five year-old woman, whose breasts were full but not softened, whose stomach was taut, whose thighs

were smooth, whose nipples were round and rosy. Indeed the whole of this serviceable and agreeable body was flushed deep rose. As though she had been through a fire, or a steam bath» [Byatt 1994: 198–199]. Участие стихии огня в процессе омоложения напоминает технику изготовления стекла и стеклянных пресс-папье. Тело джинна тоже охвачено «жидким синим пламенем» («liquid blue flame») [ibid.: 265].

Внутри «элегантно оформленных зеркалами ванных комнат» отеля «Пери Палас» («elegant mirrored bath-rooms») располагаются стеклянные кабинки с душем: «So she turned on the shower, which was large and brassy, behind a glass screen at one end of the bath, enclosing screen of pleasing engraved climbing roses with little birds sitting amongst their thorny stems. It had a pleasant brass frame, the glass box» [ibid.: 185]. В восприятии героини описание стеклянной кабинки («glass box») с медным каркасом («brass frame»), экранаширмы («glass screen») с птичками на розовых кустах превращается в произведение искусства, ассоциируется со стеклянным пресс-папье.

На протяжении всей повести появляются стеклянные предметы, которые имплицитно связаны между собой разными чудесными свойствами, позволяющими хранить что-либо внутри них. Во-первых, упоминаемые выше стеклянные витрины музея аналогичны стеклянным сосудам с книгами внутри, которые джинн собирал для Зефир: «at first I flew in and out with bags of books and papers and writing things that I then hid by temporarily vanishing them into her bottle collection – so she could always call on Aristotle from the red glass perfume-bottle, or Euclid from the green tear-bottle, without needing me to re-embody them» [ibid.: 221]. Во-вторых, это бутылка из стекла «соловьиный глаз» с самим джинном внутри, которую Джиллиан купила в лавке: «a very dusty bottle amongst an apparently unsorted pile of new / old things. It was a flask with a high neck, that fitted comfortably into the palms of her hands, and had a glass stopper like a miniature dome. The whole was dark, with a regular whirling pattern of white stripes moving round it» [ibid.: 179]. В-третьих, в этом ряду чудесных стеклянных предметов можно назвать телевизор, увиденный глазами джинна: «The atmosphere here is full of presences I do not understand – it is all bustling and crowded with <...> electrical emanations of living beings, and not only living beings but fruits and flowers and distant places...» [ibid.: 199], а еще раньше – глазами самой Джиллиан: «Ronald Reagan, smiling and mouthing, glassy in the glass box between the glassy wings of his speech» [ibid.: 183].

Стекло как материал часто выполняет функции защиты и консервации. Сохраняя форму и

массу, оно оказывается прекрасным средством для «запечатления образа», «сохранения художественной экспрессии»: «glass, unlike many other familiar materials, never loses any of its original substance and weight, and is therefore an excellent medium for preserving artistic expression» [Bergstrom 1940: 7]. Стеклу приписывается почти сверхъестественная способность «поймать момент», запечатлеть его во всей красе и оградить от губительного воздействия времени и воздуха. Данной функцией, как следствие, наделяются и стеклянные пресс-папье, также хранящие за своими стенками нечто идеально прекрасное и неприкосновенное.

В повести стеклянные пресс-папье сравниваются с Раем: «lovely as Paradise must have been in its glistening newness, bright with a brightness that would never come out into the dull air from its brilliant element» [Byatt 1994: 269]. За стеклянными стенками находится прекрасный, чудесный и недостижимый мир («Paradise»), который Байетт связывает с мотивами молодости и вечной красоты. Неувядающий мир стеклянного пресс-папье противопоставляется миру земному, где царит «dull air» и все подчинено неумолимому течению времени. Земной воздух губителен («for what air pressure inflates»), поэтому стеклянные стенки пресс-папье охраняют мир внутри от его вредоносного воздействия, как вода сохраняла красоту Джиллиан («water pressure delicately makes weightless and vanishing») [ibid.: 166]. Оригинальность замысла художника и свежесть только что сотворенного мира («newness») обнаруживаются в самих свойствах цветного стекла: «glistening» («сияющий»), «bright» («яркий»), «brilliant» («блестящий»). Последний эпитет относится к стеклу как к субстанции и стихии («element»), обнаруживая разные оттенки («блестящий», «сверкающий» и «несравненный», «выдающийся»).

Стекло, с одной стороны, выполняет роль призмы, через которую мы смотрим на мир внутри пресс-папье, т. е. является средством для понимания его сущности, с другой стороны, оно и составляет сущность пресс-папье, сделанного полностью из стекла. В финале повести Джиллиан подводит своеобразный итог пройденному читателем пути: «Oh glass, said Dr Perholt <...> it is not possible, it is only a solid metaphor, it is a medium for seeing and a thing seen at once. It is what art is» [ibid.: 269]. Таким образом, через мотив стекла и образы стеклянных пресс-папье Байетт метафорически выражает сложную природу искусства.

Стеклянные пресс-папье упоминаются и описываются только в середине и в финале повести, их появление «отложено», но вместе с тем

«предугадывается» через другие мотивы и образы. Детальные описания – излюбленный прием Байетт, тоже позволяющий «замедлять» ход повествования и концентрирующий внимание читателя на описываемом объекте: «Специфика жанра рассказа, заключающаяся в экономии средств описательности, противоречит введению в повествование подобных фрагментов. Перебой во внутреннем ритме в силу замедления привлекает внимание читателя к такого рода фрагментам: детали описываемых произведений искусств становятся акцентами» [Конькова 2010: 15]. Произведения искусства значимы не только сами по себе, но и как «проводники информации»: «...these artworks take on an import beyond their role as mere framed objects. They exert their influence on the story as providers of information» [Hicks 2009: 107]. Стекло пресс-папье выполняют функцию характеристики главной героини, будучи ее увлечением и олицетворением ее тайного желания, обозначают этапы в преобразении героини. Они играют в повести сюжетообразующую роль, выводят на осмысление мотива творения, сущности искусства и судьбы женщины.

Первое пресс-папье упоминается и описывается одновременно с приобретением бутылки из стекла «соловьиный глаз»: «a Turkish weight, a cone of glass like a witch's hat, rough to touch, greenish-transparent like ice, with the concentric circles, blue, yellow, white, blue, of the eye which repels the evil eye, at the base» [Byatt 1994: 179–180]. Этот турецкий образец необычной конусообразной формы («cone») сравнивается со шляпой ведьмы («witch's hat»), в основании которой изображен мистический глаз («eye»), предохраняющий от «злого глаза» («evil eye»), сглаза. Кроме магической системы отражений, это пресс-папье указывает на мир перед началом творения, «необработанный», «шершавый на ощупь» («rough to touch») и «зеленовато-прозрачный, как лед» («greenish-transparent like ice»), с концентрическими кругами («concentric circles») – синим, желтым, белым, синим («blue, yellow, white, blue»), образующими глаз Творца. Стекло сравнивается со льдом, метонимически указывая на субстанцию творения (воду), которая подчеркивается и цветовой гаммой. Примечательно, что Творец представлен как женщина (колдунья, ведьма, чародейка) и глаз («Всевидящее око»). Это пресс-папье символизирует Джиллиан перед преобразованием, мистически прозревающую собственное старение и смерть.

Преобразование героини связано с исполнением не только ее собственного желания, но и желания джинна получить свободу, которое осуществляется через преобразование бутылки из

стекла «соловьиный глаз»: «And she saw her bottle, the nightingale's-eye bottle, which stood on a glass sheet on the dressing-table, dissolve like tears, not into sharp splinters, but into a conical heap of tiny cobalt blue glass marble, each with a white spiral coiled inside it» [ibid.: 264]. Метафорическое сравнение стекла со слезами не только подчеркивает грусть от предстоящего прощания с джином, но и передает пластический характер многогранной метаморфозы (стекло / лед – вода / слеза – стекло / мрамор), осуществляемой в многозначности слов. Джиллиан услышала звук разбивающегося стекла («sound of breaking glass») и увидела превращение бутылки в конусообразную груду «крошечных кобальтово-синих стеклянных детских шариков, в каждом из которых колечком свилась белая спираль» [Байетт 2017: 201]. Результат превращения не случайно напоминает стеклянные пресс-папье в форме шаров и конусов, их сложную структуру и процесс их создания.

Непосредственно после превращения бутылки из стекла «соловьиный глаз» последовательно представлены три образца стеклянных пресс-папье, которые характеризуют «обновленную» версию героини. Они описываются в конце повести, подводя итог ее размышлениям над искусством и жизнью. Кроме того, все они являются подарками от джинна и представляют для героини особую ценность.

Первое пресс-папье из «стеклянной триады» она получает в Торонто, причем джинн сам его выбирает. Это образец современной канадской школы («a modern Canadian art»): «The djinn put into Dr Perholt's hands a huge, slightly domed sphere inside which were suspended like commas, like fishing-hooks, like fireworks, like sleeping embryos, like spurts of coloured smoke, like uncurling serpents, a host of coloured ribbons of glass amongst a host of breathed bubbles. They were all colours – gold and yellow, bright blue and dark blue, a delectable clear pink, a crimson, a velvet green, a whole host of busy movement» [Byatt 1994: 266]. Изобразив пресс-папье как «огромную» («huge») «куполообразную сферу» («domed sphere»), Байетт проводит параллель с земным шаром, тем самым снова обозначая его как мини-вселенную. На это указывает и название пресс-папье – «The Dance of the Elements» («Танец стихий»). Примечательно, что это пресс-папье – единственное, которому Байетт дает имя, тем самым она подчеркивает его доминирующее положение в триаде.

Описание пресс-папье «Танец стихий» можно интерпретировать и как историю преобразования героини. «Запятые» («commas») вводят общий генерализирующий концепт «истории». Некая «случайность», являющаяся базисом любой ис-

тории на свете, репрезентируется через сравнение с «рыболовными крючками» («fishing-hooks»). В поиске сувениров Джиллиан «случайно» обращает внимание на бутылку из стекла «соловиный глаз». «Фейерверки» («fireworks») символизируют встречу героини с джинном и их отношения. Это ярчайшее событие в ее жизни и, как мы понимаем к концу повести, когда героиня отпускает джинна, такое же недолговечное. «Спящие эмбрионы» («sleeping embryos»), которые указывают на второе рождение героини, под влиянием магии джинна – «струй разноцветного дыма» («spurts of coloured smoke») – преобразуются в «раскручивающиеся змейки» («uncurling serpents»). «Пузырьки воздуха» («host of breathed bubbles») создают среду для нового рождения, представленного как развернутый сравнительный оборот для описания «лент разноцветного стекла» («host of coloured ribbons of glass»). Слово «host» («толпа, масса, куча, совокупность» и др.) переводится в том числе как «организм, используемый для развития в нем других эмбрионов, клеток» [https://big_en_ru.academic.ru/40545/host]. Оно в третий раз повторяется в следующем предложении: «a whole host of busy movement» («целый организм беспокойного движения»), – тем самым это стеклянное пресс-папье наделяется символикой рождения новой Джиллиан и – шире – творения мира. Прежде серая и скучная жизнь героини расцветает всеми красками («they were all colours»), среди которых выделяется розовый цвет молодости («delectable clear pink»), определяемый двумя прилагательными.

Используя богатый арсенал поэтических приемов, Байетт акцентирует внимание на особенностях восприятия и интерпретации произведений искусства [Бочкарева 2015: 117]. Представленный преимущественно глазами Джиллиан в форме несобственно-прямой речи экфрасис пресс-папье «Танец стихий» завершается словами джинна: «'Like rushing seed,' said the djinn poetically. 'Full of forever possibilities. And impossibilities, of course. It is a work of art, a great work of craft, it is a joyful thing, you like it?» [Byatt 1994: 266]. Эти слова подводят итог предшествующему описанию и добавляют новые смыслы. Джинн дарит Джиллиан свою любовь (в том числе физическую), знаком которой становится выбранное им самим пресс-папье. Это и произведение искусства, и изделие ремесленника, и предмет развлечения. Оно символизирует исполнение желаний, приближается по своим функциям к волшебному предмету и связывается с мотивом чуда («Full of forever possibilities. And impossibilities, of course»).

Байетт иронически акцентирует проблему чуда в современном мире через антитезу «чудеса –

наука», которая яркой нитью вплетается в общий «ковёр» повествования [Конькова 2009: 169]. Используя свой аналитический ум, Джиллиан пытается понять, почему она воспринимала присутствие джинна в комнате отеля как реальность: «She was later to wonder how she could be so matter-of-fact about the presence of the gracefully lounging Oriental daimon in a hotel room» [Byatt 1994: 202]. Как ученый она отделяла волшебные сны от повседневной реальности, но не хотела терять джинна.

Антитеза науки и чуда проявляется в восприятии телевизора персонажами повести. Ричард Тодд демонстрирует на этом примере природу комического у Байетт [Todd 1997: 61–62]. С одной стороны, телевизор описывается глазами джинна, видящего в нем результат волшебства, магии, колдовства: «Are these men magicians, or are you a witch, that you have them in a box?» [Byatt 1994: 193]. С другой стороны, Джиллиан объясняет «чудо» телевидения с научной, естественной, реалистической точки зрения: «No, it is science. It is natural science. It is television. It is done with light waves and sound waves and cathode rays» [ibid.: 193–194]. Габриэла Риппл, кроме того, сравнивает положительное влияние, которое телевизор оказывает на Джиллиан, и его неприятие Орханом Рифатом [Rippl 2010: 59–63].

Мотив молодости тоже представлен через антитезу науки и чуда. В повести сравниваются волшебное омоложение героини и медицинские способы замедления старения. Байетт вкладывает размышления о современной медицине в уста чудесно помолодевшей Джиллиан: «Indeed we have methods now of granting a kind of false stasis, we have prostheses and growth hormone, we have plastic surgery and implanted hair, we can make humans into works of some kind of art or artifice» [Byatt 1994: 261–262]. Получая дар от джинна, Джиллиан переосмысливает литературные истории о желании вечной молодости («Портрет Дориана Грея» О. Уайлда и «Шагреновая кожа» О. де Бальзака) и, ссылаясь на Фрейда, противопоставляет им стремление к смерти. Сама Байетт в конце повести рассуждает о вещах, созданных человеком, и о существах, чья жизнь пересекается с нашей в рассказах и снах, когда мы возвращаемся в детство. Это состояние определяет еще один лейтмотив повести – «floating redundant» («плыть вольготно»), характеризующий змея («serpent», «creature») в «Потерянном рае» Джона Мильтона и возвращающий к началу повести: «Gillian Perholt remembered the very day these words had first coiled into shape and risen in beauty from the page, and struck at her, unsuspecting as Eve» [ibid.: 99].

В Нью-Йорке Джиллиан с помощью джинна приобретает два новых американских пресс-

папье («These are American»), внутри которых находятся соответственно змея и цветок. Они непосредственно связаны друг с другом («Here they were side by side, held in suspension») через легенду о Гильгамеше, змее и цветке молодости, которую Старый Мореход рассказывал Джиллиан в Музее Анатолийских Цивилизаций: «And Gillian thought of Gilgamesh, and the lost flower, and the snake» [Byatt 1994: 270]. Чтобы вернуть утраченную молодость старикам своей родины, Гильгамеш добыл со дна моря волшебный цветок. Однако по пути домой он наткнулся на колодец с холодной водой и решил умыться из него, а на дне колодца жила змея. Учувя дивный аромат цветка, змея выплыла и съела его. В результате она сбросила старую кожу и помолодела: «Gillian's inner eye was full of the empty snakeskin, a papery shadowy form of a snake which she saw floating at the rim of the well into which the muscular snake had vigorously vanished» [ibid.: 149].

В повести сначала описывается пресс-папье со змеей: «And he gave her a weight in which a small snake lay curled on a watery surface of floating duckweed – a snake with a glass thread of a flickering tongue and an almost microscopic red-brown eye in its watchful but relaxed olive head» [ibid.: 270]. Водяная змея, имеющая явный антагонистический характер в представленной легенде, в восприятии Джиллиан символизирует мудрость и ассоциируется с самой героиней. Байетт подбирает определения, характеризующие наблюдательность и благоразумие («watchful but relaxed olive head»). Язык мудрой змеи сравнивается с нитью («a glass thread of a flickering tongue»), тем самым указывая на профессию героини и способность к творчеству: «Байетт вкладывает свой смысл в совокупность символов с семантикой “ткачество”: создание гобелена, ковра – некоего творческого артефакта – с помощью обычных нитей есть реализация процесса повествования, “выговоренной” субреальности» [Конькова 2009: 169]. Процесс повествования, рассказывание историй отождествляются с жизнью героини. С самого начала повести Джиллиан связывает свое состояние свободы и творчества с милтоновским змеем (и далее в сцене купания в бассейне: «like a swimming serpent» [Byatt 1994: 167]). Голый череп Старого Морехода и тело джинна, который при прощании сбрасывает куртку и парик, вызывают ассоциации со змеей («snake»).

Примечательно, что описание цветка в другом пресс-папье, особенно его корня, тоже напоминает описание змеи: «And he gave her a weight in which in the solidity of the glass as though it were the deep water of a well, floated a flower, a flower with a rosy lip and a white hood, a green stem, long leaves trailing in the water, and a root specked and

stained with its brown juices and the earth it had come from, a root trailing fine hair-roots and threads and tendrils into the glassy medium» [ibid.: 270]. Цветок в своем отвлеченном понятии всегда значил в человеческой культуре проявление жизненной силы, красоты, совершенства. Байетт усиливает это значение, вводя в повесть легенду о Гильгамеше, где цветок был наделен магией возвращать молодость. Описание пресс-папье с застывшей в нем «стеклянной водой» прямо указывает на связь с глубоким колодцем из легенды («as though it were the deep water of a well»). Свежесть юности, транслируемой цветком, передается через яркие, сочные определения: «a rosy lip» («раскрытые, как губы, розовые лепестки»), «a root specked and stained with its brown juices» («коричневый корень, налитый собственными соками»). В подробном описании корня цветка не случайно используется и мотив нити («a root trailing fine hair-roots and threads and tendrils into the glassy medium»). Оба пресс-папье связываются в одну историю – легенду о Гильгамеше, от которой протягиваются нити и к библейской истории грехопадения, и к чудесной истории Джиллиан.

Представленные в паре пресс-папье со змеей и цветком символизируют две стороны «обновленной» Джиллиан Перхольт: молодая и прекрасная снаружи и умудренная опытом прожитых лет внутри. Однако мотив цветка непосредственно воплощается и в названии самого старого и самого распространенного типа пресс-папье – миллефиори («millefiori»). Продолжая метафору произведения как ковра, можно сказать, что нить мотива миллефиори – едва заметная, но необычайно крепкая – проходит через всю ткань повествования.

Мотив миллефиори проявляется только на фоне глубинных смыслов центральных мотивов, получая посредством них свой собственный смысл и роль. По словам А. П. Скафтымова, мотивы «получают свое содержание и смысл не сами по себе, а через сопоставление и связь с другими мотивами <...> при внутреннем охвате всего целого одновременно» (цит. по: [Тюпа 1996; Силантьев 1999]). Мотив миллефиори становится значимой нитью повествования, поддерживающей и связывающей между собой другие мотивы и образы, эксплицирующие разные значения стекла и цветов.

Millefiori (от итал. *mille* «тысяча» и *fiori* «цветы» – «тысяча цветов») – одна из древнейших техник мастеров-стеклоделов и вид стеклянных пресс-папье. Считается, что эта техника была изобретена в Венеции, на острове Мурано, который со Средних веков славится своими стеклянными изделиями. Именно венецианские мастера

обучили турецких стеклодувов различным техникам стекловарения. На это указывается и в повести Байетт: «Our glassmakers went to Venice in the eighteenth century to learn, and the Venetians helped us to develop the techniques of the nineteenth century» [Byatt 1994: 181]. Связывая историю с географией, мотив стеклянных пресс-папье, представленный несколькими современными вариантами, восходит к миллефиори.

Узоры таких пресс-папье («millefiory») складываются из множества фрагментов цветного стекла – «прутиков» («canes»), имеющих в сечении нужный мастеру рисунок. Эти фрагменты затем вместе спаиваются под воздействием высокой температуры, так что в итоге получается узор, напоминающий цветочный луг, откуда и происходит название [Bergstrom 1940]. В принципе в сечении «прутьев» могут быть не только цветы, но и геометрические фигуры, животные, буквы и т. д., формирующие после сплава самые разнообразные картины, но цветочный узор является самым распространенным, популярным и древним. Замечательно то, что эти яркие, разноцветные, пестрые декоры необычайно похожи на традиционные турецкие узоры.

Более детальное знакомство с процессом изготовления пресс-папье по технике миллефиори раскрывает новые смыслы этого мотива в рассматриваемой повести. Название «миллефиори» употребляется здесь единственный раз вместе с другими видами стеклянных пресс-папье, представленными в магазине старинных сувениров в Нью-Йорке: «These were pure, old-fashioned, skillful representations: millefiory, lattice-work, crowns, canes, containing roses and violets, lizards and butterflies» [Byatt 1994: 268]. Пресс-папье с перечисленными названиями («lattice-work», «crowns», «canes»), существуя как отдельные виды, могут быть и составными частями миллефиори.

«Cane» (от англ. «cane» – «трость», «палка») – «a solid stick of glass, when plated layer upon layer» [Bergstrom 1940: 14] – техника составления рисунка в пруте («тросточке») путем накладывания разных слоев цветного стекла друг на друга. Для миллефиори эти прутья нарезаются на небольшие кусочки, из которых впоследствии будет складываться узор.

«Lattice-work» (от англ. «lattice» – «решетка», «сетка») или «latticino», «latticinio» – «an Italian technique of creating twisted glass ribbons» [<https://www.dictionary.com/browse/latticework>] – итальянская техника декорирования путем создания из стеклянных нитей решетчатого полотна / узора: «Latticinio effects often formed a base in millefiory and fruit weights» [Bergstrom 1940: 16]. Решетка из стеклянных нитей часто становится основой, на которой выкладывается узор.

«Crown» – «a very optical glass of low dispersion and generally low index of refraction» [<https://www.dictionary.com/browse/crown-glass>].

Это своеобразная «чаша», «купол» из прозрачного чистого стекла, который покрывает декоративный элемент пресс-папье.

В итоге получается узор из разноцветных «прутьев» («canes»), выложенных на «решетке» («lattice»), которые вплавляются в прозрачный «купол» («crown»). Такие «многослойные» сюрпризы не редкость и в поэтике английской писательницы.

Обнаружив миллефиори в Нью-Йорке, героиня называет их не только «старинными» («old-fashioned»), «искусными» («skillful»), но и «чистыми» («pure»). Первое знаменитое стеклянное пресс-папье, представленное на Промышленной венской выставке в 1845 г. мастером из Мурано по имени Пьетро Бигалья, было выполнено в технике миллефиори. Впечатленные красотой и необычностью стеклянного изделия, французские стеклодувы начали массовое производство стеклянных пресс-папье у себя на родине (сначала в Сен-Луи, затем – в Клиши, Пантине, Баккаре), возрождая французское стеклопроизводство, которое находилось в упадке после наполеоновских войн. Стеклянные пресс-папье потом были представлены на многих промышленных выставках, проходивших в разных странах во второй половине XIX в., в том числе на Всемирной лондонской выставке 1851 г. Они сыграли важную роль в популяризации стеклянных пресс-папье и их дальнейшем распространении по всему миру [Pietro Bigaglia 2011].

Черты миллефиори обозначаются в повести Байетт уже в первом упоминании стеклянных пресс-папье: «As a child she had loved to read of glass balls containing castles and snowstorms, though in reality she had always found these disappointing and had transferred her magical attachment to the weights in which coloured forms and carpets of geometric flowers shone perpetually and could be made to expand and contract as the sphere of glass turned in her fingers in the light» [Byatt 1994: 269]. Не называя миллефиори прямо, героиня указывает на его характерную особенность – геометрический цветочный узор («coloured forms and carpets of geometric flowers»). Более того, узор сравнивается с ковром, ассоциирующимся с культурой Турции. В восприятии Джилиан восточные орнаментальные миллефиори противопоставляются западным стеклянным шарам с замками и снежными бурями.

Байетт передает своей героине собственное восхищение миллефиори. Среди многочисленных произведений искусства дом писательницы украшают «the intricate examples of Venetian mil-

lefiori glassware» [Hensher 2001]. Точно так же Джиллиан Перхольт предпочитает миллефиори с геометрическим цветочным узором другим стеклянным пресс-папье. Стоя в лавке в Нью-Йорке, она утверждает: «I like the geometrically patterned flowers best» said Dr Perholt. «More than the ones that aim at realism, at looking real, don't you agree?» [Byatt 1994: 269]. Однако в итоге Джиллиан покупает современные «натуралистические» пресс-папье. По всей вероятности, Байетт имеет в виду стеклянные пресс-папье, созданные в школе П. Стэнкарда, который стоял в XX в. во главе движения, перенесшего производство стеклянных пресс-папье из заводов в мастерские и превратившего это ремесло в настоящее искусство [Tattoli 2017]. Стэнкард – художник-реалист, его пресс-папье поражают точностью соответствия оригиналу (растению или животному) и детализированностью созданного образа.

Такая двойственность становится ключевой характеристикой главной героини повести. Будучи ученым, она с легкостью принимает чудесную сторону жизни, сама став ее частью. Джиллиан громко заявляет о своей профессиональной жизни, а в душе мечтает о любви. Она считает, что у нее нет собственной истории, но сама создает ее в воображении. Она остается вечно молодой и в то же время мудрой, предпочитая тело тридцатилетней женщины, а не юной девушки. Почти так же совершенны приобретаемые ею пресс-папье, соединяющие иллюзию и реальность: «It was perfect because the illusion was near-perfect, and the attention to the living original had been so perfect that the undying artificial flower also seemed perfect» [Byatt 1994: 270]. Та же двойственность обнаруживается в природе стекла («It is fire and ice», «it is there and not there», «it is a medium for seeing and a thing seen at once») – естественное и искусственное, видимое и невидимое, средство видеть предмет и сам этот предмет.

По выстроенному Байетт метафорическому мосту двойственность стекла передается всей сфере искусства. Для писательницы истинное искусство есть соединение традиционного и современного, неизменного и экспериментального, реалистичного и фантастического. Такого рода «настоящее» искусство представляет, например, героиня миссис Браун в рассказе Байетт «Произведение искусства»: «This *bricolaged* form of Mrs Brown's art points to the impossibility of pure representation. On the surface, Mrs Brown's art seems less realistic; however, its seeming non-realistic quality ironically makes it more realistic, vibrant, and appealing. <...> It is this complex new imaginary of Mrs Brown, valorizing the un-mimetic mode of representation, which re-visions art, work, history, myth, and female sexuality in a radically

different way» [Pokhrel 2015: 421]. Байетт симпатизирует этой героине, выражая через ее творчество собственное видение искусства.

В повести «Джинн в бутылке из стекла “солнечный глаз”» стирание грани между геометризмом и натурализмом обнаруживается в работах современной канадской школы, символизирующих сложность процесса творения: «they have artists who trap a meshed and rolling geometrical sea, only visible at certain angles, and when visible glitters transparently with a rainbow of particles dusted with gold; they have artists who can enclose a red and blue flame forever in a cool glass sphere, or a dizzy cone of cobalt and emerald, reaching to infinity and meeting its own reflection» [Byatt 1994: 265–266]. По сравнению с ними геометрические цветочные узоры старых мастеров – миллефиори – символизируют Рай: «sphere after sphere from the glass shelves in which they were reflected, and admired with her basket-work of fine white containing cornflower-blue posies, multi-coloured cushions of geometric flowers, lovely as Paradise must have been in its glistening newness <...> they moved the balls of light, red, blue, green, on the visible and the invisible shelves» [ibid.: 269]. В этом ряду работы современных американских художников, натуралистически изобразивших цветок и змею, символизируют искушение в Раю. Эксплицитно выраженная эта символика свидетельствует о присутствии библейской (ветхозаветной) истории в образах стеклянных пресс-папье и в повести в целом.

Подводя итог, укажем на многозначность мотива стекла и образов стеклянных пресс-папье в рассматриваемой повести Байетт. Они выражают сложную природу искусства, библейский сюжет творения и грехопадения и чудесную историю омоложения героини. Турецкое пресс-папье символизирует мир до творения и героиню до преобразования, канадские – процесс творения и преобразования, миллефиори – чудесный результат – красоту Рая и вечную молодость, американские – историю человека, обреченного на старение и умирание, но наделенного даром воображения. Иронически и эстетически осмысляя собственное пристрастие к стеклянным пресс-папье, Байетт подчеркивает двойственность женщины-писателя (конфликт внутреннего и внешнего, профессии и семьи, искусства и действительности, мистического и рационального, любви и смерти) через многогранную природу стекла и стеклянных предметов.

Список литературы

- Байетт А. С. Лед, снег, стекло / пер. с англ. О. Исаевой // Иностранная литература. 2006. № 1. С. 247–255.

Байетт А. С. Джинн в бутылке из стекла «соловьиный глаз» / пер. с англ. И. Тогоевой // Байетт А. С. Чудеса и фантазии: рассказы и повести. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. С. 67–208.

Бочкарева Н. С. Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 105–122.

Бочкарева Н. С., Графова О. И. Экфрастическая экспозиция в романе А. С. Байетт «Натюр-морт» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4(28). С. 186–199.

Владимирова Н. Г. Поэтика рассказанных историй в произведении А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2017. № 7. S. 147–164.

Владимирова Н. Г., Куприянова Е. С. Филологический дискурс в сказочной повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Новый филологический вестник. 2018. № 4(47). С. 207–217.

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука: Вост. лит., 1994. 304 с.

Ильяшенко Я. Ю. Литературные аллюзии в сказках А. С. Байетт // Управленческое консультирование. 2014а. № 3. С. 175–180.

Ильяшенко Я. Ю. Мифопоэтика сказок А. С. Байетт // Управленческое консультирование. 2014б. № 2. С. 188–194.

Конькова М. Н. Поэтика жанра рассказа в творчестве А. Байетт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 20 с.

Конькова М. Н. Проблема повествования в сборнике рассказов А. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Гуманитарные исследования. 2009. Вып. 4(32). С. 165–170.

Лебедева О. В. Поэтика межжанрового взаимодействия в произведении А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4, ч. 1. С. 27–29.

Муратова Я. Ю. Мифопоэтика в современном английском романе: Дж. Барнс, А. Байетт, Дж. Фаулз: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 28 с.

Неклюдова А. Г., Бочкарева Н. С. Функции стеклянных пресс-папье в повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Общественные науки. 2018. № 2. С. 18–23.

Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: Изд-во ИДМИ,

1999. 104 с. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (дата обращения: 14.01.2019).

Тинякова Е. А. Язык как форма существования культуры и концепция нелингвистического позитивизма. 2-е изд., испр. М.; Берлин: Директ-Медия, 2015. 243 с.

Тиунова М. Н. Библейские реминисценции в повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Мировая литература в контексте культуры. Пермь, 2008. С. 126–128.

Тюна В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. № 2. URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse2_10.htm (дата обращения: 14.01.2019).

Bergstrom E. H. Old Glass Paperweights: their art, construction and distinguishing features. Chicago: The Lakeside Press, 1940. 120 p. URL: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b359507;view=1up;seq=15](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b359507;view=1up;seq=15) (дата обращения: 14.12.2018).

Byatt A. S. The Djinn in the Nightingale's Eye: Five Fairy Stories. N. Y.: Random House, 1994. 275 p.

Byatt A. S. Ice, Snow, Glass // Byatt A. S. On Histories and Stories. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 2000. P. 151–164.

Hensher P. A. S. Byatt, The Art of Fiction No. 168 // The Paris Review. Issue 159. 2001. URL: <https://www.theparisreview.org/interviews/481/a-s-byatt-the-art-of-fiction-no-168-a-s-byatt> (дата обращения: 25.12.2018).

Hicks E. Material pleasures: the still life in the fiction of A. S. Byatt, Doctor of Philosophy thesis, University of Wollongong, 2009. URL: <https://ro.uow.edu.au/theses/3546> (дата обращения: 14.12.2018).

Phillips J. A. S. Byatt: I have not yet written enough // Literary Hub. Feb. 9, 2017. (The interview originally appeared in Dutch, in Trouw, Dec. 3, 2016). URL: <https://lithub.com/a-s-byatt-i-have-not-yet-written-enough> (дата обращения: 25.12.2018).

Pietro Bigaglia // Corning Museum of Glass. October 19. 2011. URL: <https://www.cmog.org/article/pietro-bigaglia> (дата обращения: 14.12.2018).

Pokhrel A. K. Re-(en)visioning “the vanishing of the past”: Myth, Art, and Women in A. S. Byatt's “Medusa's Ankles” and “Art Work” // Women's Studies, 44:3, 2015. P. 392–424.

Rippl G. English Literature and Its Other: Toward a Poetics of Intermediality // Image Scapes: Studies in Intermediality / ed. Christian Emden. Bern: Peter Lang, 2010. P. 39–66.

Tattoli Ch. The Surprising History (and Future) of Paperweights // The Paris Review. September 20. 2017. URL: <https://www.theparisreview.org/blog/2017/09/20/the-surprising-history-of-paperweights> (дата обращения: 25.12.2018).

Todd R. A. S. Byatt. UK: Devon, Stoodleigh, Florencetype Ltd, 1997. 88 p.

References

- Byatt A. S. Led, sneg, steklo [Ice, snow, glass]. Transl. from English by O. Isaeva. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2006, issue 1, pp. 247–255. (In Russ.)
- Byatt A. S. Dzhinn v butylke iz stekla «solov'inyy glaz» [The Djinn in the nightingale's eye]. Transl. from English by I. Togoeva. Bayett A. S. *Chudesa i fantazii: rasskazy i povesti* [Miracles and Wonders: Stories and tales]. Moscow, Inostranka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2017, pp. 67–208. (In Russ.)
- Bochkareva N. S. Ekfrasis proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva v romane A. S. Bayett «Detskaya kniga» [Ekphrasis of arts and crafts in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3 (31), pp. 105–122. (In Russ.)
- Bochkareva N. S., Grafova O. I. Ekfrasticheskaya ekspozitsiya v romane A. S. Bayett «Natyurmort» [Ekphrastic exposition in the novel 'Still Life' by A. S. Byatt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 4(28), pp. 186–199. (In Russ.)
- Vladimirova N. G. Poetika rasskazannykh istoriy v proizvedenii A. S. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [The poetics of the told stories in the work of A. S. Byatt 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, 2017, issue 7, pp. 147–164. (In Russ.)
- Vladimirova N. G., Kupriyanova E. S. Filologicheskii diskurs v skazochnoy povesti A. S. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [Philological discourse in the poetics of A. S. Byatt's Fairy Story 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Novyy filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2018, issue 4(47), pp. 207–217. (In Russ.)
- Gasparov B. M. *Literaturnye leymotivy. Ocherki russkoy literatury 20 veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow, Nauka: Vostochnaya Literatura Publ., 1994. 304 p. (In Russ.)
- Il'yashenko Ya. Yu. Literaturnye allyuzii v skazkakh A. S. Bayett [Literary allusions in A. S. Byatt's fairy tales]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2014a, issue 3, pp. 175–180. (In Russ.)
- Il'yashenko Ya. Yu. Mifopoetika skazok A. S. Bayett [Mythopoetics of A. S. Byatt's fairy tales]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2014b, issue 2, pp. 188–194. (In Russ.)
- Kon'kova M. N. *Poetika zhanra rasskaza v tvorchestve A. Bayett*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Poetics of the genre of narrative in A. Byatt's works. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2010. 20 p. (In Russ.)
- Kon'kova M. N. Problema povestvovaniya v sbornike rasskazov A. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [The problem of narration in A. Byatt's storybook 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2009, issue 4(32), pp. 165–170. (In Russ.)
- Lebedeva O. V. Poetika mezhzhanrovogo vzaimodeystviya v proizvedenii A. S. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [Inter-genre interaction poetics in the story by A. S. Byatt 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2016, issue 4, pt. 1, pp. 27–29. (In Russ.)
- Muratova Ya. Yu. *Mifopoetika v sovremennom angliyskom romane: Dzh. Barns, A. Bayett, Dzh. Faulz*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Mythopoetics in a contemporary English novel: J. Barnes, A. Byatt, J. Fowles. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 28 p. (In Russ.)
- Neklyudova A. G., Bochkareva N. S. Funktsii steklyannykh press-pap'ye v povesti A. S. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [The functions of glass paperweights in A. S. Byatt's fairy story 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], 2018, issue 2, pp. 18–23. (In Russ.)
- Silant'ev I. V. *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii* [Theory of motif In Russian literary studies: essay on historiography]. Novosibirsk, Izdatel'stvo IDMI Publ., 1999. 104 p. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (accessed 14.01.2019). (In Russ.)
- Tinyakova E. A. *Yazyk kak forma sushchestvovaniya kul'tury i kontseptsiya nelingvisticheskogo pozitivizma: monografiya* [Language as a form of existence of culture and the concept of non-linguistic positivism: monograph]. 2nd revised edition. Moscow, Berlin, Direkt-Mediya Publ., 2015. 243 p. (In Russ.)
- Tiunova M. N. Bibleyskie reministsentsii v povesti A. S. Bayett «Dzhinn v butylke iz stekla “solov'inyy glaz”» [Biblical references in Byatt's story 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. Perm, 2008, pp. 126–128. (In Russ.)
- Tyupa V. I. Tezisy k proektu slovarya motivov [Theses to the project of a dictionary of motifs]. *Diskurs* [Discourse], 1996, issue 2. Available at: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse2_10.htm (accessed 14.01.2019). (In Russ.)
- Bergstrom E. H. *Old glass paperweights: their art, construction and distinguishing features*. Chicago, The Lakeside Press, 1940. 120 p. Available at: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b359507;view=1up;seq=15](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b359507;view=1up;seq=15) (accessed 14.12.2018). (In Eng.)

Byatt A. S. *The Djinn in the Nightingale's Eye: Five Fairy Stories*. N. Y., Random House, 1994. 275 p. (In Eng.)

Byatt A. S. Ice, Snow, Glass. In: Byatt A.S. *On Histories and Stories*. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press, 2000, pp. 151–164. (In Eng.)

Hensher P. A. S. Byatt, The Art of Fiction No. 168. *The Paris Review*, 2001, issue 159. Available at: <https://www.theparisreview.org/interviews/481/a-s-byatt-the-art-of-fiction-no-168-a-s-byatt> (accessed 25.12.2018). (In Eng.)

Hicks E. *Material Pleasures: the Still Life in the Fiction of A. S. Byatt*, Doctor of Philosophy Thesis, University of Wollongong, 2009. Available at: <https://ro.uow.edu.au/theses/3546> (accessed 14.12.2018). (In Eng.)

Phillips J., Byatt A.S.: I Have Not Yet Written Enough. *Literary Hub*. February 9, 2017. (The interview originally appeared in Dutch, in Trouw, Dec. 3, 2016). Available at: <https://lithub.com/a-s-byatt-i>

have-not-yet-written-enough (accessed 25.12.2018). (In Eng.)

Pietro Bigaglia. *Corning Museum of Glass*. October 19, 2011. Available at: <https://www.cmog.org/article/pietro-bigaglia> (accessed 14.12.2018). (In Eng.)

Pokhrel A. K. Re-(en)visioning “the anishing of the past”: Myth, Art, and Women in A. S. Byatt’s ‘Medusa’s Ankles’ and ‘Art Work’. *Women’s Studies*, 44:3, 2015, pp. 392–424. (In Eng.)

Rippl G. English literature and its other: Toward a poetics of intermediality. *Image Scapes: Studies in Intermediality*. Ed. by Christian Emden. Bern, Peter Lang, 2010, pp. 39–66. (In Eng.)

Tattoli Ch. The Surprising History (and Future) of Paperweights. *The Paris Review*. September 20, 2017. Available at: <https://www.theparisreview.org/blog/2017/09/20/the-surprising-history-of-paperweights> (accessed 25.12.2018). (In Eng.)

Todd R. *A. S. Byatt*. UK, Devon, Stoodleigh, Florencetype Ltd, 1997. 88 p. (In Eng.)

THE MOTIF STRUCTURE AND IMAGES OF GLASS PAPERWEIGHTS IN THE FAIRY STORY ‘THE DJINN IN THE NIGHTINGALE’S EYE’ BY A. S. BYATT

Nina S. Bochkareva

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nsbochk@mail.ru

SPIN-code: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Alexandra G. Neklyudova

**Master’s Student in the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. neklyudova95@mail.ru

SPIN-code: 2698-1828

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4142-6986>

Submitted 22.04.2019

The article analyzes a new aspect of the well-known fairy story *The Djinn in the Nightingale’s Eye* by the contemporary English writer A. S. Byatt. The authors of the article focus on the essential part of the story’s motif structure associated with the images of glass paperweights. These embody the leitmotifs of glass (water, mirror and so forth), flower (garden, Paradise, youth) and snake (wisdom, temptation). They express a complex nature of art, biblical narratives about the Creation and the Fall and the miraculous story of the main character’s rejuvenation. The Turkish paperweight symbolizes the world before the Creation and the heroine before the transformation, the Canadian paperweights signify the process of the Creation and the transformation, the millefiori is a miraculous result that is the beauty of Paradise and the eternal youth, the American paperweights embody the story of the human who is doomed to grow old and die but is presented with a gift of imagination. Ironically and aesthetically considering her own predilection for glass paperweights, Byatt emphasizes the ambivalence of the female author (the conflict between the inner and the external, profession and family, art and reality, the mystical and the rational, love and death) through the many-sided nature of glass and glass objects. The parallels between collecting paperweights and gathering stories point out their narrative potential and explain the autobiographism of Gillian Perholt’s image. The descriptions of other real and fictional glass objects (television, museum showcases, bottles with books inside, bottles with Djinn, etc.) create a comic effect, expand the symbolism of glass and build a complex ‘web of motifs’ (term by B. M. Gasparov) which are directly and indirectly connected with images of glass paperweights.

Key words: contemporary English literature; A. S. Byatt; motif structure; ekphrasis; glass paperweights; millefiori.

УДК 811.112.09

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-79-85

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЭРНСТА ЮНГЕРА «В СТАЛЬНЫХ ГРОЗАХ»

Олег Русланович Губецков

аспирант кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. oleg_gubeckov@mail.ru

SPIN-код: 6471-7985

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4304-9045>

ResearcherID: A-4523-2019

Статья поступила в редакцию 09.01.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Губецков О. Р. Экзистенциалистские мотивы в романе Эрнста Юнгера «В стальных грозах» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-79-85

Please cite this article in English as:

Gubetskov O. R. Ekzistentsialistskie motivy v romane Ernsta Yungera «V stalnykh grozakh» [Existentialist Motives in Ernst Jünger's 'Storm of Steel']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-79-85 (In Russ.)

Роман «В стальных грозах» Эрнста Юнгера – особый случай использования протоэкзистенциалистских идей в целях творческого осмысления феномена войны, позволяющего наглядно представить ключевые для философии экзистенциализма понятия, такие как «страх» Сёрена Кьеркегора (Angest); «заброшенность» (Geworfenheit), «ужас» (Entsetzen) и «Ничто» (Nichts) Мартина Хайдеггера; «пограничная ситуация» (Grenzsituation), «просветление экзистенции» (Existenzerhellung) Карла Ясперса. Уникальность книги Юнгера заключается в том, что писатель транслирует свой опыт без опоры на философский аппарат экзистенциализма, которого на момент создания «В стальных грозах» еще не существовало, тем самым предвосхищая важнейшие открытия философии XX в., демонстрируя близость германской традиции экзистенциализма. Художественный метод Юнгера позволяет «высветить» сущность экзистенциалистского мышления: бытие открывает себя человеку в акте экзистирования в качестве начала, доступного не рациональному пониманию и логическому анализу, но непосредственно переживанию, в особенности перед лицом смерти, когда мир предстает чем-то необъяснимым и оттого зловещим. Подобные ощущения повествователь Юнгера испытывает, отправляясь в разведку, находясь в эпицентре сражений и наблюдая природу в редкий час затишья между боями. Особое внимание Юнгер уделяет не только внутреннему состоянию человека на войне, но и окружающей его обстановке: наряду с природой это предметы буржуазного быта, испорченные, вырванные из привычной сферы употребления, хаотически соединившиеся с боевым снаряжением и атрибутами войны в стремлении к новому порядку, что дополнительно подчеркивает крах привычных бытийных устоев в ситуации переосмысления человеком XX в. своего положения в мире.

Ключевые слова: Э. Юнгер; «В стальных грозах»; экзистенциализм; Хайдеггер; Ясперс; Кьеркегор; Сартр; пограничные ситуации; Первая мировая война.

Жанровое и стилистическое своеобразие раннего творчества Эрнста Юнгера (1895–1998) подразумевает множество подходов к интерпретации этой части наследия писателя. В своем де-

бютном произведении, книге дневниковых записей «В стальных грозах» (In Stahlgewittern, 1920), сделанных во время Первой мировой войны, писатель не ограничивается рамками мемуарной

литературы: так, в произведении находят отражение отголоски приключенческого жанра, а также романа воспитания [Loose 1957: 32–33]. Главным же аргументом в пользу художественности «Стальных гроз» служит тщательная литературная обработка аутентичных дневниковых записей, предпринятая Юнгером после войны¹, что позволяет с большой долей вероятности связать произведение с жанром «романа-дневника».

Помимо идеолого-политического аспекта критики, традиционно имеющего сильное акцентирование в юнгероведении², если не доминирующего в нем, существует ряд исследований, выдвигающих на первый план художественные особенности юнгеровской прозы. К примеру, ярко выраженная склонность автора к сухой описательности дает исследователям возможность интерпретировать «В стальных грозах» как образец заявившего о себе в 1920-е гг. стиля «новой вещественности» (*neue Sachlichkeit*). Историки литературы отмечают в произведениях Юнгера также влияние школы натурализма (изображение сцен насилия), равно как и тенденцию к романтизации и поэтизации происходящего [Потехина 2013: 45–46]. Наконец, одной из наиболее дискуссионных считается попытка рассмотрения прозы Юнгера в контексте традиции французского символизма. Стремление усмотреть в раннем творчестве писателя пример «эстетизации безобразного» (*Ästhetik des Schreckens*)³, нашедшее как сторонников, так и противников⁴, стимулирует активное развитие юнгероведения начиная с 80-х гг. XX в.

Прочтение романа «В стальных грозах» в контексте философии экзистенциализма определяет задачу осмыслить книгу Юнгера в первую очередь с позиций особого художественного пространства, подчиняющегося сугубо эстетическим законам, требованиям формы и стиля, однако оказывающегося впоследствии открытым прежде всего экзистенциалистскому философскому истолкованию. При том что Юнгера, как правило, не относят к числу ключевых фигур, повлиявших на становление экзистенциализма в философии и литературе, писатель обнаруживает немалую проницательность, угадывая в своих размышлениях «дух» наступающей эпохи, делая это тогда, когда экзистенциалистское мышление пребывает еще в стадии становления. В российском литературоведении, до сих пор сосредоточенном в первую очередь на социально-идеологических аспектах творчества Юнгера⁵, интерпретация произведений Юнгера с точки зрения философии экзистенциализма пока что не привлекла должного внимания, в отличие от Герма-

нии, где первые попытки подобного прочтения были осуществлены еще в середине XX в.⁶

«В стальных грозах» обращает на себя внимание нестандартной для литературы данного жанра авторской оптикой [Ernst Jünger-Handbuch 2014: 42, 49–50], при которой война предстает в качестве катализатора экзистенциального переживания. Уже при виде первого раненого рассказчик борется с «ощущением нереальности», при этом персонифицируя смерть и тем самым удаляясь от привычного ее обывательского восприятия. С первых страниц читатель узнает о том, что понимание войны для Юнгера не ограничивается изображением сражений и окопных будней, шокирующих сцен насилия, проявлений героизма в романтическом духе: «Что же это было? Война выпустила когти и сбросила маску уюта. Это было так загадочно, так безлично... И не то чтобы думалось о враге – таинственном, коварном существе где-то там. Это совершенно новое для нашего опыта событие произвело такое впечатление, что требовались усилия для его связного осмысления. Как будто что-то привиделось среди ясного дня» [Юнгер 2000: 37].

Исходным поводом к философствованию для экзистенциалистов является ситуация «заброшенности» (*Geworfenheit*) человека в мир и попытки обретения свободы в нем: «Достоевский как-то писал, что “если бога нет, то все дозволено”... Это – исходный пункт экзистенциализма, – размышляет позднее Жан-Поль Сартр. – Человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне... Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода» [Сартр 2006]. Герой Юнгера, вчерашний гимназист, как и все его поколение, «выросший в век надежности» и еще вчера грезивший о войне, начинает осознавать свое положение на этой войне так же: в деструктивном и полном ужаса пространстве рассказчик стремится сохранить внутреннюю независимость от происходящего.

Поверхностным, «внешним» (*äußeres Erlebnis*), по Юнгеру, остается опыт того, кто отрицает войну, видя в ней только «личные страдания» человека (*das eigene Leiden*), – подобное переживание войны Юнгер называет «рабским» [Jünger 1960–1965, V: 108]. Природу такого отчаяния, хоть и не в контексте войны, сходным образом характеризует Карл Ясперс: «Если перед лицом смерти я ничего уже не могу признавать важным, но просто нигилистически впадаю в отчаяние, – это подобно потерпевшей крушение экзистенции; смерть не есть больше пограничная ситуация, если она есть для меня объективное уни-

чтожение, как превосходящее силой несчастье» [Ясперс 2012, 2: 117].

Напротив, по Юнгеру, война «сбрасывает маску» перед тем, кто готов к обретению «внутреннего опыта» (*inneres Erlebnis*) в происходящем. По ходу развития повествования «В стальных грозах» Юнгер уводит читателя все дальше от привычных представлений о природе войны, тем самым сближая ее с «пограничными ситуациями» (*Grenzsituation*) Ясперса, который связывает это понятие с интенсивным осознанием человеком своей смертной природы. Таков, к примеру, эпизод разведывательной операции у Юнгера, когда «зрение и слух обострены до предела... Охватывает дрожь под воздействием двух мощных чувств: растущего азарта охотника и страха его жертвы. Весь мир заполнен тобой, опустошенным темным ощущением ужаса, нависшего над пустынной местностью» [Юнгер 2000: 104].

Представление о страхе, начиная с работ Сёрена Кьеркегора, становится основополагающим для экзистенциалистского образа мышления [Cambridge Companion to Existentialism 2012: 41]. Предтеча философии экзистенциализма, Кьеркегор различает понятия боязни как реакции сознания на конкретные явления, с одной стороны, и страха (*Angest*) как состояния «ужасного Ничто неведения» – с другой. Данным противопоставлением, согласно датскому мыслителю, обусловлено кардинальное различие человеческой и животной природы [Кьеркегор 2014: 60–62]. Мотив рокового предчувствия, ожидания неведомого конца развивает и Юнгер в работе «Борьба как внутреннее переживание» (*Der Kampf als inneres Erlebnis*, 1922), выбирая, однако, в качестве его олицетворения понятие «ужас» (*Grauen*), ср.: «Животное может испытывать испуг (*Schreck*), когда внезапно его настигает опасность; может испытывать страх (*Angst*), когда его преследуют и загоняют в угол, но ужас (*Grauen*) ему неведом. Он первый проблеск разума» [Jünger 1960–1965, V: 21]. Позднее, во второй части «Рискующего сердца» (*Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios*, 1938), Юнгер по-прежнему усматривает мотив тревожного предчувствия, недоступного животному сознанию, в связи с понятием «ужаса» (*Grauen*). Однако в попытке выработать своеобразную типологию видов боязни он называет высшей точкой напряжения человеческого сознания «ужас» иного рода – «*Entsetzen*» [ibid., VII: 30]. Юнгер видит в таком «ужасе» конечное воплощение страха, за которым не следует ничего, подобно тому как Ясперс пишет о пограничных ситуациях, что «они, в отношении к нашему существованию, окончательно... мы не видим за

ними более ничего иного. Они – как стена, на которую мы наталкиваемся, у которой мы терпим крах» [Ясперс 2012, 2: 205]. Характерно, что Мартин Хайдеггер выражает данный опыт с помощью конечной категории «Ничто» (*Nichts*), причем инструментом к его постижению на разных этапах творчества философа служат как «страх» (вслед за Кьеркегором), так и «ужас» (*Entsetzen*): «Ужасом (*Angst*)⁷ приоткрывается Ничто. В ужасе “земля уходит из-под ног”. Точнее: ужас уводит у нас землю из-под ног, потому что заставляет ускользать сущее в целом. Отсюда и мы сами – вот эти существующие люди – с общим провалом сущего тоже ускользаем сами от себя... Только наше чистое присутствие в потрясении этого провала, когда ему уже не на что опереться, все еще тут» [Хайдеггер 2013: 33]. Ср.: «Удивление и ужас (*Entsetzen*) – крайние и вместе с тем первоначальные настроения к неизмеримости и основанию правды бытия» [Heidegger 1997: 236]⁸. Юнгер как художник идет собственным путем в описании состояния небытия, присутствия «Ничто», при этом его изображение выглядит более наглядным, нежели у философа. Подобно начинавшему с экспрессионизма Готфриду Бенну, словно бы «руками», материально пытающемуся ощутить границу мира плотского и мира невидимого⁹, Юнгер зрительно фиксирует картину разрушения – так, словно в ней возможно различить нечто помимо материи – живой или мертвой: «С особой силой в моей памяти запечатлелась картина растерзанной, дымящейся позиции, которой я проходил сразу после атаки. Дневные посты уже были на местах, но траншеи еще не были приведены в порядок. На постах еще лежат павшие и тут же, будто выросшая из этих тел, у орудий стоит новая смена. Странный шок (*Erstarrung*) вызывал вид этих групп. На мгновение будто исчезала разница между жизнью и смертью» [Юнгер 2000: 118].

Ожидать буквального терминологического совпадения словоупотребления Юнгера с понятиями философии экзистенциализма не приходится, но важно, что представления писателя естественно вписываются в круг ее идей. Страх героя не отталкивает, но, напротив, «завораживает, как неисследованная земля» [там же: 126], поскольку несет в себе возможность откровения. В «Стальных грозах» Юнгер также различает «боязнь» (*Furcht*) и «ужас» (*Grauen*), являющий собой, в кьеркегоровском смысле, «действительность свободы как возможность для возможности» [Кьеркегор 2014: 60–62]. Состояние, в котором пребывает юнгеровский повествователь в непосредственном контакте со смертью, помо-

гают передать мотивы высоты и света – подобные «просветлению экзистенции» Ясперса¹⁰. Так, близость смерти спасительна и подобна «неизвестному свету», всякий вопрос рядом с ней становится маловажен [Jünger 1960–1965, I: 316]; проходя по полю битвы мимо разлагающихся трупов, герой достигает состояния «восторженной прозорливости», ощущает «возвышающую и почти демоническую легкость» [Юнгер 2000: 126]; во время атаки каждый солдат оказывается «перенесен в какие-то сверхчеловеческие ландшафты», а смерть «потеряла свое значение... это делало всех слепыми и безразличными к собственной судьбе» [там же: 272].

При том что акт экзистирования сугубо индивидуален, Юнгер не противоречит основной идее экзистенциализма, словно иллюстрируя примером подобного «безличного» поведения солдат убежденность Ясперса в том, что пограничные ситуации «не допускают стороннего обозрения» (*nicht überschaubar*), не объяснимы, не выводимы логически, но «даны вместе с самим существованием» (*Sie sind mit dem Dasein selbst*) и лишь тем самым могут быть «приводимы к ясности» [Ясперс 2012, 2: 205]. Парадоксальным образом «ясности» достигает и сам рассказчик, впадающий в забытие, будучи тяжело раненным: «...Это мгновение относится к немногим, о которых я могу сказать, что оно было истинно счастливым. Точно в каком-то озарении я внезапно понял всю свою жизнь до самой глубинной сути (*In ihm begriff ich, wie durch einen Blitz erleuchtet, mein Leben in seiner innersten Gestalt*). Я ощутил безмерное удивление, что вот сейчас все кончится, но удивление это было исполнено странной веселости» [Jünger 1960–1965, I: 317].

Впрочем, повествователь познает существо смерти не только тогда, когда она ему непосредственно угрожает, но и когда он находится в относительной безопасности [ibid.: 33, 157, 287–188]. Изображение большого количества ситуаций, сопряженных со смертельным риском, важно для Юнгера, так как они контрастируют с привычным существованием обывателя в мирное время, когда человек самоуспокоенно пользуется плодами развитой цивилизации. Размышляя о духовной ситуации рубежа XIX–XX вв. в социально-политическом аспекте, Юнгер приходил к выводу о пагубном воздействии цивилизации, подавляющей в человеке его глубинные возможности, реализуемые только в естественном переживании – в данном случае в пограничной ситуации битвы и войны в целом [ibid., V: 13–14]. В данном контексте уместно вспомнить, что Хайдеггер говорит о «нивелировании возможно-

сти экзистенции» (*Einebnung aller Seinsmöglichkeiten*) внешними факторами в современную эпоху, поскольку «бытие с другими озабочено усредненностью»; человек, все более замыкаясь в сущем, оставляет без ответа вопрос о самом бытии [Heidegger 1977: 1, 168–169]. В обратной ситуации – экзистирования – мир становится жутким в своей необъяснимости, привычная действительность рушится, вещи меняют свой облик [Cambridge Companion to Existentialism 2012: 42]. По Юнгеру, для возвращения мироздания к первоосновам необходимо разрушить его до основания – это и происходит в книге «В стальных грозах». Предметы бюргерского быта предстают в новом обличье, оказываясь рядом с оружием: «Пустынность и безмолвие, время от времени прерываемые глухими звуками орудий, еще более усиливались печальной картиной разрушения. Разодранные ранцы, ружья с отбитыми прикладами, ошметки разной утвари – и, ужасающим контрастом, детская игрушка; тут же взрыватель, глубокие воронки от издохших снарядов, бутылки, жнейки, порванные книжки, разбитая посуда, ямы – зловещая темнота которых выдавала погреб, где, может быть, лежали скелеты несчастных обитателей дома, обглоданные усердными в своей прожорливости крысиными ордами, – персиковое деревцо, лишенное опоры и беспомощно простирившее руки, в конюшнях – еще привязанные цепями скелеты домашних животных, в опустелом саду – ямины и зеленеющие меж ними, затерянные в сорняках перья лука, полынь, ревеня и нарциссы, на соседних полях – хлеб, сложенный в скирды с налившимися зерном колосьями, – все это было рассечено наполовину засыпанной траншеей и овечно запахом пожарища и распада» [Юнгер 2000: 70]. Большое творение человеческих рук неожиданно уподобляется ничтожно малому: гийемонтский вокзал предстает «скомканный, как детская игрушка» [там же: 132].

Таким образом, Юнгер в романе-дневнике «В стальных грозах» представляет события Первой мировой войны сквозь призму экзистенциального переживания и этим косвенно примыкает к германской традиции экзистенциализма (Ясперс, Хайдеггер). Для автора характерен поиск выхода за пределы повседневного буржуазного опыта, отчасти сравнимый с хайдеггеровской установкой на движение из укорененности в сущем (*das Seiende*) к вопросу о бытии (*Dasein*), однако Юнгер по сравнению с Хайдеггером и Ясперсом находит для возможности «просветления экзистенции» наиболее радикальные бытийственные проявления. Изоб-

ражение человеческого опыта писателем предстает еще более бескомпромиссным, чем у названных философов, но вместе с тем и суженным с точки зрения потенциала для философствования – понимание подлинного бытия сопряжено с изображением смертельного риска в ходе военных действий.

Примечания

¹ Об этом см.: [Jünger 2013].

² Подробнее об этом см.: [Schwarz 1962; Liebchen 1977; Mörchen 1973; Kaempfer 1981; Crocokow 1990].

³ Об этом см.: [Bohrer 1978].

⁴ См.: [Brennecke 1992: 17–59], [Keller 2011: 144–164]

⁵ Об этом см.: [Зачевский 2014: 484–510; Потехина 2013; Михайловский 2001].

⁶ Об этом см.: [Martus 2001: 4].

⁷ В переводе В. В. Библихина на русский язык «Что такое метафизика?» (Was ist Metaphysik?, 1929) слово „Angst“ фигурирует как «ужас» [Heidegger 1976: 112].

⁸ Перевод мой. – О. Г.

⁹ См.: [Benn 1997: 32–51].

¹⁰ Об этом см.: [Ясперс 2012, 2].

Список литературы

Зачевский Е. А. Очерки истории немецкой литературы времен Третьего рейха (1933–1945). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 525 с.

Кьеркегор С. Понятие страха / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академ. проект, 2014. 224 с.

Михайловский А. В. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. М.: РГГУ, 2001. 168 с.

Потехина И. Г. «В стальных грозах» Эрнста Юнгера: Первая мировая война и проблема консервативного модерна в немецкой литературе // Литература и война: век двадцатый: сб. ст. к 90-летию Л. Г. Андреева / под ред. О. Ю. Пановой, В. М. Толмачёва. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 43–51.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. М. Грецкий. М.: Скепсис, 2006. URL: https://sceptis.net/library/id_545.html#a5 (дата обращения: 24.12.2018).

Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В. Библихина. М.: Академ. проект, 2013. 288 с.

Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н. Гучинской, В. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000. 330 с.

Ясперс К. Философия: в 3 т. / пер. с нем. А. Судакова. М.: Канон+, 2012. Т. 2. 448 с.

Benn G. Gesammelte Gedichte. Готфрид Бенн. Собрание стихотворений / под ред. В. Топорова. СПб.: Евразия, 1997. 512 с.

Bohrer K.H. Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1978. 634 S.

Brennecke R. Militanter Modernismus. Vergleichende Studien zum Frühwerk Ernst Jüngers. Stuttgart: M & P, 1992. 352 S.

Cambridge Companion to Existentialism / ed. S. Crowell. Cambridge, 2012. 415 p.

Heidegger M. Besinnung // Gesamtausgabe. B. 66. F. a. M.: Vittorio Klostermann, 1997. 437 S.

Heidegger M. Sein und Zeit // Gesamtausgabe. B. 2. F. a. M.: Vittorio Klostermann, 1977. 587 S.

Jünger E. Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios // Werke. B. 7. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965. 503 S.

Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis // Werke. B. 5. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965. 543 S.

Jünger E. In Stahlgewittern // Werke – in 10 B. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965. B. 1. 563 S.

Jünger E. In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe. Hrsg. von H. Kiesel. B. 2. Variantenverzeichnis und Materialien. Stuttgart, Klett-Cotta, 2013. 1245 S.

Jünger-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / Hrsg. H. Schwilk. Stuttgart / Weimar: Metzler, 2014. 439 S.

Kaempfer W. Ernst Jünger. Stuttgart: Metzler, 1981. 188 S.

Keller E. Spuren und Schneisen. Ernst Jünger: Lesarten im 20. Jahrhundert. Bielefeld: Aesthesis, 2011. 628 S.

Liebchen G. Ernst Jünger: Seine literarischen Arbeiten in den 20 Jahren. Eine Untersuchung zur gesellschaftlichen Funktion von Literatur. Bonn: Bouvier (Grundmann), 1977. 354 S.

Loose G. Ernst Jünger. Gestalt und Werk. F. a. M.: Vittorio Klostermann, 1957. 380 S.

Martus S. Ernst Jünger. Stuttgart / Weimar: Metzler, 2001. 269 S.

Mörchen H. Schriftsteller in der Massengesellschaft. Zur politischen Essayistik und Publizistik Heinrich und Thomas Manns, Kurt Tucholskys und Ernst Jüngers während der zwanziger Jahre. Stuttgart: Metzler, 1973. S. 76–96.

References

Zachevskiy E. A. *Ocherki istorii nemetskoj literatury vremen Tret'ego reikha (1933-1945)* [Essays on history of German literature of Nazi Germany]. St. Petersburg, Saint Petersburg State Technical University Press, 2013. 525 p. (In Russ.)

Kierkegaard S. *Ponyatie strakha* [The Concept of anxiety]. Transl. from Danish by N. Isaeva, S. Isaev. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 224 p. (In Russ.)

Mikhaylovskiy A. V. *Vopros o tekhnike. Kritika epokhi u Ernsta Yungera i Martina Khaydeggera* [The matter of technique. Criticism of epoch by Ernst Jünger and Martin Heidegger]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 168 p. (In Russ.)

Potekhina I. G. «V stal'nykh grozakh» Ernsta Yungera: Pervaya mirovaya voyna i problema konservativnogo moderna v nemetskoj literature [Ernst Jünger's 'Storm of Steel': World War I and the problem of conservative modernism in German Literature]. *Literatura i voyna: vek dvadtsatyy*. Sbornik statey k 90-letiyu L. G. Andreeva [Literature and war: Twentieth century. Collection of Articles on the 90th Anniversary of L. G. Andreev]. Ed. by O. Yu. Panova, V. M. Tolmachev. Moscow, MAKS Press, 2013, pp. 43–51. (In Russ.)

Sartre J.-P. *Ekzistentzializm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. Transl. by M. Gretskiy. Moscow, Skepsis Publ, March 13, 2006. Available at: https://skepsis.net/library/id_545.html#5 (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

Heidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?]. Transl. from German by V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)

Jünger E. *V stal'nykh grozakh* [Storm of Steel]. Transl. from German by N. Guchinskaya, V. Notkina. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2000. 330 p. (In Russ.)

Yaspers K. *Filosofiya* [Philosophy]. Transl. from German by A. Sudakov. Moscow, Kanon + Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)

Benn G. *Sobranie stikhotvorenij (Gesammelte Gedichte)* [Collection of poems]. Ed. by V. Toporov. St. Petersburg, Evrasia Publ., 1997. 512 p. (In Russ. and in Germ.)

Bohrer K. H. *Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk*. München, Wien, Carl Hanser Verlag, 1978. 634 p. (In Germ.)

Brennecke R. *Militanter Modernismus. Vergleichende Studien zum Frühwerk Ernst Jüngers*. Stuttgart, M&P, 1992. 352 p. (In Germ.)

Cambridge Companion to existentialism. Ed. by S. Crowell. Cambridge UP, 2012. 415 p. (In Eng.)

Ernst Jünger-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Hrsg. H. Schwilk. Stuttgart / Weimar, Metzler, 2014. 439 p. (In Germ.)

Heidegger M. *Besinnung. Gesamtausgabe*. B. 66. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1997. 437 p. (In Germ.)

Heidegger M. *Sein und Zeit. Gesamtausgabe*. B. 2. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1977. 587 p. (In Germ.)

Jünger E. *Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios. Werke*. B. 7. Stuttgart, Ernst Klett, 1960–1965. 503 p. (In Germ.)

Jünger E. *Der Kampf als inneres Erlebni. Werke*. B. 5. Stuttgart, Ernst Klett, 1960–1965. 543 p. (In Germ.)

Jünger E. *In Stahlgewitter. Werke in 10 B.* B. 1. Stuttgart, Ernst Klett, 1960–1965. 563 p. (In Germ.)

Jünger E. *In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe*. Publ. by H. Kiesel. Vol. 2. Variantenverzeichnis und Materialien. Stuttgart, Klett-Cotta, 2013. 1245 p. (In Germ.)

Kaempfer W. *Ernst Jünger*. Stuttgart, Metzler, 1981. 188 p. (In Germ.)

Keller E. *Spuren und Schneisen. Ernst Jünger: Lesarten im 20. Jahrhundert*. Bielefeld, Aesthesis, 2011. 628 p. (In Germ.)

Liebchen G. *Ernst Jünger: Seine literarischen Arbeiten in den 20 Jahren. Eine Untersuchung zur gesellschaftlichen Funktion von Literatur*. Bonn, Bouvier (Grundmann), 1977. 354 p. (In Germ.)

Loose G. *Ernst Jünger. Gestalt und Werk*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1957. 380 p. (In Germ.)

Martus S. *Ernst Jünger*. Stuttgart / Weimar, Metzler, 2001. 269 p. (In Germ.)

Mörchen H. *Schriftsteller in der Massengesellschaft. Zur politischen Essayistik und Publizistik Heinrich und Thomas Manns, Kurt Tucholskys und Ernst Jüngers während der zwanziger Jahre*. Stuttgart, Metzler, 1973, pp. 76–96 (In Germ.)

EXISTENTIALIST MOTIVES IN ERNST JÜNGER'S 'STORM OF STEEL'

Oleg R. Gubetskov

Postgraduate Student in the Department of the History of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. oleg_gubeckov@mail.ru

SPIN-code: 6471-7985

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4304-9045>

ResearcherID: A-4523-2019

Submitted 09.01.2019

The interpretation of Ernst Jünger's novel *Storm of Steel* offered here is aimed at an existentialist reading of the book, viewing it, first and foremost, as a special artistic space meeting the stylistic demands of Jünger as a writer. Thus, the formal characteristics of the novel prevail over its shocking content. Such a way of reading this Jünger's work is not popular among Russian scholars studying the writer, for they mostly orient at exploring the ideological and sociological aspects of the book. It seems that *Storm of Steel* constitutes a special case of using proto-existentialist ideas when describing the phenomenon of war and at the same time presenting some basic existentialist notions, such as 'anxiety' (Angst) of Søren Kierkegaard; 'thrownness' (Geworfenheit), 'fright' (Entsetzen) and 'nothing' (Nichts) of Martin Heidegger; 'limit situation' (Grenzsituation) and 'existence enlightenment' (Existenzerhellung) of Karl Jaspers. Jünger's book can be called unique for it renders a kind of existentialist experience not basing on the matching philosophical apparatus (non-existent at the time of writing *Storm of Steel*). Thus, Jünger anticipates the main philosophical discoveries of the 20th century and joins the German version of existentialism. Jünger's writing method reveals the core point of existentialist thinking, when Being opens itself to a human as an existentialist experience, not in an act of rational realizing its meaning, but in view of death, when the world appears both uncanny and dangerous. Jünger's narrator experiences this when fighting, on the scout, getting close to nature when a battle stops. Jünger pays attention not only to what man feels, but to the environment, both natural and artificial, consisting of the ruined items of everyday bourgeois life, mixed chaotically with arms. Thus, the writer stresses the need to seek for the new foundations of defining the role of a human in the 20th century reality.

Key words: E. Jünger; Storm of Steel; existentialism; Heidegger; Jaspers; Kierkegaard; Sartre; limit situations; World War I.

УДК 821.161.1“2000-е гг.”
doi 10.17072/2073-6681-2019-2-86-93

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ ДИГИТАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Юлия Юрьевна Даниленко

**к. филол. н., доцент кафедры теории, истории литературы
и методики преподавания литературы**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. danilenko.juli@mail.ru

SPIN-код: 4452-0922

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1705-211X>

ResearcherID: D-9674-2019

Александра Борисовна Крендель

**аспирант кафедры теории, истории литературы
и методики преподавания литературы**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. aleksandrakrendel@gmail.ru

SPIN-код: 8323-0074

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1531-952X>

ResearcherID: D-5882-2019

Статья поступила в редакцию 11.03.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Даниленко Ю. Ю., Крендель А. Б. Массовая литература в современной России: вызовы дигитальной эпохи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 86–93. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-86-93

Please cite this article in English as:

Danilenko Yu. Yu., Krendel A. B. Massovaya literatura v sovremennoy Rossii: vyzovy digital'noy epokhi [Mass Literature in Modern Russia: Challenges of the Digital Age]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 86–93. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-86-93 (In Russ.)

Дается аналитический обзор статей сборника «Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой» (Санкт-Петербург, 2018); обозначаются основные идеи, формирующие проблемное поле исследований современной массовой литературы, получившие отражение в издании. Сборник вписывается в контекст российских исследований популярной культуры и представлен как результат реализации очередного этапа масштабного многолетнего проекта «Культ-товары», инициированного ведущими специалистами в области современной литературы: М. А. Черняк (Санкт-Петербург), М. П. Абашевой (Пермь), И. Л. Савкиной (Тампере), М. А. Литовской (Екатеринбург). Проект нацелен на междисциплинарные исследования масскульта в режиме реального времени: литературоведы собираются ежегодно для участия в научных конференциях, на которых поднимаются острые проблемы и фиксируются актуальные тенденции развития современного литературного процесса, формирующиеся под воздействием внелитературных факторов. Главная тенденция последнего времени – тотальная цифровизация, влияющая на все сферы жизни современного человека, – становится центральной темой рецензируемого сборника. Авторы статей – более двадцати ведущих исследователей литературного процесса: М. А. Черняк, М. П. Абашева, В. В. Абашев, И. Л. Савкина, М. А. Литовская, Е. А. Ермолин, Г. Л. Тульчинский, Е. В. Козлов и другие – изучают процессы воздействия новых медиатехнологий на современную словесность, механизмы трансформации состава литературы под воздействием цифровизации, качественное изменение понятия массовой культуры.

Массовая литература теперь понимается как широко распространенная, востребованная, и исследование этого пласта словесности представляется ученым необходимым условием понимания смысловой картины мира современного человека. Анализ статей сборника позволяет выявить наиболее значимые тенденции современного литературного процесса: культурологический сдвиг от вербального кода к визуальному, перемещение литературы в пространство интернета и кино, трансформация культурных ролей «автор», «читатель», а также содержания понятий «литература», «текст», «массовая литература», «элитарная литература»; сдвиг жанровой эволюции романа в сторону сериала.

Ключевые слова: «Культ-товары»; массовая литература; современный литературный процесс; сериал; интермедийность; трансфикциональность; дигитальность.

Массовая литература активно изучается во всем мире, однако в российском литературоведении эта традиция находится еще на стадии становления. Методология исследования массовой литературы вырабатывается на стыке гуманитарных наук, что неизбежно, поскольку сам предмет изучения, по определению Ю. М. Лотмана, является «понятием социологическим» [Лотман 1993: 231]. Потому значимыми для выработки методологической базы исследований и для понимания процессов развития массовой литературы являются работы культурологов и социологов Б. Дубина [Дубин 2010], М. Берга [Берг 2000], Л. Гудкова, В. Страды [Гудков, Дубин, Страда 1998], которые рассматривают массовую литературу как социальный институт и продукт современной культуры. В последнее время в отечественном литературоведении наблюдается значительный интерес к массовой литературе, для ученых становится очевидной необходимость междисциплинарного изучения этого обширного пласта культуры. Проблемам изучения массовой литературы посвящаются крупные научные конференции, издаются учебники [Черняк, Черняк 2015] и монографии [Литовская, Савкина 2017], в которых вырабатывается понятийный аппарат и описывается логика развития российского масскульта. Значимую роль в становлении отечественной литературоведческой традиции изучения массовой литературы играют ученые, организаторы междисциплинарного научного проекта «Культ-товары».

Проект «Культ-товары» был инициирован более десяти лет назад ведущими специалистами в области изучения современного литературного процесса М. А. Черняк (Санкт-Петербург), М. П. Абашевой (Пермь), И. Л. Савкиной (Темпере, Финляндия), М. А. Литовской (Екатеринбург). За годы существования проекта было организовано пять международных конференций¹ и издано пять сборников научных трудов, в которых всякий раз ставилась задача выявления наиболее острых проблем современной массовой литературы, обозначения важных тенденций развития отечественной словесности. Ученые актуализировали также проблемы разработки новой методологии исследования меняющегося на гла-

зах предмета изучения – массовой литературы. Последняя, к тому же, тоже претерпела изменение статуса: от понимания ее как формульной, низкокачественной литературы до признания статуса массовой как широко распространенной, без снижающей маркировки. Потому обращение исследователя к такому значимому сегменту современной культуры, как массовая литература, представляется остроактуальным.

Сборник «Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой» 2018 г. издан по итогам очередной научной конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге в 2017 г., организованной командой междисциплинарного проекта «Культ-товары», Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена, Российской национальной библиотекой и Российским книжным союзом.

Внимание авторов статей рецензируемого сборника сосредоточено на двух наиболее актуальных проблемах современной культуры: на росте сегмента массовой культуры (литературы, в частности) в современном мире и на тотальном влиянии на все сферы жизни цифровой революции, свидетелями которой мы являемся.

Анализ статей сборника позволяет выявить ключевые, на взгляд специалистов в этой области, проблемы современного состояния массовой литературы в условиях цифровизации, проследить динамику процессов ее порождения и потребления. В центре внимания исследователей – проблема культурологического сдвига, происходящего в настоящее время: от вербальной культуры к визуальной. Поэтому тематика статей сосредоточена главным образом на процессах трансформации традиционных культурных явлений под влиянием новых медиа. Под воздействием медиатехнологий появляются не только новые формы трансляции и носители текста, но и новые модификации самого литературного произведения, создаваемого часто не только на бумаге, но сразу и на различных медиаплатформах (интернет-игра, блог, фан-форум, экранизация). Как правило, они создаются при активном участии потребителя-читателя, который становится соавтором. Таковы проекты Д. Глуховского

«Метро-2033», С. Лукьяненко «Ночной Дозор», «Дневной дозор», тексты Б. Акунина «Квест», А. Иванова «Хребет России», «Тобол» и др. Под влиянием новых технологий изменяется само содержание понятий «литература», «текст», «автор», «читатель», «массовая литература», «элитарная литература» и т. д. Все эти явления требуют выработки новой методологической базы для исследования процессов трансформаций стремительно меняющейся литературы, особенно массовой, поскольку этот пласт культуры имеет наибольшее влияние на формирование картины мира современного человека.

Открывает сборник статья профессора РГПУ им. А. И. Герцена М. А. Черняк «Современная отечественная массовая литература как территория новых смыслов», в которой автор с позиции организатора конференции освещает все исследовательские направления и проблемные зоны, заявленные учеными во время работы и нашедшие отражение в сборнике статей: «Предметом обсуждения на конференции 2017 г. стали актуальные и требующие серьезного научного изучения острые проблемы: глобальное и национальное в современной массовой литературе; трансформация сообществ в цифровую эпоху и перепределение границ популярного и элитарного; массовая литература и другие формы массовой культуры и масс-медиа; сериал как жанр массовой литературы» [Черняк 2018б: 7]. М. А. Черняк подчеркивает значимость центральной темы конференции – взаимодействия «буквы и цифры», которое коснулось всех сфер литературного производства: изменились не только природа литературного текста, но и отношения писателя и читателя, практики чтения, взаимоотношения писателя и издателя, роль критики, а следовательно, должны выработываться новые методологии изучения всех этих процессов.

Статью профессоров В. В. Абашева и М. П. Абашевой «Поверх барьеров: трансфикциональность, интермедиальность, трансмедиальность как стратегии современной культуры» можно рассматривать как диагностику современных процессов в массовой литературе. Говоря о методологии исследования, авторы соотносят парадигмальные сдвиги, происходящие в отечественной культуре под воздействием цифровизации, с аналогичными процессами в западной культуре. Они предлагают обзор подходов к новой интермедиальной литературе, осуществляемых сегодня исследовательскими группами в европейский университетах².

Обращаясь к опыту изучения процессов влияния новых медиа на культуру современности в зарубежных исследованиях (к работам Г. Дженкинса [Jenkins 2006], Оге А. Ханзен-Леве, [Хан-

зен-Леве 2016], М. Маклюэна [Маклюэна 2007]), ученые описывают важные механизмы, «работающие» в современной литературе под воздействием медиатехнологий. Логика развития этих процессов направлена от расширения приемов вербального искусства к интермедиальности: исследуются такие явления, как трансфикциональность (развитие сюжетных линий прецедентного текста в новых произведениях), далее – изменения поэтики текста под влиянием визуальной культуры и, наконец, явление трансмедиальности (существование текста на разных медиаплатформах: компьютерных и настольных играх, комиксах, сериалах и т. д.). Важным для понимания природы современной массовой культуры представляется понятие «трансфикциональность», описанное авторами статьи. Введенное Р. Сен-Жилем, оно объясняет многие процессы, происходящие в современной литературе. Исследователи отмечают, что «своей получившей известность книгой “Вымыслы перебежчики. Трансфикциональность и ее вызовы”, изданной в 2011 г., Ришар Сен-Жиль как раз ответил на один из вызовов массовой культуры, на свойственную ей тягу к пересечению границ авторских произведений и свободной миграции персонажей, сюжетов, топосов» [Абашев, Абашева 2018: 24]. Понятие трансфикциональности сегодня вытесняет понятие интертекстуальности, заключают авторы статьи, поскольку современными писателями движет не желание трансформации и деконструкции текста, а «наивное, но неизбежное и законное читательски-авторское любопытство и желание выйти за границы авторского текста: продлить полюбившийся вымысел, потребность узнать / дорассказать, что же будет дальше с Родионом Раскольниковым или что еще может произойти на острове сокровищ» [Абашев, Абашева 2018: 25]. В качестве примеров трансфикционального письма авторы статьи приводят тексты Б. Акунина «Алмазная колесница» (2002), где фигурирует герой И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», роман В. Шарова «Возвращение в Египет» (2015), героем которого является правнук Н. В. Гоголя, а также фильм К. Шахназарова «Анна Каренина. История Вронского» (2017) и др.

Использование новых интермедиальных стратегий, меняющих природу художественного текста, авторы статьи иллюстрируют примерами прозы Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), Алексея Иванова «Хребет России» (2010), «Тобол» (2017) – писателей, которые ориентируются на визуальный код, а именно кинематографический. Проекты «Метро 2033» Дмитрия Глуховского и «Дозоры» Сергея Лукьяненко рассматриваются ими как примеры трансмедиа-

ального сторителлинга, когда в тексте задействованы и кино, и музыка, и игры, и дополненная реальность.

Авторы других статей сборника сосредоточены на актуальных сферах и жанрах современной массовой культуры эпохи новых медиа. Судя по количеству работ о сериалах, именно сериал сегодня является ведущим жанром популярной культуры. Г. Л. Тульчинский в статье «Факторы сериальности в массовой культуре и литературе» рассматривает влияние сериалов на формирование смысловой картины мира современного социума. Сериалы, по мнению автора, обладают социальной значимостью, они способны изменять картину мира, создавать «более интенсивную реальность, превосходящую интенсив реальности» [Тульчинский 2018: 45].

Продолжает тему изучения авторитетной роли сериалов в процессе формирования и закрепления культурных норм в массовом сознании статья М. А. Литовской, в которой рассматриваются сериалы нулевых годов, переосмысляющие период советской «оттепели» – «Таинственная страсть» (2016), «Оптимисты» (2016), «Однажды в Ростове» (2012), «Фарца» (2015), «Оттепель» (2013). М. А. Литовская видит значимость кинотекстов, рассчитанных на массовую аудиторию, в трансляции новой ценностной шкалы относительно периода «оттепели», разрушающей его романтический ореол, расставляющей новые акценты в маркировании «положительных» и «отрицательных» героев и явлений. М. Литовская констатирует, что в нарративе современных сериалов «закрепляется новый стереотип изображения «оттепели». Сегодня вчерашние стилисты становятся главными героями эпохи. Чтобы превратить вчерашних злодеев в неотрицательных персонажей, необходимо поменять контекст отрицательного явления, сдвинув границы социально дозволенного и предложив новую концепцию «нормального», «естественного» существования человека. Границы нормы смещаются, и зрителю ее предлагают как новую норму» [Литовская 2018: 164].

Как новую норму доминирующего в культуре нарратива рассматривает сериал и Е. В. Козлов в статье «Нарратив сериала: между буквой и цифрой». Автор отмечает, что в культуре происходит радикальное изменение соотношения вербального и визуального. По мнению исследователя, сериал – это новая форма рассказывания, занимающая сознание и подсознание зрителя, активно использующая современные цифровые технологии и формирующая образы и смыслы. Поскольку сериалы по сути своей являются коммерческим продуктом, то важной особенностью становится незавершенность повествования (возмож-

ность бесконечно продолжать историю). Автор приходит также к выводу, что в настоящее время сам жанр сериала претерпевает изменения в сторону усложнения нарратива, перестает быть низким жанром, обретая все большую художественную значимость: «вероятно, массовая культура, культура развлечений, переживает новый этап своего развития и связан он с сериалами. Впрочем, остается вопрос: является ли это именно массовой культурой? Можно, действительно, замечать некоторую тенденцию к усложнению художественного продукта. Сериал усложняется и становится интересней, а значит, можно предположить, что и аудитория, к которой он обращен, становится интересней и сложнее» [Козлов 2018: 69].

Этот сдвиг аналитического фокуса к аудитории, читателю показателен для всех авторов сборника. Так, Е. А. Ермолин в статье «Популярный блог как мультиавторское комьюнити» размышляет об изменении роли автора и читателя в культурном поле, оценивает роль и функции писательских блогов и других площадок Интернета как аналог литературных салонов и клубов. Автор статьи описывает новые стратегии коммуникации писателя с читателем в Интернете, а также возможные опасности такого взаимодействия. Писатели заводят страницы в социальных сетях, активно общаются со своими читателями на платформах Facebook, ВКонтакте и других площадках, выстраивая индивидуальные стратегии интерактивной коммуникации: общение в форумах, тематических чатах, организация конкурсов, направленных на вовлечение читателей в процесс создания книги. Как правило, контент подобных комьюнити становится материалом для медиапроектов, таких как «РОМАН» Романа Лейбова, «Вселенная Метро 2033» и др. В результате активного взаимодействия писателя с читательским сообществом, по наблюдениям Е. А. Ермолина, «реализуется новый способ сборки произведения в режиме мультиавторского высказывания. Оно принимает формат вербального, а иногда и мультимедийного текста – поста или серии постов. Хозяин блога выступает его владельцем и модератором, но не обязательно даже ведущим автором; его роль представляет собой модификацию разных культурных ролей: хозяйки салона или организатора клубной жизни, ведущего ток-шоу, распорядителя в кафе» [Ермолин 2018: 78]. Эта тенденция, по мнению Е. Ермолина, свидетельствует об изменении функций читателя и автора и, как следствие, такой формат способствует появлению «мультиавторства», новой формы производства текста, когда читатель становится соавтором. Однако Е. Ермолин видит в этом процессе опасность

неизбежного снижения качества литературы, зависимости автора от читательских ожиданий.

Новую категорию авторства, явленную в особой формуле массовой литературы, описывает И. Л. Савкина в статье «Быть знаменитым красиво: эготексты как феномен». Предметом изучения становятся автобиографические книги (эготексты) знаменитых, успешных людей, часто далеких от писательской деятельности, – певца Димы Билана, бизнесмена Олега Тинькова, фигуристки Ирины Родниной, писательниц Дарьи Донцовой и Екатерины Вильмонт. Медийные персоны современности сами пишут новую серию «Жизни замечательных людей», отвечая на запрос массовой аудитории. Проведя анализ автобиографических книг знаменитостей, И. Савкина приходит к выводу о терапевтическом эффекте этих текстов: «В анализируемых эготекстах выстраивается имидж успешного человека, с которым читатель все же может самоотжествиться. Эти книги в определенной степени предлагают (массовому) читателю позитивный образец и оптимистическую идею возможного шанса для каждого» [Савкина 2018: 122]. Принципиальную новизну современных автобиографических текстов И. Савкина видит в авторской установке на коммуникацию и сближение с массовым читателем, что проявляется в утверждении авторами собственной «обыкновенности».

Изучению механизмов взаимодействия автора и читателя в современном культурном поле посвящены также статьи П. В. Шубиной «Фанфикшн как технология самообразования», Ю. В. Булдаковой «Дискурс фандома и поведение читателя фан-фикшн», К. В. Беловой «Портрет читателя славянской фэнтези: к вопросу о динамике читательских предпочтений» и др.

Одной из важных тем, инициируемых авторами сборника, является тема жанровых трансформаций и гибридных форм вторичных текстов в массовой литературе. Профессор Е. В. Абрамовских в статье «Жанровые разновидности «вторичных текстов»: ремейки и продолжения» развивает размышления В. В. и М. П. Абашевых над природой трансфикциональных текстов. Исследователь отталкивается от идеи о том, что современная культура представляет собой гипертекстовую структуру: предшествующая информация дает возможность появиться последующей и т.д. Поэтому автор останавливается на жанровых разновидностях вторичных текстов. Анализируя особенности ремейков и продолжений, Е. В. Абрамовских констатирует, что оба жанра в основе своей имеют исходный вариант (претекст), но если ремейк опирается на пародию и работает с различными уровнями структуры исходного текста, то продолжение – дописывание –

представляет собой «заблокированный текст» (термин Е. В. Абрамовских) [Абрамовских 2018: 87], механизмы построения которого ограничены заложенными в претексте сюжетными ходами.

М. А. Черняк в статье «Новые тексты и новые кинотексты: случай Анны Карениной» продолжает тему сериальности и ремейков, рассматривая феномен игры современного масскульта с классической литературой. М. А. Черняк показывает, как роман «Анна Каренина» претерпевает перекодировку в современной культуре и порождает различные проекты: фанфики, чтение романа в рамках «Каренина. Живое издание», роман-сиквел А. К. Золотко «Анна Каренина-2» и другие и приходит к выводу, что «в основании каждой культурной эпохи лежит свой порождающий механизм. Разнообразные примеры приватизации толстовского романа – это своеобразные литературные оксюмороны, по-своему воссоздающие матрицу современности» [Черняк 2018а: 153].

Процессы трансформации традиционных жанров массовой литературы рассматриваются в статьях Л. С. Кисловой, М. А. Ветошкиной «Травелог как жанр массовой литературы», Д. К. Равинского «Chick lit вместо традиционного любовного романа?», М. Г. Пономаревой «Современный исторический детектив в издательской политике “Эксмо”».

В целом, сборник освещает основные направления развития современной отечественной словесности, предлагаемое разнообразие подходов к анализу массовой литературы, безусловно, будет полезно исследователям-гуманитариям, а также широкому кругу читателей в качестве навигатора по актуальным тенденциям современной массовой литературы. Важно отметить также, что сборник снабжен глоссарием, разработанным авторами статей, включающим такие понятия, как «абсорбционные книги», «демотиватор», «интермедиальность», «транфикциональность», «трансмедиальность», «цифровая революция», «фан-фикшн», «Young adult-литература» и мн. др. Такой глоссарий необходим для выработки новой методологической базы исследования актуальных явлений в современной литературе.

В сборник включены также интервью с писателями, авторами массовой литературы. А. Маринина, М. Метлицкая, А. Берсенева, А. Чиж, Е. Колина, Р. Арбитман отвечают на вопросы о процессе создания формульной литературы, о влиянии критики на механизмы продвижения текста в литературном поле, о политике издательства, о роли института литературных премий и т.д. Этот инсайдерский взгляд на ситуацию массовой литературы с позиции производства представляет особый интерес для изучения.

Примечания

¹ «Культ-товары – феномен массовой литературы в современной России» (Санкт-Петербург, 2008), «Культ-товары – XXI: ревизия ценностей (Масскультура и ее потребители)» (Екатеринбург, 2012), «Топография популярной культуры» (Тампере, Финляндия, 2013), «Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в современной массовой культуре» (Пермь, 2015), «Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой» (Санкт-Петербург, 2017).

² Международное общество интермедиаальных исследований» (ISIS) в университете Линнеус (Швеция), центр при Ягеллонском университете в Кракове (Польша). В России же исследования в этой области только начинаются, среди научных центров авторы отмечают университет «Высшая школа экономики» (Москва), в котором процессы трансмедийных трансформаций в культуре изучаются такими исследователями, как Р. Гамбаратто, Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. В. Мороз [Гамбарато, Лапина-Кратасюк, Мороз 2017].

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Поверх барьеров: трансфикциональность, интермедиаальность, трансмедиаальность как стратегии современной культуры // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 19–37.*

Абрамовских Е. В. Жанровые разновидности «вторичных текстов»: ремейки и продолжения // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 84–96.*

Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 352 с.

Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ; Ин-т европейских культур, 1998. 80 с.

Дубин Б. В. Массовая словесность, национальная культура и формирование литературы как социального института // *Классика, после и рядом.* М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 76–83.

Гамбарато Р., Лапина-Кратасюк Е. Г., Мороз О. В. Панорама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив // *Шаги / Steps: Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований.* 2017. Т. 3, № 2. С. 20–46.

Ермолин Е. А. Популярный блог как мультитворческое комьюнити // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 70–83.*

Козлов Е. В. Нарратив сериала: между буквой и цифрой // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 63–69.*

Литовская М. А. Капитализация «плесени»: незамеченные герои романтической эпохи // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 155–165.*

Литовская М. А., Савкина И. Л. Читать нельзя изучать: Книга о массовой литературе для учителей и учеников. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 150 с.

Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // *Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах.* Таллинн: Александра, 1993. Т. III. С. 380–388.

Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 464 с.

Савкина И. Л. Быть знаменитым красиво: эготексты как феномен // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 110–123.*

Тулчинский Г. Л. Факторы сериальности в массовой культуре и литературе // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 38–50.*

Ханзен-Леве Оге А. Интермедиаальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016. 450 с.

Черняк М. А. Новые тексты и новые кинотексты: случай Анны Карениной // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018а. С. 137–154.*

Черняк М. А. Современная отечественная массовая литература как территория новых смыслов // *Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018б. С. 5–18.*

Черняк В. Д., Черняк М. А. Массовая литература в понятиях и терминах: учеб. словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2015. 193 с.

Jenkins H. Convergence Culture. Where Old and New Media Collide. N. Y. & L.: New York University Press, 2006. 308 p.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poverkh bar'ero: transfiktsional'nost', intermedial'nost', transmedial'nost' kak strategii sovremennoy kul'tury [Over the barriers: transfictionality, intermediality, transmedi-

ality as a strategy of modern culture]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 19–37. (In Russ.)

Abramovskikh E. V. Zastrovnye raznovidnosti «vtorichnykh tekstov»: remeyki i prodolzheniya [Genre variations of 'secondary texts': remakes and continuations]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 84–96. (In Russ.)

Berg M. Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature [Literaryocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Gudkov L., Dubin B., Strada V. Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiyu literatury [Literature and Society: Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities; Higher School of European Cultures Press, 1998. 80 p. (In Russ.)

Dubin B. V. Massovaya slovesnost', natsional'naya kul'tura i formirovanieliteratury kak sotsial'nogo instituta [Mass literature, national culture and the formation of literature as a social institution]. *Klassika, posle i ryadom* [Classic, after and next]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010, pp. 76–83. (In Russ.)

Gambarato R., Lapina-Kratasyuk E. G., Moroz O. V. Panorama rossiyskikh transmedia: opyt kartirovaniya mul'tiplatformennykh initsiativ [Panorama of the Russian transmedia: The experience of mapping multi-platform initiatives]. *Shagi / Steps: Zhurnal shkoly aktual'nykh gumanitarnykh issledovaniy* [Shagi / Steps: The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities], 2017, vol. 3, issue 2. pp. 20–46. (In Russ.)

Ermolin E. A. Populyarnyy blog kak mul'tiavtorskoe kom'yuniti [Popular blog as a multi-author community]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 70–83. (In Russ.)

Kozlov E. V. Narrativ seriala: mezhdubukvoy i tsifroy [Series narrative: between the letter and the digit]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern

Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 63–69. (In Russ.)

Litovskaya M. A. Kapitalizatsiya «pleseni»: nezamechennyye geroi romanticheskoy epokhi ['Mold' capitalization: the unsung heroes of the romantic era]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 155–165. (In Russ.)

Litovskaya M. A., Savkina I. L. *Chitat' nel'zya izuchat'*: Kniga o massovoy literature dlya uchiteley i uchenikov [To read cannot be studied: A book on the mass literature for teachers and students]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyy Uchenyy Publ., 2017. 150 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Massovaya literatura kak istoriko-kul'turnaya problema [Mass literature as a historical and cultural problem]. *Izbrannyye stat'i v trekh tomakh* [Selected articles in three volumes]. Tallinn, Alexandra Publ., 1993, vol. 3, pp. 380–388. (In Russ.)

McLuhan M. Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The extensions of man]. Moscow, Giperborea Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

Savkina I. L. Byt' znamenitym krasivo: egoteksty kak fenomen [Being famous is beautiful: egotexts as a phenomenon]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 110–123. (In Russ.)

Tul'chinskiy G. L. Faktory serial'nosti v massovoy kul'ture i literature [Seriality factors in popular culture and literature]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 38–50. (In Russ.)

Hanzen-Leve Oge A. Intermedial'nost' v russkoy kul'ture. Ot simvolizma k avangardu [Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2016. 450 p. (In Russ.)

Chernyak M. A. Novyye teksty i novyye kinoteksty: sluchay Anny Kareninoy [New texts and new film texts: the case of Anna Karenina]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia be-

tween the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018a, pp. 137–154. (In Russ.)

Chernyak M. A. *Sovremennaya otechestvennaya massovaya literatura kak territoriya novykh smyslov* [Modern Russian mass literature as a territory of new meanings]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdu bukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the

digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018b, pp. 5–18. (In Russ.)

Chernyak V. D., Chernyak M. A. *Massovaya literatura v ponyatiyakh i terminakh: uchebnyy slovar'-spravochnik* [Mass literature in concepts and terms: educational reference dictionary]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 193 p. (In Russ.)

Jenkins H. *Convergence Culture. Where Old and New Media Collide*. NY & London, New York University Press, 2006. 308 p. (In Eng.)

MASS LITERATURE IN MODERN RUSSIA: CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE

Yuliya Yu. Danilenko

Associate Professor in the Department of Theory,
History of Literature and Methods of Teaching Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. danilenko.juli@mail.ru

SPIN-code: 4452-0922

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1705-211X>

ResearcherID: D-9674-2019

Alexandra B. Krendel

Postgraduate Student in the Department of Theory,
History of Literature and Methods of Teaching Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. aleksandrakrendel@gmail.ru

SPIN-code: 8323-0074

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1531-952X>

ResearcherID: D-5882-2019

Submitted 11.03.2019

The paper presents an analytical review of the collection of scientific articles *Cult-Goods: Mass Literature of Modern Russia between the Letter and the Digit* (2018) and identifies the main ideas that form the problem field in researching modern mass literature. The collection is shown to be part of Russian studies of popular culture and presented as a result of the implementation of yet another stage of the large-scale multi-year project 'Cult-Goods', initiated by the leading experts in the field of modern literature (M. A. Chernyak (St. Petersburg), M. P. Abasheva (Perm), I. L. Savkina (Tampere), M. A. Litovskaya (Ekaterinburg)). The project is aimed at interdisciplinary research on mass culture in real time: a team of experts gathers annual scientific conferences, where researchers raise topical issues and identify current trends in the development of the modern literary process which are formed under the influence of extra-literary factors. The main trend of recent times is total digitization, affecting all spheres of a modern person's life, and it constitutes the central theme of the reviewed collection. The team of authors includes more than twenty leading experts in the field of the modern literary process. M. A. Chernyak, M. P. Abasheva, V. V. Abashev, I. L. Savkina, M. A. Litovskaya, E. A. Ermolin, G. L. Tulchinsky, E. V. Kozlov and others study the way the new media technologies influence modern literature, the mechanisms of transformation of literature and its composition under the impact of digitalization, the qualitative change in the concept of mass culture. Nowadays, mass literature is understood as literature in demand. Therefore, the study of this stratum of culture appears to be a necessary condition for scientists to understand the semantic picture of the world of modern man. Analysis of the articles allows us to identify the most significant trends of the modern literary process: a cultural shift from the verbal code to the visual, the transfer of literature into the Internet and cinema space, the transformation of the cultural roles 'author', 'reader', as well as of the content of the concepts 'literature', 'text', 'mass literature', 'elite literature'; a shift in the genre evolution of the novel towards the series.

Key words: 'cult-goods'; mass literature; modern literary process; series; intermediality; transfictionality; digitality.

УДК 821(7/8).09

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-94-101

ЭПТОН СИНКЛЕР ПРОТИВ ЛИТЕРАТУРНОГО РЫНКА: РЕЦЕПЦИЯ ТРАКТАТОВ «МЕДНАЯ МАРКА», «ИСКУССТВО МАММОНЫ» И «ДЕНЬГИ ПИШУТ!» В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ 1920-х ГОДОВ

Екатерина Витальевна Кешарпу

аспирант кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. ekaterina.silyuk@gmail.com

SPIN-код: 9683-3837

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7873-0896>

ResearcherID: A-3345-2019

*Статья поступила в редакцию 10.01.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Кешарпу Е. В. Эптон Синклер против литературного рынка: рецепция трактатов «Медная марка», «Искусство Маммоны» и «Деньги пишут!» в американской прессе 1920-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 94–101. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-94-101

Please cite this article in English as:

*Kesharpu E. V. Epton Sinkler protiv literaturnogo rynka: retsepsiya traktatov «Mednaya marka», «Iskusstvo Mammony» i «Den'gi pishut!» v amerikanskoj presse 1920-kh gg. [Upton Sinclair against the Literary Market: the Reception of the Treatises 'The Brass Check', 'Mammonart' and 'Money Writes!' in the American Press, 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 94–101. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-94-101 (In Russ.)*

Исследование посвящено анализу критических откликов на три трактата Эптона Синклера – «Медная марка» (*The Brass Check*, 1920), «Искусство Маммоны» (*Mammonart*, 1925) и «Деньги пишут!» (*Money Writes!*, 1927)) в американской прессе 1920-х гг. Трактаты были задуманы автором как планомерная атака на литературный рынок Америки (журналисты, издатели, редакторы, критики, исторические деятели культуры, современные писатели), поэтому особенно интересна их рецепция в периодике, которая представляет собой реакцию литературного мира на выдвинутые Синклером обвинения в коррумпированности, предвзятости и угодничестве «маммоне». В статье поднимается проблема непростых взаимоотношений писателя и литературного рынка, в особенности в том случае, если писатель плывет против течения, ставит перед собой амбициозную задачу очистить рынок от грязной коммерции, утвердить ценность порядочности, товарищества, служения высшим идеалам. Исследование выполнялось с опорой на социоанализ П. Бурдьё: Синклер и его оппоненты (журналисты, критики, редакторы, издатели) предстают как агенты поля литературы, занимающие определенную позицию, связанные друг с другом структурными отношениями и конкурирующие не только за финансовый, но и за символический капитал, за авторитет и право устанавливать свои стандарты. Показаны различные способы и тактики ведения «информационной войны»: капиталистическая пресса объявила Синклеру бойкот, отказываясь печатать его статьи, уничтожала его репутацию прицельной критикой; Синклер издавал свои книги и памфлеты самостоятельно, заручался поддержкой единомышленников-социалистов, в том числе за рубежом. Несмотря на то что затеянная Синклером война с коррупцией в журналистике и литературе была, по сути, проиграна, данные трактаты вызвали в обществе бурную дискуссию.

Ключевые слова: история литературы США; Эптон Синклер; «Медная марка»; «Искусство Маммоны»; «Деньги пишут!»; рецензии; американская периодика 1920-х гг.; поле литературы; агенты поля литературы; символический капитал.

Эптон Синклер был одним из немногих американских писателей, которые в начале XX в. открыто выступали против коммерциализации литературы, а не встраивались в систему взаимовыгодных отношений с издателями и редакторами. Поставив себя вне литературного рынка, он все равно был вынужден сталкиваться с рыночными реалиями. В данном исследовании мы поставили задачу проанализировать отношения Синклера и литературного рынка США начала XX в. с опорой на идеи П. Бурдьё. При таком подходе к материалу писатель, издатели, редакторы, новостные агентства, критики, другие писатели рассматриваются как агенты литературного поля. Их рыночные стратегии определяются исходной позицией, начальным капиталом (финансовым и символическим, т. е. авторитетом среди других агентов поля) и структурными связями с другими агентами литературного поля и поля власти (политическими партиями, финансовыми магнатами и т. п.). Конфронтация Синклера с американским литературным рынком была важным этапом в его писательской карьере, хотя в прессе она освещалась только со стороны оппонентов писателя либо замалчивалась. Мы постарались восстановить последовательность стратегических ходов Синклера и его противников, проанализировать ход этой кампании, которая повлияла на репутацию писателя и спровоцировала общественные дебаты вокруг проблемы коммерциализации журналистики и литературы.

В 1920–1927 гг. Эптон Синклер создал цикл трактатов «Мертвая рука» (*Dead Hand*), который он, следуя традиции «разгребателей грязи», задумал как планомерную атаку на различные социальные институты американского общества. В течение десяти лет он собирал материал, частично из личного опыта, частично по отзывам свидетелей, о фактах коррупции в церкви, школах и институтах, в прессе и журналах, в истории литературы и современном литературном мире Америки. В результате своих исследований Синклер опубликовал пять трактатов, три из которых были посвящены литературному и журналистскому ремеслу: в первом из них, «Медная марка»¹ (*The Brass Check*, 1920), он пишет о продажности представителей американской прессы – редакторов, издателей и владельцев газет и журналов; во втором, «Искусство Маммоны» (*Mammonart*, 1925), анализирует мировую литературу, доказывая тезис о том, что писатели всегда зависят от власти и служат поддержанию ее авторитета; третий трактат, «Деньги пишут!» (*Money Writes!*, 1927a), выявляет финансовую мотивацию в деятельности коллег и современников Синклера – американских писателей и литературных критиков.

Эти трактаты объявляли войну всему литературно-журналистскому миру, и, поскольку «ни у кого из издателей не хватит на это духу» [Sinclair 1921: 3], Синклер издавал их самостоятельно. Книга «Медная марка» была наиболее успешной в коммерческом плане и вызвала наибольший резонанс. На более чем четырехстах страницах Синклер пишет о многочисленных случаях подтасовки, сокрытия и преувеличения фактов в американских капиталистических газетах, обвиняя их в том, что они имеют списки влиятельных людей, против которых они никогда не станут публиковать компрометирующие материалы, что они игнорируют стачки, забастовки и другие события, имеющие значение для социалистического движения. Он называет в числе обвиняемых таких гигантов, как нью-йоркские газеты «Times», «Herald», «Tribune», а также новостное агентство «Associated Press», обвинения против которого были особенно серьезными [Sinclair 1920: 165–175]. Синклер стремился расширить влияние своих идей на значительном пространстве «поля литературы» и развернул масштабную кампанию по распространению книги: в 1920 г. он издал ее восемь раз и продал 144 000 экземпляров². Будучи заинтересован в том, чтобы обнаруженные им факты коррумпированности прессы стали известны как можно большему числу людей, он требовал соблюдения в отношении «Медной марки» норм авторского права, но оставлял возможность каждому желающему ее печатать и распространять [Harris 1975: 177–178]. Этим воспользовалась кливлендская коммунистическая газета «Toiler», где публиковалась реклама «Медной марки»: «История о том, как капиталистический класс управляет американскими газетами» – с назначенной ценой за книгу 60 центов³.

Синклер предполагал, что «Медная марка» будет проигнорирована прессой, однако, желая возразить против этого утверждения автора, газеты вначале публиковали о книге сдержанные отзывы. Первой откликнувшейся газетой была «New York Tribune»: ее книжный обозреватель Хейвуд Браун (Heywood Brown) весной–летом 1920 г. регулярно уделял по две-три колонки текста «Медной марке»⁴: здесь были и контраргументы в ответ на обвинения Синклера, и мягкая критика книги, и даже реклама «Медной марки»⁵ (оплаченная Синклером). Браун писал: «Наша газета гораздо более честная, чем о ней думает мистер Синклер. У него нет права жаловаться на точку зрения ее редактора <...> За всю долгую историю моей работы в газете, мне ни разу не сказали “Не пиши этого”, “Не поддерживай эту точку зрения”» [Some of Our Past... 1920: 5]. Книжный обозреватель «Tribune» решился даже

на такие слова: «Хотя “Медная марка” не является самой благоразумной книгой на свете, она представляет собой интересный, хоть и предвзятый обзор американских газет. Мы рекомендуем ее к прочтению» [Some of Our Past... 1920: 5].

Однако через короткое время газеты осознали опасность книги Синклера и с ноября 1920 г. начали на своих страницах ожесточенную травлю как «Медной марки», так и ее автора, возможно, испугавшись масштабной кампании писателя по ее распространению: «Охочий до сенсаций макрекер недавно собрал в одной книге под названием “Медная марка” всю гадость, которую смог найти, чтобы опозорить американскую прессу» [The Rumely Conviction 1920]. Газета «New York Herald» опубликовала статью, полную насмешек над Синклером как над «недалновидным социалистом» и «издателем-неудачником», который «задолжал 33 000 долларов родственникам своей жены... и теперь не знает, откуда взять еще денег, чтобы удержать книгу [«Медная марка». – Е. К.] в списке бестселлеров на рынке» [A Socialist in Capitalism 1920]. 27 февраля 1921 г. профессор факультета журналистики Нью-Йоркского университета Джеймс Мелвин Ли прочитал публичную лекцию на тему «Ошибки в “Медной марке” Эптона Синклера», и уже на следующий день «New York Times» опубликовала статью с огромными, на четверть газетной полосы, заголовками: «ДОКТОР ЛИ АТАКУЕТ “МЕДНУЮ МАРКУ”». Эптон Синклер обвиняется в фальсификации фактов о поведении газет. НЕТ НИ ОДНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. Радикалы в аудитории не могут привести ни одного случая контроля рекламодателей над прессой» [Dr. Lee Attacks “The Brass Check” 1921]. Через месяц «Times» опубликовала еще одну статью, в которой сравнила Синклера с «навозной мухой», разносящей грязь и инфекцию: «Доктор Джеймс Мелвин Ли... выявил несколько ложных утверждений в “Медной марке”, книге, в которой мистер Синклер представляет журнализм так, как тот ему видится через разбитые и замутненные очки его собственных убеждений. Теперь мистер Синклер просит у “Times” разместить несколько тысяч слов – его ответ мистеру Ли. Мы тщательно проанализировали сообщение м-ра Ли и ответ м-ра Синклера... и обнаружили, что м-р Ли говорит правду, а м-р Синклер – нет. <...> Возможно, наблюдать за тем, как мистер Ли занимается ловлей мухи, небезынтересно, но уж точно никто из нас не собирается впускать к себе в дом заразное и грязное насекомое» [Few Words, but Enough 1921].

Синклер безуспешно пытался добиться у «Herald» и «Times» возможности высказаться на их страницах и ответить на обвинения: он писал

письма и отправлял телеграммы редакторам и профессору Ли, но не получил ни одного ответа. Тогда он самостоятельно издал брошюру «Преступления “Times”»: проверка газеты на порядочность» [The Crimes of the “Times”: A Test of Newspaper Decency 1921], в которой опубликовал выступление Ли, свое письмо в «Times», которое не было напечатано, и дальнейшую переписку с газетой и профессором. Синклер был в ярости и в предисловии к брошюре обещал: «...я отправлю экземпляр этой книги по почте каждому студенту в университете, где он [Дж. Ли. – Е. К.] преподает, и буду это делать год за годом до тех пор, пока он жив. Никогда больше он не будет говорить о честной игре капиталистических газет простодушным студентам, которые ему верят!» [Sinclair 1921: 4].

На «Медную марку» также вышло несколько объективных, развернутых рецензий, отмечавших как достоинства, так и недостатки книги. Среди них можно выделить два отклика: редактора газеты «Nation» Эрнеста Грининга (Ernest Gruening) и профессора Чикагского университета Куртиса Хитчкока (Curtice Hitchcock), которые активно включились в полемику с автором относительно будущего американской журналистики. Среди достоинств книги они отмечают объективность и достоверность представленной информации, а также актуальность и серьезность поднятой проблемы – текущего неблагоприятного состояния американской прессы. Грининг пишет о «Медной марке»: «Это исчерпывающее, мастерское исследование, факты которого выглядят абсолютно убедительно. <...> Книга могла бы быть озаглавлена “То, что известно каждому журналисту”, так как любой журналист, читая эту книгу, вспомнит собственный точно такой же или похожий опыт»; «...в большинстве случаев американская пресса все меньше и меньше исполняет свои функции – служить всей публике. <...> Газеты до сих пор являются жертвами пропаганды, вызванной войной» [Gruening 1920: 72]. Хитчкок поддерживает и развивает дискуссию, отмечая, что «...существующие новостные колонки... часто отражают, прямо или косвенно, мнение, личные предпочтения или интересы журналиста, редактора или издателя вместо объективного, беспристрастного изложения фактов» [Hitchcock 1921: 336]. Он подчеркивает: «...качество основной массы репортеров вызывает большие сомнения»; «журналистика – это не профессия», поскольку «люди... рассматривают эту работу как временный опыт», «издание газеты стало “бизнесом”, где основной мотив – это прибыль» [ibid.: 341].

Слабыми местами позиции Синклера критики считали его социалистические взгляды и неспо-

способность видеть вещи под другим углом: «Мистер Синклер – социалист. Он смотрит на мир через призму классового сознания и объясняет все зло на свете классовой борьбой. При этом он... не учитывает человеческие слабости – эгоизм, робость, невежество, заблуждение, ангажированность, нехватку гражданского чувства, явную непорядочность – как индивидуальные проявления», – пишет Грининг [Gruening 1920: 72]. Так же считает и Хитчкок: «Причина искажения новостей заключается не в капиталистической коррупции. <...> Существование предвзятых издателей, редакторов и писателей объясняется человеческими, психологическими факторами – наследственностью, воспитанием, социальным положением и личными, а не классовыми интересами и предпочтениями... издатель подвержен этой общей человеческой слабости так же, как... все остальные люди» [Hitchcock 1921: 338]. Грининг также отмечает наивность, отсутствие чувства юмора и «мессианский комплекс» Синклера, считающего себя призванным «очищать общество от скверны»: «Книга Синклера “Медная марка” позиционирует ее автора как героя, который призван вернуть честь и славу американскому журнализму, и в последней главе он сам выдвигает себя на эту роль» [Gruening 1920: 72]. Хитчкок критикует стиль и эмоциональный посыл книги: «...пытаясь создать свой трактат “Медная марка” как “книгу фактов”, беспристрастных свидетельств, Синклер сам нарушает каноны добротной журналистики», подкрепляя это утверждение многочисленными цитатами из «Медной марки», например, «...газетная солидарность – новый вид чести среди воров» [Hitchcock 1921: 336]. На эту же особенность риторики Синклера указывал журнал «New Statesman»: «Синклер использовал для своего диалога с прессой такой тон, который никогда бы не позволил ему достичь цели. Обычная человеческая природа, и в особенности редакторская природа, просто не реагирует на стимул подобного рода»⁶.

Другими трактатами Синклера, направленными против литературного мира, стали «Искусство Маммоны» и «Деньги пишут!». Книга «Искусство Маммоны» сначала вышла в журнале «New Appreal» (номера с 9 августа 1924 г.), а в 1925 г. Синклер издал ее самостоятельно в виде монографии [Arthur 2006: 199]. «Деньги пишут!» Синклер выпустил также самостоятельно в один и тот же год в Пасадене и в Нью-Йорке, сотрудничая с фирмой «Albert&Charles Boni»⁷. Изначально эти два трактата задумывались Синклером как одна книга, но впоследствии из-за обилия материала он разделил ее на две части. По выражению самого Синклера, в первой он «...решил “разгрести грязь” в мировой литерату-

ре» [Sinclair 1962: 235], во второй – критиковал «современных американских писателей, большинство которых продали себя за лимузины» [Harris 1975: 221].

Перспектива появления в печати этих опусов беспокоила не только оппонентов, но и друзей Синклера. Поэт Джордж Стерлинг в письме Синклеру отговаривал его от публикации «Искусства Маммоны»: «Дай мне возможность увидеть всю рукопись целиком. Я опасюсь, что мой друг собирается выставить себя на посмешище перед всем миром, и хочу по возможности уменьшить этот ущерб. ...Книга, должно быть, вызовет шумиху, и думаю, это именно то, чего бы ты хотел. Но я предвижу то, чего ты не ожидаешь: больше всех будут поносить тебя радикалы!.. те, что выпускают журналы “Freeman”, “Liberator”, “Nation” и “New Republic”» [Sinclair 1960: 247].

«Искусство Маммоны» и «Деньги пишут!», по сравнению с «Медной маркой», спровоцировали гораздо меньшее обсуждение в прессе. Упоминание об «Искусстве Маммоны» появилось в рубриках книжных новинок влиятельных журналов «Century» и «Outlook». В «Century» написали: «...он [Синклер. – Е. К.] берется за очень сложную тему, которую сводит к примитивной простоте. Его тезис состоит в том, что все искусство можно безжалостно разделить на то, которое служит богатым, и то, которое служит бедным. Когда мистер Синклер прокладывает между ними глубокую моральную пропасть... он просто совершает насилие над фактами» [Some New Books We Have Read 1925: 126–127].

Тем не менее у Синклера нашлись и союзники. Положительный отзыв об «Искусстве Маммоны» опубликовал близкий друг и соратник Синклера Флойд Делл (Floyd Dell). Он хвалил книгу за честность и гражданскую позицию: «“Искусство Маммоны” – это... дерзкая история литературы и ее создателей, в которой неприличные подробности, которые обычно опускают, не опущены, а названы прямыми словами, как не затушевана и роль, которую они сыграли в жизни некоторых из наших выдающихся литераторов. <...> Синклер хочет, чтобы молодые писатели... были смелыми в своих убеждениях, чтобы они... понимали свою роль в обществе, почему они сталкиваются с трудностями, и почему, несмотря ни на что, они должны продолжать говорить правду» [Dell 1925: 480]. Синклер Льюис в письме Эптону Синклеру тоже отмечал достоинства книги: «Книга “Искусство Маммоны” (хотя я не согласен с некоторыми твоими утверждениями) очень важна для того, чтобы люди избавились от предрассудков по поводу искусства» [Sinclair 1960: 10]. Сыграли свою роль и обширные знакомства Синклера с мировыми

знаменитостями, которые писатель постоянно расширял и старательно поддерживал, в том числе и с целью распространения и поддержки своих идей⁸. Так, например, Синклер получил положительный отзыв о книге от своего знаменитого корреспондента – Махатмы Ганди: «Я читаю книгу “Искусство Маммоны” с всепоглощающим интересом» [Sinclair 1960: 361].

Самым беспощадным критиком трактатов «Искусство Маммоны» и «Деньги пишут!» был Генри Луис Менкен, который занимал в поле литературы позицию безусловного авторитета и жестко отстаивал позиции рыночной литературы, на которую нападал Синклер. Он опубликовал на страницах своего журнала «American Mercury» две разгромные статьи, где критиковал тезисы Синклера о зависимости художника от власти и денежного мешка и о том, что ценность художника измеряется тем, в какой мере он сопротивляется этому давлению. Менкен резко возражал против таких критериев оценки творчества писателей и деятелей культуры, утверждая, что «художников невозможно классифицировать в соответствии с их экономическими теориями», потому что в таком случае место Толстого «позади Айви Ли, пресс-агента Джона Рокфеллера» [Mencken 1925: 253]. Он критиковал социалистические взгляды Синклера на искусство и его теорию эстетики, согласно которой «только те художники, которые любят пролетариат... заслуживают доброго имени» [ibid.: 252]. Возмущение Менкен порой изливал в очень эмоциональных выражениях: «Был Бетховен аристократ или демократ, христианин или язычник. Какая к черту разница?» [ibid.: 253]. Также Менкен откровенно насмехается над попытками Синклера сравнивать учение Маркса и Ницше или Маркса и Иисуса Христа. Как переводчик и активный популяризатор творчества Ницше в Соединенных Штатах, Менкен утверждает: «Тот факт, что Синклер так плохо понял книгу “Так говорил Заратустра”, полностью подрывает доверие к его взглядам» [ibid.].

В статье «Внутренняя чушь», посвященной трактату «Деньги пишут!», Менкен цитирует самые яркие высказывания Синклера по поводу современных американских писателей, например, о том, что большинство современных американских писателей⁹ являются рабами Золотого Тельца, Уолл Стрит, Пенсильванской железной дороги и Джорджа Лоримера¹⁰ и «не только пишут за деньги, но пишут с точки зрения денег» [ibid.]. Он приводит историю Джозефа Хергешаймера, который, «продав себя Морганам... купается в роскоши... развлекает... лонг-айлендских миллионеров... и производит только такую отвратительную пропаганду Уолл Стрит,

как “Яванская голова”, “Цитерия” и “Сан-Кристоваль из Гаваны”» [ibid.], и Шервуда Андерсона, который «вместо того, чтобы наполнять свои книги марксистским негодованием, прибегает к бесстыдному фрейдистскому шарлатанству» [Mencken 1928: 253]. Самого редактора «American Mercury» Синклер обвиняет в главе «Искусственный отбор» трактата «Деньги пишут!»: Менкен, «человек с немецкими корнями и континентальными вкусами», который «всегда любил пропустить стаканчик», получает субсидии от состоятельных лиц, заинтересованных в отмене сухого закона, и поэтому на страницах журнала печатаются только авторы, поддерживающие возвращение салунов, и запрещены те, кто пишет о деструктивных последствиях употребления алкоголя [Sinclair 1927b: 36–37]. Не пытаясь отрицать данные слова и оправдываться, Менкен их цитирует в своей статье и добавляет, что этими состоятельными лицами были Джон Рокфеллер-младший, Себастьян Кресги и Эдвард Бок, а размер субсидий – 10 миллионов долларов [Mencken 1928: 254]. Подобная позиция говорит о том, инвективы Синклера не пугали Менкена и неспособны были подорвать его авторитет, великий редактор потешался над писателем, поместив его высказывания под заголовком, меняющим жанр высказываний с обличительного на комический. Полемика по поводу этих трактатов стала одним из этапов многолетнего противостояния писателя и критика, в котором идейная несовместимость смешивалась с взаимовыгодным сотрудничеством, а любовь с ненавистью¹¹. Несмотря на непримиримые разногласия во взглядах и вкусах, эти два агента литературного поля накапливали символический капитал даже благодаря своим постоянным конфронтациям.

Выход в свет этих трактатов крайне негативно сказался на репутации Синклера: в результате бойкота, высмеивания и прицельной критики писателя в прессе он был выставлен чудачком, социалистом-фанатиком. По этой причине затеянная им война с коррупцией в журналистике и литературе не снискала ему союзников и была, по сути, проиграна. Позиции поставщиков рыночной литературы были очень прочными, и их подкреплял значительный финансовый капитал, поэтому одинокому мятежнику, восставшему против целой индустрии, оказалось не под силу с ними сражаться. Исследователи отмечают, что в 1920-е гг. все слова Синклера были брошены в пустоту¹². Тем не менее определенную реакцию в обществе «разгребательство» Синклера вызвало. Спровоцированные трактатом «Медная марка» дебаты вокруг проблемы коррупции в журналистике обусловили появление нескольких книг: У. Липпман «Свобода и новости» (*Liberty*

and the News, 1920), Н. А. Кроуфорд «Этика журнализма» (*Ethics of Journalism*, 1924), Э. Грининг «Публика платит: исследование всемогущей пропаганды» (*The Public Pays: A Study of Power Propaganda*, 1931), – и эта коллективная сила в итоге повлияла на общественное сознание: в 1922 г. было создано «Американское общество редакторов газет» (*American Society of Newspaper Editors*), в 1923 г. принят этический кодекс «Каноны журнализма» (*Canons of Journalism*) [Grenier 1972: 345]. Об историческом значении трактата «Медная марка» заговорили гораздо позже, уже после смерти писателя (см. подробнее: [Grenier 1972], [Marcaccio 1984], [McChesney, Scott 2002]). Трактаты «Искусство Маммоны» и «Деньги пишут!» не произвели подобного эффекта, были забыты, и сам Синклер в своих мемуарах 1962 г. говорит о них лишь несколько слов [Sinclair 1962: 87, 235–236].

Примечания

¹ Медной маркой назывался жетон, которым расплачивались посетители публичных домов. Синклер использует этот образ, сравнивая журналистов с продажными женщинами.

² Точные цифры об объеме тиражей Синклер приводит на обороте 9-го издания «Медной марки» 1928 г.

³ *The Toiler*. 1920. Aug. 13, Aug. 20, Aug. 27, Sept. 17, Oct. 30.

⁴ См. статьи в газетах: [Brown 1920], [Books by Heywood Brown 1920], [Some of Our Past Laid Bare by the Author of “Brass Check” 1920].

⁵ Реклама была дана в номере «*New York Tribune*» [New York Tribune 1920. Oct. 10. P. 11].

⁶ *The Daily Press on Trial* // *New Statesman*. 1920. Oct. 23. Цит. по: [Grenier 1979: 341].

⁷ Синклер пишет об этом: «Хотя ранее я пять книг издал самостоятельно, в этот раз не было так много судебных исков о клевете, поэтому я нашел издателя. С тех пор на долгие годы вперед моим условием было то, что у меня свое издание, у издателя – свое, но продаем мы их по одной цене». Цит. по: [Sinclair 1962: 235].

⁸ Об этой стратегии Э. Синклера см.: [Кешарпу 2019].

⁹ Список обвиняемых Синклером писателей огромен, в него входят: Джеймс Брэнч Кейбелл (*James Branch Cabell*), Джозеф Хергешаймер (*Joseph Hergesheimer*), Синклер Льюис (*Sinclair Lewis*), Гертруда Атертон (*Gertrude Atherton*), Карл Сэндберг (*Carl Sandburg*), Карл Ван Вехтен (*Carl Van Vechten*), Эдна Фарбер (*Edna Ferber*), Джек Лондон (*Jack London*), Эдгар Ли Мастерс (*Edgar Lee Masters*), Бут Таркингтон (*Booth Tarkington*), Уоллес Ирвин (*Wallace Irwin*), Руперт Хьюз (*Rupert Hughes*), Стюарт Эдуард Уайт

(*Stewart Edward White*), Зейн Грей (*Zane Grey*), Роберт Херрик (*Robert Herrick*), Уинстон Черчилль (*Winston Churchill*), Эдит Уортон (*Edith Warton*), Шервуд Андерсон (*Sherwood Anderson*) и мн. др.

¹⁰ Джордж Лоример – американский журналист, писатель и издатель, редактор журнала «*Saturday Evening Post*» с 1899 по 1937 г.

¹¹ Об этом подробнее см.: [Remley 1974].

¹² О других причинах неудач Синклера также см.: [Smith 1990].

Список литературы

Кешарпу Е. В. Писательские и издательские стратегии Э. Синклера // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2019. № 4. (В печати).

Arthur A. *Radical Innocent: Upton Sinclair: The Extraordinary Story of How the Author of “The Jungle” Set Out to Change America.* New York: Random House, 2006. 380 p.

A Socialist in Capitalism // *New York Herald*. 1920. Dec. 24. P. 8.

Books by Heywood Brown // *New York Tribune*. 1920. May 3. P. 8.

Brown H. “The Brass Check” Charges a General Conspiracy of Dishonest Propaganda // *New York Tribune*. 1920. Mar. 28. P. 9.

Dell F. A Shelf of Recent Books: Two Boys and a Book // *Bookman*. 1925. June. P. 480–481.

Dr. Lee Attacks “The Brass Check” // *New York Times*. 1921. Feb. 21. P. 11–12.

Few Words, but Enough // *New York Times*. 1921. March. 29. P. 14.

Grenier J. Upton Sinclair and the Press: The Brass Check Reconsidered // *Journalism Quarterly*. 1972. № 49 (fall). P. 427–436.

Gruening E. What Every Newspaper Man Knows // *Nation*. 1920. July 17. P. 72–73.

Harris L. Upton Sinclair: American Rebel. New York: Thomas Y. Crowell, 1975. X, 435 p.

Hitchcock C. N. The Brass Check: A Study of American Journalism // *Journal of Political Economy*. 1921. Vol. XXIX, № 4. P. 336–348.

Marcaccio M. D. Did a Business Conspiracy End Muckraking? A Reexamination // *The Historian*. 1984. Vol. XLVII, № 1 (November). P. 58–71.

McChesney R. W., Scott B. Upton Sinclair and the Contradictions of Capitalist Journalism // *Monthly Review*. 2002. May 1. P. 1–14. URL: <https://monthlyreview.org/2002/05/01/upton-sinclair-and-the-contradictions-of-capitalist-journalism/> (дата обращения: 09.01.2019).

Mencken H. L. Four Critics of Letters (“Mammonart” by Upton Sinclair; “The Newer Spirit” by Victor F. Calverton; “Studies from Ten Literatures” by Ernest A. Boyd; “Art Principles in Literature” by

Francis P. Donnelly) // *American Mercury*. 1925. June. P. 252–253.

Mencken H. L. Inside Stuff (“Money Writes!” by Upton Sinclair) // *American Mercury*. 1928. February. P. 253.

Notes on New Books (“Mammonart” by Upton Sinclair) // *Outlook*. 1925. June 17. P. 268–271.

Remley D.A. Upton Sinclair and H. L. Mencken in Correspondence: “An Illustration of How Not To Agree” // *Southern California Quarterly*. 1974. № 4 (winter). P. 337–358.

Sinclair U. *Mammonart: An Essay in Economic Interpretation*. Pasadena: Sinclair, 1925. VI, 390 p.

Sinclair U. *Money Writes! A Study of American Literature*. Pasadena: Sinclair, 1927a. 227 p.

Sinclair U. *Money Writes!* New York: Albert & Charles Boni, 1927b. 227 p.

Sinclair U. *My Lifetime in Letters*. Columbia: University of Missouri Press, 1960. XXI, 412 p.

Sinclair U. *The Autobiography of Upton Sinclair*. New York: Harcourt, 1962. 342 p.

Sinclair U. *The Brass Check: A Study of American Journalism*. Pasadena: Sinclair, 1920. 445 p.

Sinclair U. *The Crimes of the “Times”: A Test of Newspaper Decency*. Pasadena: Sinclair, 1921. 31 p.

Smith J. K. Counting the Cats of Zanzibar: Upton Sinclair and the Decline of the Muckraking Movement: Report at the Annual Meeting of the Eastern Communication Association. April 19–22, 1990. 21 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED32-2544.pdf> (дата обращения: 09.01.2019).

Some New Books We Have Read (“Mammonart” by Upton Sinclair) // *Century*. 1925. May. P. 126–128.

Some of Our Past Laid Bare by the Author of “Brass Check” // *New York Tribune*. 1920. May 9. P. 5.

The Rumely Conviction // *New York Tribune*. 1920. Dec. 20. P. 10.

References

Kesharpu E. V. Pisatel'skie i izdatel'skie strategii E. Sinklera [Upton Sinclair's Writing and Publishing Strategies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2019, issue 4. (In print). (In Russ.)

Arthur A. *Radical Innocent: Upton Sinclair: The Extraordinary Story of How the Author of ‘The Jungle’ Set Out to Change America*. New York, Random House, 2006. 380 p. (In Eng.)

A Socialist in Capitalism. *The New York Herald*, 24 Dec. 1920, p. 8. (In Eng.)

Books by Heywood Brown. *New York Tribune*, 3 May 1920, p. 8. (In Eng.)

Brown H. ‘The Brass Check’ Charges a General Conspiracy of Dishonest Propaganda. *New York Tribune*, 28 Mar. 1920, p. 9. (In Eng.)

Dell F. A Shelf of Recent Books: Two Boys and a Book. *Bookman*, June 1925, pp. 480–481. (In Eng.)

Dr. Lee Attacks ‘The Brass Check’. *New York Times*, 21 Feb. 1921, pp. 11–12. (In Eng.)

Few Words, but Enough. *New York Times*, 29 Mar. 1921, p. 14. (In Eng.)

Grenier J. Upton Sinclair and the Press: The Brass Check Reconsidered. *Journalism Quarterly*, 1972, issue 49 (fall), pp. 427–436. (In Eng.)

Gruening E. What Every Newspaper Man Knows. *Nation*, 17 July 1920, pp. 72–73. (In Eng.)

Harris L. *Upton Sinclair: American Rebel*. New York, Thomas Y. Crowell, 1975. X, 435 p. (In Eng.)

Hitchcock C.N. The Brass Check: A Study of American Journalism. *Journal of Political Economy*, 1921, vol. 29, issue 4, pp. 336–348. (In Eng.)

Marcaccio M.D. Did a Business Conspiracy End Muckraking? A Reexamination. *The Historian*, 1984, vol. 47, issue 1 (November), pp. 58–71. (In Eng.)

McChesney R. W., Scott B. Upton Sinclair and the Contradictions of Capitalist Journalism. *Monthly Review*, 01 May 2002, pp. 1–14. Available at: <https://monthlyreview.org/2002/05/01/upton-sinclair-and-the-contradictions-of-capitalist-journalism/> (accessed 09.01.2019). (In Eng.)

Mencken H. L. Four Critics of Letters (‘Mammonart’ by Upton Sinclair; ‘The Newer Spirit’ by Victor F. Calverton; ‘Studies from Ten Literatures’ by Ernest A. Boyd; ‘Art Principles in Literature’ by Francis P. Donnelly). *American Mercury*, June 1925, pp. 252–253. (In Eng.)

Mencken H. L. Inside Stuff (‘Money Writes!’ by Upton Sinclair). *American Mercury*, February 1928, p. 253. (In Eng.)

Notes on New Books (‘Mammonart’ by Upton Sinclair). *Outlook*, 17 June 1925, pp. 268–271. (In Eng.)

Remley D.A. Upton Sinclair and H. L. Mencken in Correspondence: ‘An Illustration of How Not to Agree’. *Southern California Quarterly*, 1974, issue 4 (winter), pp. 337–358. (In Eng.)

Sinclair U. *Mammonart: An Essay in Economic Interpretation*. Pasadena: Sinclair, 1925. VI, 390 p.

Sinclair U. *Money Writes! A Study of American Literature*. Pasadena: Sinclair, 1927. 227 p.

Sinclair U. *Money Writes!* New York: Albert & Charles Boni, 1927. 227 p.

Sinclair U. *My Lifetime in Letters*. Columbia, University of Missouri Press, 1960. XXI, 412 p. (In Eng.)

Sinclair U. *The Autobiography of Upton Sinclair*. New York, Harcourt, 1962. 342 p. (In Eng.)

Sinclair U. *The Brass Check: A Study of American Journalism*. Pasadena, Sinclair, 1920. 445 p. (In Eng.)

Sinclair U. *The Crimes of the 'Times': A Test of Newspaper Decency*. Pasadena, Sinclair, 1921. 31 p. (In Eng.)

Smith J.K. Counting the Cats of Zanzibar: Upton Sinclair and the Decline of the Muckraking Movement: Report at the Annual Meeting of the Eastern Communication Association. April 19–22, 1990).

21 p. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED322544.pdf> (accessed 09.01.2019). (In Eng.)

Some New Books We Have Read ('Mammonart' by Upton Sinclair). *Century*, 1925, May, pp. 126–128. (In Eng.)

Some of Our Past Laid Bare by the Author of 'Brass Check'. *New York Tribune*, 09 May 1920, p. 5. (In Eng.)

The Rumely Conviction. *New York Tribune*, 20 Dec. 1920, p. 10. (In Eng.)

**UPTON SINCLAIR AGAINST THE LITERARY MARKET:
THE RECEPTION OF THE TREATISES 'THE BRASS CHECK',
'MAMMONART' AND 'MONEY WRITES!' IN THE AMERICAN PRESS, 1920s**

Ekaterina V. Kesharpu

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. ekaterina.silyuk@gmail.com

SPIN-code: 9683-3837

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7873-0896>

ResearcherID: A-3345-2019

Submitted 10.01.2019

The paper analyzes the critical response to Upton Sinclair's *The Brass Check* (1920), *Mammonart* (1925) and *Money Writes!* (1927) in the American periodicals of the 1920s. The three treatises were conceived by the author as a well-planned attack on the literary market of America, the capitalist press, publishing industry, modern American writers and historical figures known to be on the payroll of tycoons. The reaction of the periodicals is particularly interesting, because it represents the immediate response of the literary world to Sinclair's accusations of corruption, bias and servility to 'Mammon'. This article raises the problem of complicated relationship between the writer and the literary market, especially if the writer is swimming against the current and sets an ambitious goal to clear the market of dirty commerce and to assert the value of decency, partnership and highest ideals. As for the methodology, Pierre Bourdieu's concept is central for the research, which allows us to regard Upton Sinclair and his opponents (the press, critics and editors) as agents in the literary field occupying a certain position, being interconnected by structural relations and competing not only for the financial but for the symbolic capital as well – i. e. for the authority in the literary field and the right to set out their own standards. The article shows different tactics of the 'information war', which depend on the initial position of the agents: the capitalist press boycotted Sinclair refusing to publish his articles and strove to destroy his reputation by well-aimed criticism; Sinclair published his books and pamphlets by himself and relied on socialists in America and abroad that could give him support. Despite the fact that Sinclair's war against corruption in journalism and literature was actually lost, these treatises caused a sharp debate on this problem in the American society.

Key words: American literary history; Upton Sinclair; *The Brass Check*; *Mammonart*; *Money Writes!*; reviews; American periodicals of the 1920s; literary field; agents in the literary field; symbolic capital.

УДК 821.112

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-102-109

РОМАН КЛАУСА ХОФФЕРА «У БИРЕШЕЙ» КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ РЕБУС

Галина Васильевна Кучумова**д. филол. н., профессор кафедры немецкой филологии****Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева**

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34. gal-kuchumova@mail.ru

SPIN-код: 1072-4633

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

ResearcherID: S-2848-2017

Статья поступила в редакцию 12.03.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кучумова Г. В. Роман Клауса Хоффера «У бирешей» как постмодернистский ребус // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 102–109. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-102-109

Please cite this article in English as:

Kuchumova G. V. Roman Klaus K Hoffera «U bireshey» kak postmodernistskiy rebus [The German Novel ‘Bei den Bieresch’ by Klaus Hoffer as a Postmodern Rebus]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 102–109. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-102-109 (In Russ.)

Рассматривается постмодернистский роман «У бирешей» австрийского автора Клауса Хоффера. Примечательно появление перевода романа в русскоязычном поле рецепции. На читателя возлагается задача по разгадыванию сложного текста-ребуса, исследователю же предоставляется возможность вновь обратиться к истокам немецкого постмодернизма. Рассматривается интертекстуальная структура романа как гипертекста, насыщенного отсылками к литературным и философским текстам (Ф. Кафка, С. Беккет, М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр и др.). Пристальное внимание к его жанровым особенностям позволяет констатировать, что это роман путешествия с ярко выраженной «воспитательной составляющей». Традиционная модель бытия в нем перевернута. Обыгрываются два модуса человеческого существования – повседневность и путешествие. Повседневная жизнь изображается как неустойчивая форма бытия: акцентируется текучесть, взаимообратимость всего, «разрывы бытия». Путешествие-инициация главного героя, напротив, имеет направленный вектор и определяется вехами (семь наставников). В романе выявляется головокружительная мнемоника кафкианско-беккетовского мира абсурда и пуганицы. «Познавательное путешествие» героя напоминает мнемоническое перемещение по музею восковых фигур. В этом театре памяти говорящие фигуры наставников транслируют ему основополагающие базовые знания о мире в форме небылиц, загадок или ребусов. В романе проблематизируются важные вопросы постмодернистской культуры: «расщепленный» субъект, «плавающая» идентичность, самоидентификация, сакральность слова, циркуляция текстов, «пустых знаков», топос «напрасных поисков». Рассматривается феномен «потлач» как одно из проявлений «антиструктуры», что также коррелируется с миром постмодернизма.

Ключевые слова: роман «У бирешей»; Клаус Хоффер; интертекстуальность; специфика жанра; перевернутость бытия; самоидентификация; циркуляция текстов; потлач.

Предлагаемое исследование ставит целью рассмотрение уникального романа австрийского писателя Клауса Хоффера (*Klaus Hoffer*, р. 1942) «У бирешей» (*Bei den Bieresch*, 1979/1983) как сложного постмодернистского ребуса. Введение романа в русскоязычное поле рецепции [Хоф-

фер 2017] дает возможность отечественному исследователю вновь обратиться к истокам немецкого постмодернизма, когда утверждался новый принцип текстовой реальности с ее характерной лабиринтно-ризоматической структурой и игровым принципом ее осмысления, и

тем самым уточнить общую картину немецкого постмодернизма.

Роман «У бирешей» наряду с другими знаковыми произведениями этого периода – «Commedia» Герольда Шпета и «Марбот» Вольфганга Хильдесхаймера – образует корпус первых романов, знаменующих вхождение немецкоязычной литературы в мировой контекст постмодернизма с его характерным способом оценки и истолкования действительности [Гладилин 2011: 162]. Роман «У бирешей» утверждает новый тип книги, основанный на нелинейном принципе ее организации. Хоффер, вслед за Деррида, деконструирует тотальность традиционной модели книги, «книги как круга», замкнутого, закрытого, завершеного мира [Скоропанова 2001: 25–26]. В постмодернистском пространстве новая природа художественного текста предполагает объединение в единое целое несоединимых и разнородных фрагментов текстов, идей, мнений, интерпретаций и множественности голосов [Landvoigt 1990]. Постмодернистский роман предстает как аллюзивный ребус, как «постмодернистский лабиринт» [Гладилин 2010], как творческая игра с культурными мифами по принципу «все сойдется» (*anything goes*).

Роман «У бирешей» сложен для восприятия, он требует «сильного читателя», способного пройти по лабиринту текстов мировой культуры. Хоффер создает мощную симфонию текстовой культуры постмодернизма, открывает и провозглашает реальность литературную, где все перепутано, составлено из обрывочных цитат, «осколков» текстов. В сферу романа как гипертекста вовлекаются мифы и легенды прошлого, архаические модели и космогонические теории, литературные и философские тексты (М. Хайдеггер, С. Беккет, Ф. Кафка и др.). Постмодернистская мозаичная реальность с ее открытым диалогом культур, интертекстуальностью, сомнениями в универсальности всяких канонов и иерархий застывает на уровне знаковой игры, перекодировок, розыгрышей и перевертышей.

Путь к распутыванию этой картины весьма затруднен, о чем заявляет сам автор уже в эпилоге к роману.

«Die Hände des Fleißigen ruhen. Nichts regt sich, die Luft ist glatt wie ein Spiegel. Möglich, dass woanders gerade ein Verbrechen geschieht, so namenlos, so kraftlos ist alles. „Wie heiße ich?“ lautet da deine Frage. Und die Antwort ist dieses Summen, dieses Rauschen. Es ist das Geräusche, das von den Haaren der Welt herrührt, die sich in ihrem riesigen Bett auf die andere Seite dreht» [Hoffer 2007: 11].

«Покоятся руки усердного. Ничто не шелохнется, воздух недвижим, как зеркало. <...> «Как мое имя?» – спросишь ты в такую минуту. И от-

ветом будет сие немолчное гудение, сей шелест. Тот шорох, что исходит от самых волос мира, поворачивающегося на другой бок в своей огромной постели» [Хоффер 2017: 8]. Эпиграф задает ключевые образы романа: руки человека, в свободном порядке перетасовывающие элементы культуры и текстовые фрагменты; библиотека-лабиринт (по типу Борхеса, У. Эко), в таинственных недрах которого герой тщетно ищет свое имя, пытаясь в многочисленных зеркалах увидеть свое Я.

Две главы романа «Мал-помалу» и «Большой потlach» объединяет фигура героя-рассказчика, совершающего путешествие в мир запутанных смыслов и несуразниц. Глава первая предваряется текстом под названием «Цик», которое ассоциативно связывается со звукоподражательным словом из немецкого языка *Zickzack* (движение туда/сюда, вперед / назад, влево / вправо, шов «зигзаг») и, соответственно, настраивает читателя на обратимость всего и вся.

За пределами монотонно повторяющихся монологов собеседников главного героя романа существует некое определенное событие – его «мнемоническое» и реальное путешествие. Путешествие героя-рассказчика инициируется событием, содержащим «парадоксальный элемент», соответственно, и сам путь героя структурируется чередой парадоксальных событий. На «край земли», в «затерянный мир» древнего племени, именуемого себя «бирешами», прибывает молодой человек, некто Ханс. Как старший из ближайших родственников, он должен исполнить старинный родовой ритуал: отказавшись от собственного «Я», стать своего рода «держателем места» покойного дяди, жить в течение года в его доме, носить его одежду, вести хозяйство, делить супружеское ложе с его вдовой, исполнять служебные обязанности работника почты.

В романе, сохраняющем «жанровую память» (М. Бахтин) романа-путешествия, автор перерабатывает традиционную модель бытия, предполагающую два модуса человеческого существования – повседневность и путешествие [Beckermann 1990: 429]. В перевернутом мире пространство повседневности, устойчивое, стабильное и представленное репрезентативным мышлением, нарушено. В нем образуются характерные для постмодернистской реальности «трещины», «разломы», «разрывы бытия». (Центральная метафора «трещина» отражает постмодернистскую ситуацию драматического разлома как пространственно-временной структуры бытия, так и «расщепленного субъекта».) Напротив, «познавательное путешествие» героя определено и напоминает мнемоническое перемещение по музею восковых фигур. В этом театре памяти гово-

рящие фигуры (семь наставников героя) транслируют ему основополагающие базовые знания о мире в форме небылиц, загадок или ребусов [Кучумова 2018]. Перевернутость мира обнаруживается и в жизненном укладе общины бирешей. Деревушка Цик населена людьми, не имеющими никакого отношения к аграрной провинции: в романе отсутствуют описания сельскохозяйственных работ и орудий труда. Деревенские жители не сеют и не жнут, но предаются праздным занятиям, они ведут «заумные» разговоры, увлечены играми (в кости, бильярд, шахматы). Свою жизненную установку раскрывают бесхитростно: «Мы не живем, мы объясняем жизнь» [Хоффер 2017: 66].

Все социальные и биологические процессы в общине бирешей длятся без видимого смысла, без высшей цели, их результатами становятся скудное натуральное хозяйство, убожество социальной жизни обитателей деревни, обнищание и беспросветность их существования. Вырождение страны бирешей явственно воплощается как в семейных отношениях (мезальянс, инцест, взаимообмен супругами), так и во внешнем уродстве жителей. Физиологические отклонения бирешей, наследуемые из поколения в поколения, – это дистрофическая худоба, дефекты «куриная грудь» и «птичья голова», уродливые наросты на суставах, горб на спине, косоглазие, дефекты речи и один, всех их объединяющий, порок, психическое заболевание особого рода – безостановочное говорение.

Путешествующий герой отмечает странное поведение жителей деревушки: один безостановочно говорит, другой считает, третий качается как маятник, некоторые подолгу разговаривают с вещами своих предков. В романе стоит гул голосов, сигналов, знаков, объединенных в некую какофонию. Автор дает в романе образ коммуникативной избыточности, лежащий за пределами истины и лжи, добра и зла и не подчиняющийся логике суждений и иерархий. Странности деревушки бирешей, головокружительная мнемоника кафкианско-беккетовского мира абсурда и путаницы, текстовое насилие и, соответственно, стресс, вызванный отсутствием предсказуемости чужой беседы, – все это вызывает у Ханса «экзистенциальную тошноту», слабость, головокружение, или, как говорят бирешей, «сухопутную морскую болезнь» [там же: 62].

В незамысловатый сюжет путешествия, инвариант которого основан на архесюжете инициации, вплетена «воспитательная составляющая» романа. Семь наставников (крестные и тетушка) ведут с героем долгие разговоры, знакомят с некоторыми обычаями, жизненным укладом и мифами этой деревушки, излагают свое видение

мира. Используя элементы жанра небылицы, путаницы как универсального для многих культур эстетического опыта (примитивное художественное смещение, остранение), Хоффер создает в романе эффект «запутанности». Стратегию намеренного запутывания читателя обстоятельно отслеживает Штефани Кройцер, автор единственной зарубежной монографии о данном романе [Kreuzer 2007]. «Запутанностей» разного рода в романе достаточно много, например, теория обратного приговора, теория атомарного обмена, теория невозвратных идей, идея вечного перерождения и другие, которые излагают окончательно запутавшемуся в новой жизни герою его наставники.

Путешествующий герой предстает в романе как яркий пример деиндивидуализированного картезианского субъекта, который не вправе суверенно распоряжаться собственными представлениями, а сама «община бирешей» – как коллективный субъект «мы». Причем каждый из бирешей настолько часто меняет свою идентичность, наделяя себя несколькими именами, что сам путается в своей значимости и запутывает других.

Первым наставником героя в его мнемоническом путешествии выступает его тетушка. Странность общины она объясняет родовым проклятием, которое с самого первого дня тяготеет над бирешами, замкнутыми в лабиринте своей злосчастной истории. Вместе с тем она уточняет: «Наша тоска по родине – тоска по себе самим. Ведь никому из нас не дано быть таким, каков он есть ...» [Хоффер 2017: 135].

Персонажи романа постоянно заняты созданием историй о мире и о себе, о животных или предметах. Необходимость рассказывать истории есть и симптом «угасающей» идентичности, и способ самопрезентации человека, и самоутверждение его личностных границ, и попытка их удержать, и способ существования. Несомненно, здесь постулируется нарративный модус человеческой жизни.

Второй рассказ ведет пожилой крестьянин по имени Цердахель. Он обращает внимание Ханса на то, что все жители имеют говорящие имена: Вороватый, Заика, Рыбак-что-не-умеет-плавать, Острый и быстрый, Вода-бегущая-домой, Сломя голову, Едва начал и др. Бирешей увлеченно и постоянно все переименовывают, меняются друг с другом именами с целью «вытряхнуть смысл слова из его вместилища» [там же: 51], зная при этом, что поступать так нельзя.

Цердахель раскрывает герою интертекстуальный характер бытия: реальность деревушки Цик оказывается суммой собственных имен ее жителей. Из имен складывают песни, плетут забавные

истории. Одни вымышленные истории они присваивают себе, другие – приписывают другим. Особенно популярна среди них «игра в имена»: все имена членов общины бирешей складываются таким образом, чтобы в результате их последовательного нанизывания возникла законченная, связанная история. Если таковая получится, то, согласно старинному пророчеству, весь народ бирешей будет спасен и каждый человек как автономный субъект сможет идти своей дорогой.

Хоффер изображает своего героя как квинтэссенцию авторской фигуры, которая лишь получает сигнал, словно находясь в описанной Р. Бартом «эхокамере», где «гудят, сталкиваются и переплетаются самые разные голоса, доносящиеся извне, и где трудно расслышать звучание лишь одного голоса» [Косиков 2009: 25].

Автор романа последовательно через своих персонажей репродуцирует непрерывный речевой поток, гул вселенной, воспроизводит текстовый хаос. Живым воплощением вселенского хаоса становится третий наставник по имени Де Зелби (*Derselbe*, нем. тот же самый). Он признается, что вместо него разговаривают Слова и что его монолог принадлежит его Рту. «Не Я говорю, а язык говорит через меня» [Хоффер 2017: 52]. Несомненно, здесь отсылка к рассуждениям Мартина Хайдеггера о языке. Немецкий философ понимал конвенциональный язык не столько как средство коммуникации и как уже сложившуюся структуру, сколько прежде всего как способ существования мира, голос бытия, на который отзывается человек [Хайдеггер 2007: 369]. Хайдеггер акцентирует присутствие немислимого в каждом произносимом слове или той самой «изначальной, сущностной и поэтому одновременно последней речи (*Sprechen*), которая говорит языком через человека» [Хайдеггер 2010: 153].

Изошренная интертекстуальная игра со знаками и в знаки, вся эта путаница, нагромождение выхолощенных знаков и симулятивных форм тематизируют онтологическую тоску по целостному бытию, что проговаривается в тексте романа повсеместно. Старшее поколение, к которому принадлежит наставник Цердахель, еще обучали в школах сакральности слова, учили понимать мелодию слов и смену звуков. Нынешние молодые, сетует Цердахель, больше не вслушиваются в тайную глубину слова, они важничают, жонглируют ими, изобретая новые имена и новые значения [Хоффер 2017: 52].

В романе Хоффер обращается к важному вопросу бытия: «Что есть слово?» Во множестве современных дискурсов – литературоведческом, лингвистическом, социологическом, психологическом, философском – главной функцией слова объявляется функция коммуникативная, истин-

ная же жизнь слова остается невнятной. Вслед за Хайдеггером писатель отстаивает полноценное онтологическое слово, которое не является коммуникативным, поскольку в каждом слове есть абсолютный инвариант, главный смысл, не нуждающийся в передатчике или приемнике.

Выразителен в романе фрагмент «Волчок, который тебя вертит», почти дословно повторяющий новеллу Франца Кафки «Волчок» (*Der Kreisel*, 1920). В свою очередь, новелла Кафки прямо указывает на работу З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). Фрейд, знаток человеческих желаний, наблюдает игру полуторагодовалого ребенка: тот бросает деревянную катушку, затем притягивает ее за нитку к себе, и так многократно повторяя движения «туда-сюда». Эту игру, на первый взгляд бессмысленную, Фрейд рассматривает как попытку восстановления утраченной целостности мира (связь матери и ребенка). Та же игровая сцена воспроизводится и в новелле Кафки. Философ наблюдает за игрой детей в волчок, но стоит ему взять в руки деревянную фигурку юлы, как его интерес к ней сразу пропадает, и он печально отходит в сторону. У Хоффера в увлекательной игре «волчок» (аллегория литературы) биреши видят первый, решительный шаг на пути к познанию [там же: 48].

Шестой наставник Люмьер, человек-маятник, настойчиво пропагандирует игру в шахматы. Он полагает, что умственно путешествуя в иных мирах, биреши оказываются в неподвластном им детерриторизованном пространстве, ориентироваться в котором можно лишь способом «членения» заданными значениями и кодами, имеющимися в арсенале иерархических систем (образ шахмат, Ж. Делёз). Отметим, что архитектура романа выполнена по модели шахматной доски, которая и определяла принципы перемещения внутри романического пространства, распределение его элементов, предметов, событий. Внешняя хронология практически исчезает. Бытовая жизнь бирешей выводится за скобки. Замедление времени автор передает в развернутых синтаксических конструкциях, в распутывании сложных ассоциативных ходов, в двойных отсылках к философскому или литературному источнику. Такая организация художественного целого требует особого читательского поведения, «сильного читателя», воспитанного культурой фрагментарного и ризоматического дискурса, мнемонического путешествия в пространстве мировой культуры.

Суть еще одной любимой игры бирешей разъясняет Хансу наставник Де Селби. Игра «аблаковать» (*ablak* с венг. – окно) заключается в подражании чужим голосам. Человек сидит и разгова-

ривает голосом другого сам с собой и себе же отвечает голосом третьего, невидимого собеседника. Де Селби признается, что в этом случае говорит не сам человек, а некто другой, который приотворяет окошко его рта и завладевает инициативой разговора.

Четвертый наставник по имени Наоборотистый акцентирует внимание Ханса на процессе постоянно творящейся идентичности бирешей, отвергая природную идентичность как нечто «затвердевшее» [Хоффер 2017: 97]. Здесь постмодернистское понимание того, что человек есть перетекание различных индивидуальностей, происходящее во времени (С. Беккет). Человеческая индивидуальность, его Я, существует лишь как слово, мнение же других о человеке как о чем-то постоянном есть всего лишь одна из множества человеческих иллюзий.

В жизни бирешей зеркальная смена ролей, имен, занятий, взаимоотражения в словах и репликах отчетливо формулируют позицию субъекта, взятого в аспекте практики визуальной самоидентификации («субъект на стадии зеркала») [Лакан 1998: 130]. Практику узнавания себя в зеркале бирешей полагают чрезвычайно важной для самоидентификации. В своих теоретических построениях Лакан при помощи образа зеркала показывает, что человек – это событие, которое опосредуется в своем самосознании собственным образом тела, и потому зеркало может служить критерием подлинности существования. Лишь подлинно существующее «удостоено было высокой онтологической чести отражаться в зеркалах» [Иваненко, Корецкая, Савенкова 2014: 253]. Отсюда понятен специфический интерес бирешей к производству зеркал. В огромных мастерских изготавливаются зеркала особого качества, которые никогда не тускнеют и в которых изображение дается не перевернутое справа налево, а так, как оно есть на самом деле. Есть и такие зеркала, которые подмигивают, когда в них кто-то смотрит. Или, например, «зеркала, которые днем оставались чернехоньки, а ночью отображали картины, сияющие яркими красками!» [Хоффер 2017: 141].

Текстовая природа сознания в сюжете о путешественнике корректируется возвращением к материальному потоку жизни. Так, наставник Де Селби знакомит героя с теорией атомарного обмена, согласно которой человек постепенно превращается в тот предмет, с которым он постоянно контактирует [там же: 279]. В коловращении всего стираются границы живого / неживого, человека/вещи: вещи вырабатывают «вещеречь», которая плодит «человеко-вещь». Зброшенный и проклятый мир бирешей наводнен вещами-людьми. Тачка, постоянная спутни-

ца в работе Ханса, имеет рукояти по форме человеческих ладоней. Кронштейны фонарей отлиты из черного чугуна по форме человеческих рук. Конец бильярдного кия представляет собой рельефное изображение беременной женщины с огромными выпирающими грудями. Напротив, человеческие руки, длинные и тощие руки могильщика, шкуродера Йеля Идзё производят впечатление протезов. Жизненная установка бирешей гласит: «Мы сами вкладываем себя в вещи» [там же: 138]. Самозабвенно и часами они могут смотреть на какой-нибудь предмет, прислушиваясь к тайным разговорам вещей. «Самое трудное – видеть вещи такими, как они есть» [там же: 140], изрекает еще один романский персонаж романа по имени Лампочка.

Вторая часть романа посвящена социокультурному феномену «потлач». Его подробно описывает еще один наставник героя – Литфас. Мир бирешей, глубоко архаичный, являет собой категорическое отрицание прогресса: жители деревушки, не привязанные к системе и свободные от социальных обязательств, имеют прямые, немстифицированные обществом отношения. Практикуемый здесь обряд потлача погружает бирешей в систему взаимного обмена словами, идентичностями, именами, теориями, историями, вещами, супругами, домами.

Первобытный символический обмен взаимного одаривания детально изучен в антропологических исследованиях (Клод Леви-Стросс, Марсель Мосс) и в социально-философских трудах (Ж. Батай, Ги Дебор, Ж. Бодрийяр). Потлач предполагает свободную циркуляцию даров, свободное обращение «знаков» в обществе равных, где отсутствует система власти [Батай 2003: 58–69]. Такой тип субъективно переживаемого обмена позволяет человеку приводить в движение культурные ценности рода и не накапливать материальные ценности в пользу отдельных личностей. Потлач выступает как время свободного, неограниченного «обращения» слов, поступков, даров (положительная темпоральность) и как состязание (агонистический характер), дающие человеку опыт суверенного существования. И потому циркуляция вещей всегда на деле оказывается циркуляцией личностей [Бодрийяр 2000]. Нарушение же циркуляции вещей приводит к возникновению «сгустков власти» и феноменов накопления богатств (отрицательная темпоральность) [Зенкин 2000: 28].

В романе феномен «потлач» художественно осмысливается как коллективный опыт пограничного состояния и как одно из проявлений «антиструктуры» [Тэрнер 1983]. Несомненно, такой тип антиструктуры коррелирует с реальностью постмодернизма, в которой идет такой же актив-

ный и безвозмездный обмен текстами культуры, осуществляется свободная циркуляция «знаков».

Итак, в романе «У бирешей» Клаус Хоффер создает прецедент новой литературной формы, расширяющей мировосприятие читателя до невероятного метафизического накала. История героя – это человеческая ситуация утраты и обретения / принятия новой идентичности. В пространстве мнемонического путешествия герою отводится вполне определенная задача – распутать «все волосы мира», разгадать сложноорганизованный аллюзивный ребус, выявить в нем интертекстуальные связи, собрать всю эту мозаику в определенную мировоззренческую структуру. Однако путешественнику не удастся пройти собирательный путь создания мира за счет сложения образов, имеющих в культуре функцию «метафизического каталога» (здесь: постмодернистский топос «напрасных поисков»). Он всего лишь участвует в экзистенциально-психологическом эксперименте по обретению самости. В конечном итоге герой собирает свои детские воспоминания о деревушке Цик и окончательно принимает чужую идентичность, завершая круг. Со временем он замечает, что в своих движениях все более становится похожим на дядюшку (жест, убирающий волосы с лица, манера стискивать в руках служебную почтовую фуражку). Приняв свою новую идентичность, герой просто живет, не объясняя мир вокруг себя.

Список литературы

Батай Ж. Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М.: Гнозис; Логос, 2003. 208 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Гладилин Н. В. В ожидании читателя (роман К. Хоффера «У бирешей» как постмодернистский лабиринт) // Вопросы филологии. 2010. № 2(35). С. 111–121.

Гладилин Н. В. Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария). М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. 348 с.

Зенкин С. Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. С. 5–49.

Косиков Г. К. «Человек бунтующий» и «человек чувствительный» (М. М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени: сб. ст. М.: Юстицинформ; Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 8–25.

Кучумова Г. В. У истоков постмодернизма: Роман «У бирешей» Клауса Хоффера // Актуаль-

ные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: VI Междунар. науч. конф. (Тольятти, 11–12 октября 2018 г.): сб. материалов / редкол.: Ю. И. Горбунов (отв. ред.) [и др.]. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2018. С. 351–355.

Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте / пер. с фр. А. Черноглазова // Кабинет: картины мира. СПб.: Инапресс, 1998. Вып. 1. С. 136–142.

Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Зеркало и субъективность или рефлексии рефлексии // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. СПб.: Алетейя, 2014. С. 251–260.

Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и авт. предисл. В. А. Бейлис. М.: Наука, 1983. 277 с.

Хайдеггер М. Путь к языку / пер. с нем. В. Библихина // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб.: Наука, 2007. С. 259–273.

Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / пер. Э. Сагетдинова. М.: Территория будущего, 2010. 320 с.

Хоффер К. У бирешей / пер. с нем. Г. Потаповой. СПб.: Symposium, 2017. 396 с.

Beckermann T. Das Labyrinth der Erklärungen: Klaus Hoffers „Bei den Bieresch“ // The German Quarterly. 1990. Vol. 63 (Summer – Autumn), № 3/4. P. 429–436.

Hoffer K. Bei den Bieresch. Roman. Literaturverlag Droschl: Graz, Wien, 2007. 272 S.

Kreuzer S. Literarische Phantastik in der Postmoderne: Klaus Hoffers Methoden der Verwirrung. Heidelberg: Winter, 2007. 612 S.

Landvogt R. Schrift als Schicksal: Zur Textualität und Intertextualität in Klaus Hoffers Roman “Bei den Bieresch“. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1990. 326 S.

References

Bataille G. *Proklyataya dolya* [The accursed share]. Transl. from French by B. Skuratov, P. Khitskiy. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2003. 208 p. (In Russ.)

Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Transl. and introductory article by S. N. Zenkin. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p. (In Russ.)

Gladilin N. V. *V ozhidanii chitatelya (roman K. Khoffera «U bireshey») kak postmodernicheskiy labirint* [Waiting for the reader to come ('Meeting the Bieresch' by K. Hoffer as a postmodern labyrinth). *Voprosy filologii* [Journal of Philology], 2010, issue 2(35), pp. 111–121. (In Russ.)

Gladilin N. V. *Stanovlenie i aktualnoe sostoyanie literatury postmodernizma v stranakh nemetskogo yazyka* (Germaniya, Avstriya, Shveysariya) [The formation and current state of postmodern literature in the countries of the German language (Germany, Austria, Switzerland)]. Moscow, Maxim Gorky Literary Institute Press, 2011. 348 p. (In Russ.)

Zenkin S. Zhan Bodriyyar: Vremya simulyakrov [Jean Baudrillard: The time of simulacra]. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Transl. from French by S. Zenkin. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, pp. 5–49. (In Russ.)

Kosikov G. K. «Chelovek buntuyushchiy» i «chelovek chuvstvitel'nyy» (M. M. Bakhtin i R. Bart) [‘The rebellious man’ and ‘the sensitive man’ (M. M. Bakhtin and R. Bart)]. *Liki vremeni: sb. st.* [Faces of the time: collection of articles]. Moscow, Yustitsinform Publ., Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University Press, 2009, pp. 8–25. (In Russ.)

Kuchumova G. V. *U istokov postmodernizma: Roman «U bireshey» Klaus Hoffer* [The origins of postmodern: The novel ‘Among the Bieresch’ by Klaus Hoffer]. *Aktualnye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki i optimizatsiya prepodavaniya inostrannykh yazykov: VI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Tol'yatti, 11–12 oktyabrya 2018 goda)* [The current problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages: the 6th International scientific conference (Togliatti, October 11–12, 2018)]. Ed. by Yu. I. Gorbunov et al. Togliatti, Togliatti State University Press, 2018, pp. 351–355. (In Russ.)

Lacan J. Stadiya zerkala kak obrazuyushchaya funktsiyu Ya, kakoy ona raskrylas' nam v psikhonanaliticheskom opyte [The mirror stage as formative of the function of the I, as revealed in psychoanalytic experience]. *Kabinet: kartiny mira* [Cabinet: pictures of the world]. Transl. from French by A. Cher-

noglazova. St. Petersburg, Inapress, issue 1, 1998. 205 p. (In Russ.)

Ivanenko E. A., Koretskaya M. A., Savenkova E. V. *Zerkalo i sub'ektivnost' ili refleksy refleksii* [Mirror and subjectivity or reflexes of reflection]. *Sila prostykh veshchey: sb. st.* [The power of simple things: collection of articles]. Ed. by S. A. Lishaev. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2014, pp. 251–260. (In Russ.)

Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura: ucheb. posobie* [Russian postmodern literature: textbook]. 3^d edition, revised. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)

Terner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Comp. and preface by V. A. Beilis. Moscow, Nauka Publ., 1983. 277 p. (In Russ.)

Heidegger M. Put' k yazyku [On the way to language]. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Heidegger M. Being and time]. Transl. from German by V. Bibikhin. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 259–273 (In Russ.)

Heidegger M. *Chto zovetsya myshleniem?* [What is called thinking?]. Transl. by E. Sagetdinova. Moscow, Territoriya Budushchego Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)

Hoffer K. *U bireshey* [Among the Bieresch]. Transl. from German by G. Potapova. St. Petersburg, Symposium Publ., 2017. 396 p. (In Russ.)

Beckermann T. Das Labyrinth der Erklärungen: Klaus Hoffers ‘Bei den Bieresch’. *The German Quarterly*, vol. 63 (Summer – Autumn, 1990), issue 3/4, pp. 429–436. (In Germ.)

Hoffer K. *Bei den Bieresch*. Roman. Graz, Wien, Literaturverlag Droschl, 2007. 272 p. (In Germ.)

Kreuzer S. *Literarische Phantastik in der Postmoderne: Klaus Hoffers Methoden der Verwirrung*. Heidelberg, Winter, 2007. 612 p. (In Germ.)

Landvogt R. *Schrift als Schicksal: Zur Textualität und Intertextualität in Klaus Hoffers Roman ‘Bei den Bieresch’*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1990. 326 p. (In Germ.)

**THE GERMAN NOVEL 'BEI DEN BIERESCH'
BY KLAUS HOFFER AS A POSTMODERN REBUS**

Galina V. Kuchumova

Professor in the Department of German Philology

Samara National Research University

34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation. gal-kuchumova@mail.ru

SPIN-code: 1072-4633

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

ResearcherID: S-2848-2017

Submitted 12.03.2019

This research paper analyzes the postmodern novel *Bei den Bieresch* by the Austrian author Klaus Hoffer. The reception of the Russian translation of the novel is noteworthy. The reader is entrusted with the task of solving a complex text rebus puzzle while the researcher is offered an opportunity to re-address the origins of German postmodernism. The paper studies the intertextual structure of the novel as hypertext referring to literary and philosophical texts (F. Kafka, S. Beckett, M. Heidegger, J. Baudrillard etc.). The genre characteristics are studied: it is a travel novel with a distinct 'educational component'. The novel inverts the traditional model of being. Two modes of human existence – everyday life and travel – are acted out here. The daily life is portrayed as an unstable form of being: the fluidity, interconversion and discontinuity are emphasized. On the contrary, the protagonist's initiation journey has an explicit directional vector and is determined by its milestones (seven mentors). The novel reveals the mnemonics of the crazy Kafka-and-Beckett-world of absurdity and confusion. The 'cognitive journey' of the protagonist reminds of moving around a wax museum. In this memory theater, the speaking figures of the mentors broadcast to him the basic knowledge about the world in the form of tales, riddles, or puzzles. The novel problematizes the key points of postmodern culture: the split subject, the 'floating identity', self-identification, the sacred word, circulation of texts, 'empty signs' and the topos of 'vain search'. The phenomenon of 'potlatch' is seen here as one of the 'anti-structure' manifestations, which also correlates with the world of postmodernism.

Key words: postmodern novel *Bei den Bieresch*; Klaus Hoffer; intertextuality; specific features of the genre; inverted model of being; self-identification; circulation of texts; potlatch.

УДК 821.112.09-3

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-110-121

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАВМЫ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «СЕМЬЯ ОППЕРМАН»

Алиса Сергеевна Поршнева**д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков****Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина**620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. alice-porshneva@yandex.ru

SPIN-код: 4363-2400

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8032-6999>

ResearcherID: U-4704-2018

Статья поступила в редакцию 11.12.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Поршнева А. С.* Репрезентация травмы в романе Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 110–121. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-110-121**Please cite this article in English as:**Porshneva A. S. *Reprezentatsiya travmy v romane Liona Feykhtvangera «Sem'ya Opperman»* [Trauma in Lion Feuchtwanger's 'The Oppermanns']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 110–121. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-110-121 (In Russ.)

Представлено исследование романа немецкого писателя-эмигранта Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман» как произведения, репрезентирующего коллективную травму – захват власти в Германии национал-социалистами, или «травму 1933 года». Оно выполнено в рамках Trauma Studies, в русле исследований, адаптирующих эту междисциплинарную методологию к изучению литературных текстов (М. Н. Липовецкий, М. А. Литовская, Б. Холмгрен, А. М. Эткин). В романе выявляются травматические маркеры, представленные в первую очередь мотивами насилия, смерти и утраты речи. Показано, что сюжетная динамика романа основана на эскалации насилия – как физического, так и психологического. Раскрытие травмы связано с образами Густава, Мартина и Бертольда Опперманов. Особое внимание уделяется «двойничеству» автора и Густава Оппермана. Выявлены общие черты автора и героя в воспитании, роде деятельности, мировоззрении, особенностях характера и темперамента. Специально выделены те случаи, когда суждения повествователя и героев, относящиеся к Густаву, противоречат фактам его биографии, но основаны на фактах из жизни Фейхтвангера. Отношение Густава к Германии сопоставлено с отношением Фейхтвангера к Баварии и Германии в целом. Специфические «следы» авторской личности и авторской биографии в сюжетной линии героя дают основания квалифицировать Густава как проекцию Фейхтвангера, его alter ego, а физическую смерть героя – как символическую смерть его автора. Анализ авторской работы с **травмой** приводит к заключению, что создание романа стало психотерапевтическим актом для писателя, а конструирование альтернативного сценария собственной жизни позволило Фейхтвангеру обосновать свой выбор в пользу эмиграции.

Ключевые слова: Лион Фейхтвангер; «Семья Опперман»; Trauma Studies; травма 1933 года; автор; герой; метафизическая вина.

Лион Фейхтвангер (1884–1958) достаточно давно изучается как отечественным, так и зарубежным литературоведением как автор романов антинацистской направленности (см.: [Сучков 1969; Затонский 1988; Хильшер 1979; Изотов 2010; Kleinschmidt 1988; Scheit 1989 и др.]). Сво-

ей основной задачей писатель считал художественное разоблачение национал-социализма и других форм современного ему «варварства», просветительское воздействие на своих читателей – этот факт считается общепризнанным и иллюстрируется, например, словами, которыми

Фейхтвангер завершил свою речь на Парижском конгрессе писателей (1935): «С тех пор, как я пишу, я всегда старался своими историческими романами служить делу разума и бороться против глупости и насилия» (цит. по: [Изотов 2010: 27]).

Значимость этой творческой установки для писателя несомненна – однако для понимания его романов о современности не менее важно то, что события 1933 г. стали и для него самого, и для его персонажей **травмой**. По отношению к катастрофе 1933 г. Фейхтвангер и его герои выступают как «моральные свидетели». Моральный свидетель – термин, предложенный Алейдой Ассман; он «сочетает в себе роли жертвы и очевидца» и «становится свидетелем, не *погибнув*, а *выжив*» [Ассман 2014: 54; выделено А. Ассман. – А. П.]. Герои Фейхтвангера, как и он сам, травмированы теми страшными событиями, свидетелями которых они стали; именно в этом аспекте нас интересует роман «Семья Опперман», созданный «по горячим следам» событий в Германии и опубликованный еще до конца 1933 г.

* * *

Изучение «арт-репрезентаций» травмы [Мороз, Суверина 2014: 64] (в том числе литературных) – одно из направлений в рамках Trauma Studies, междисциплинарной области в современных гуманитарных исследованиях. На сегодняшний день уже накоплен некоторый опыт анализа литературного текста с точки зрения репрезентации в нем коллективной травмы. Материалом такого исследования становились повесть Осипа Мандельштама «Египетская марка» (травма русской революции 1917 г.) [Липовецкий 2008, 2009]; проза Аркадия Гайдара (травма Гражданской войны и личного участия в красном терроре) [Литовская 2009]; повесть Авдотьи Панаевой «Семейство Тальниковых» «об ужасном детстве и юности молодой женщины из дворянской семьи», обнажающая «язвы современного [1840-х гг.] русского общества» [Холмгрен 2009: 45]; «ЖД» Дмитрия Быкова, романы Владимира Сорокина и Виктора Пелевина [Липовецкий, Эткинд 2008].

Как показывают названные исследования, одной из ключевых при анализе травмы становится проблема автора и героя. Парнок – двойник Автора в «Египетской марке»; их многочисленные схождения предоставляют М. Н. Липовецкому данные, позволяющие реконструировать авторскую работу с травмой. Наташа Тальникова анализируется у Б. Холмгрен как героиня, которой автор во многом «передает» свой травматичный опыт, и т. п. В случае Лиона Фейхтвангера одним из таких героев является Густав Опперман. Он имеет непосредственное отношение к

Фейхтвангеру как субъекту травмы, схождения между писателем и его героем заслуживают самого пристального внимания.

Густав – один из главных героев романа «Семья Опперман» (1933), совладелец мебельной фирмы, основанной его дедом. Но Густав – не коммерсант, а интеллеktуал-гуманитарий, историк литературы; уже поэтому из всех четверых Опперманов (это три брата и сестра) близок автору именно он. Фейхтвангер тоже происходит из семьи предпринимателей (он старший сын владельца маргариновой фабрики Зигмунда Фейхтвангера), но он получил высшее филологическое образование и коммерсантом не стал [Sternburg 2014: 43–44].

Надо сказать, что при этом подчеркнуть свою близость с героем внешним сходством Фейхтвангер пока еще не хочет (этот шаг он сделает десятью годами позже – в романе «Братья Лаутензак» (см.: [Поршнева 2018]): в романе отмечается, что все Опперманы, в том числе Густав, отличаются «грузностью» [Фейхтвангер 1992: 348]¹, у них «крупная, массивная голова», «тяжелый выпуклый лоб» (319). Сам же писатель имел другой тип телосложения – об этом можно судить по его сохранившимся фотографиям, а также сведениям, которые он приводит в своих «Автобиографических заметках» (раздел «Автопортрет»): «В годы расцвета писателя Л. Ф. его рост составлял 1 метр 65 сантиметров, а вес – 61 килограмм» [Фейхтвангер 2003: 31]. Единственная деталь внешности Густава, объединяющая его с автором, – «задумчивые карие глаза» (319).

Семья Опперман носит явный автобиографический отпечаток. Густав, старший из братьев, не занимается делами фирмы, передав руководство своему брату Мартину, «который моложе его на два года» (там же). Третий сын Зигмунда Фейхтвангера Мартин (р. 1886) тоже младше Лиона на два года. Однако из пятерых сыновей Зигмунда отказались продолжать семейное дело сразу трое старших – Лион, Людвиг и Мартин; фабрикой вплоть до своего ареста и заключения в Дахау после ноябрьских погромов 1938 г. руководил четвертый брат, Фритц Фейхтвангер [Sternburg 2014: 38]. Совпадения семейных обстоятельств Опперманов с соответствующим раскладом в семье Зигмунда Фейхтвангера не абсолютно точны, но они есть, и контекст авторского опыта и семейных отношений для его романа очень значим. И даже имена для мужских персонажей из семьи Опперман он тоже выбирает «семейные»: Мартин, Эдгар (так звали сына Людвиг Фейхтвангера, племянника Лиона), Бертольд (имя самого младшего из сыновей Зигмунда) [там же: 38–39].

Густав разделяет антинацистские убеждения самого Фейхтвангера и транслирует авторскую систему взглядов, в рамках которой национал-социализм представляется варварством, а поддержка его коренится в «самом низкопробном невежестве» (349). «Еще одна любимая идея Фейхтвангера состоит в том, что в человеческом мире непрерывно между собою сражаются цивилизация и варварство. Фашизм – это очередной всплеск варварства» [Затонский 1988: 295].

Если схождения во взглядах достаточно предсказуемы (главные герои романов Фейхтвангера о современности практически всегда оппозиционны национал-социализму – что во многом «обязательно» для романа антинацистской направленности), то в области призвания и рода занятий обнаруживаются факты, проливающие свет на отношения автора и героя. Густав Опперман – прежде всего историк литературы: в 1932–1933 гг., когда разворачивается действие романа, он работает над большим исследованием о Лессинге.

Важная деталь: один из друзей Густава Оппермана, доктор Клаус Фришлин, называет его «созерцателем» (544), и сам Густав осознает, что «это великое обязательство» (545): «Иные производят на свет детей, чтобы продолжать свой род. Ему, Густаву, дано уменье: красоту, которую он почувствовал, передать другим. <...> Разве не обязан он передать другим жгучее возмущение, которое он испытал?» (там же). Тем самым Густав у Фейхтвангера фактически объявляет себя литератором: «красоту, которую он почувствовал, передать другим» – эта мотивация имеет отношение к художественному творчеству. В приведенных размышлениях Густав отдаляет себя от науки и приближает к писательству. Здесь сквозь голос героя прорывается авторский: необходимость «передать другим жгучее возмущение, которое он испытал» – это та причина, которая заставляла Фейхтвангера создавать романы о современности, а не только исторические романы (считающиеся, во многом справедливо, его основным жанром). Густав, не будучи писателем, мыслит как писатель, его мотивация – это мотивация именно писательская.

Рассказ о дне рождения героя в первой части романа содержит такой фрагмент: «Густав был искушенным знатоком биографий различных деятелей восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Он умел распознавать решающие моменты в судьбах этих людей. Но удивительно, как трудно отличить существенное от несущественного, когда дело касается собственной жизни. А ведь немало было сильных переживаний, своих и чужих (340). Эти слова справедливы в от-

ношении не только героя, но и автора – одного из крупнейших исторических романистов XX в. Достаточно вспомнить, с какой психологической достоверностью реконструируются мотивы поступков персонажей в его исторических романах – «Гойя», «Лже-Нерон», «Еврей Зюсс»; как акцентированны в повествовании «решающие моменты» в развитии событий; насколько детально проанализирована роль «существенных и несущественных» причин, повлиявших на ход излагаемой истории. (И. Т. Изотов иллюстрирует эту черту Фейхтвангера как исторического романиста тем, как встроено в причинно-следственную «цепочку» событий физическое уродство главной героини романа «Безобразная герцогиня» [Изотов 2010: 46–48].) Сходство Густава с его автором настолько велико, что даже биограф Фейхтвангера Вильгельм фон Штернбург называет Густава «писателем» (Schriftsteller) [Sternburg 2014: 328], – хотя это противоречит тому факту, что Густав не создал ни одного художественного произведения.

Анализируя «Египетскую марку» Мандельштама как текст о травме, М. Н. Липовецкий особо останавливается на тех фрагментах, которые «написаны так, что могут принадлежать и автору, и Парноку» [Липовецкий 2008: 83]. И в «Семье Опперман» тоже имеет место двойничество автора и героя: приведенный фрагмент может быть внутренним монологом и того и другого. В характеристиках Густава периодически подчеркивается писательская составляющая его личности, даже вопреки фактам; так в этом **герое «прорастает» личность автора.**

* * *

Фейхтвангер в своих романах о современности настойчиво подчеркивает, что его идеологический противник – нацисты – добиваются своих целей не только с помощью лжи, но и с помощью насилия. Например, в «Изгнании» (1939) в слове повествователя говорится: «“Горсть насилия лучше, чем мешок, полный права”, – писала “Дойче Юстиц”, официальный листок немецкого правосудия, и Третий рейх действовал в соответствии с этим основным принципом» [Feuchtwanger 1976: 56; здесь и далее перевод цитируемых фрагментов с немецкого мой. – А. П.]. В романе «Братья Лаутензак» Хильдегард фон Третнов, общаясь с младшим из братьев, Гансйоргом, ощущает «едва уловимый, возбуждающий запах крови, приключений и насильнического патриотизма» [Фейхтвангер 2011: 210].

В романе «Семья Опперман», в основу которого легли события 1932–1933 гг., акты насилия «вплетены» практически во все сюжетные линии. На разных этапах развития сюжета жертва-

ми физического насилия со стороны наци (чаще всего ландскнехтов, или «штурмовиков») становятся оба старших брата – Мартин и Густав Опперманы. Но еще до этого – в конце первой части романа («Вчера»), на протяжении которой Густав убежден, что наци не представляют реальной опасности и что они скорее смешны, чем страшны, – ему становится известно о нападении на Пахнике, шурина его слуги Шлютера: «Пахнике, механик по профессии, очень порядочный, далекий от политики человек, оказался свидетелем одной из ежедневных теперь потасовок между республиканцами и нацистами. Один из республиканцев был убит в стычке. Ландскнехты заявили, что республиканцы напали на них и им пришлось обороняться: обычное их объяснение, когда они убивают своих противников. На суде механик Пахнике, допрошенный в качестве свидетеля, рассказал все, как было, то есть что потасовку затеяли “коричневые”. Впрочем, ни ему, ни другим свидетелям, показавшим под присягой то же самое, не поверили и убийцу оправдали. Но вскоре после процесса “коричневые” напали ночью на Пахнике и так его изувечили, что пришлось отправить беднягу в больницу» (411–412). Насилие «приближается» к героям поэтапно. Сначала они только узнают из рассказа Шлютера о том, как был изувечен его шурина. Затем Мартина, отказавшегося уволить своих еврейских служащих, арестовывают ландскнехты, и в камере он видит, как «на полу и на нарах лежало человек двадцать-тридцать, полуголые, кровотокающие, стонущие» (531). Мартина присоединяют к стоящим «лицом к стене» (532) людям, которых заставляют разучивать нацистский гимн «Horst-Wessel-Lied» и приветственный жест. В этой сцене «Мартина полоснули дубинкой по плечу» (там же) – насилие больше не является для героя чем-то внешним, о чем можно услышать рассказ или увидеть жертв со следами насилия. И, наконец, апофеозом физического насилия наци и их режима над противниками становятся сцены пребывания Густава в концентрационном лагере.

В романе развернут и сюжет психологического насилия – его жертвой становится Бертольд Опперман, сын Мартина. Новый преподаватель литературы, наци Бернд Фогельзанг, видит в нем чужака и врага и организует ситуацию публичного унижения, когда юноша выступает с докладом об Армии Германце. Бертольд готовит для своего выступления логически выстроенные аргументы, но они оказываются бесполезны, когда Фогельзанг грубо прерывает его доклад, не позволяя высказаться до конца и в качестве подтверждения несостоятельности проделанной ра-

боты пользуется пропагандистской риторикой: «Я не потерплю этого. Я ничего больше не желаю слышать. Что вы себе вообразили, молодой человек? Кто, по-вашему, сидит здесь? Перед истинными немцами, в эти тяжкие для Германии времена, вы осмелились назвать бесцельным, бессмысленным титанический подвиг, положивший начало германской истории? Вы сказали, что вы это признаете. Вы осмеливаетесь пользоваться доводами самого низкого оппортунизма и потом заявляете, что признаете их? Если в вас самом нет и искры национальной гордости немца, то избавьте хоть нас, национально мыслящих, от ваших мерзостей. Я запрещаю вам говорить так. Слышите, Опперман? Запрещаю не только от своего лица, но и от имени этого учебного заведения, которое пока еще является немецким» (338).

Насильственный акт, который Фогельзанг осуществляет в отношении Бертольда, включает в себя важный момент: он не дает Бертольду говорить. «Бертольд, когда Фогельзанг его оборвал, был глубоко удивлен. Что ему нужно? Чего он раскричался? Пусть, пожалуйста, даст договорить. До сих пор у них не принято было перебивать докладчика. Доктор Гейнциус никогда этого не делал. Но Гейнциус лежит на Штансдорфском кладбище. А этот стоит тут и кричит» (там же). Кэти Карут в одной из своих работ о травме замечает: «Похоже, наиболее сильно травмирующие события – те, что связаны с императивом не рассказывать» [Карут 2009: 576]; «Травма передается как род молчания: сам момент был пережит, можно сказать, именно как утрата речи» [Карут 2009: 577]; «Травма состоит не просто в молчании, окружающем событие. Скорее, это *само событие заключается именно в онемении*» [там же: 578; выделено К. Карут. – А. П.]. А. Ассман пишет: «Молчание стало симптомом эксцесса безудержного и смертоносного насилия, которое одновременно разрушило и парадигмы сознания, способные переработать данный эксцесс, и соответствующие парадигмы языка» [Ассман 2014: 109].

М. Н. Липовецкий, в свою очередь, обращает внимание на взаимосвязь «мотивов смерти и немоты» [Липовецкий 2008: 99], которые в совокупности становятся «маркером... травматического события» [там же]. О том же пишет и психоаналитик Дж. Митчелл: «Травма, приводящая к немоте, способна также побудить к отождествлению со смертью» [Митчелл 2009: 801]. Случай Бертольда, который травмирован столкновением с национал-социализмом в лице Фогельзанга, демонстрирует именно эту закономерность. Сначала – в одном из последних эпизодов первой

части – его лишают возможности говорить, он переживает (в терминологии К. Карут) «травму онемения», «утрату речи»; затем, во второй части («Сегодня»), он принимает смертельную дозу снотворного, чтобы избежать требуемой от него процедуры публичного отречения от своего доклада (и это тоже форма немoty: вместо *своих* слов от Бертольда требуют говорить *чужими*, в соответствии с логикой новой Германии; на его личные слова, выражающие его мысли, наложен запрет). Новая нацистская реальность сначала лишает героя слова, а затем жизни, это два этапа одного и того же процесса.

Согласно Липовецкому, «потрясение насилия» связано с ощущением «затмения культуры», «исчезновения защитных механизмов, отделяющих... от океана насилия и хаоса» [Липовецкий 2008: 95] – у героев Фейхтвангера это ощущение возникает и укрепляется по мере того, как осуществляемое нацистами насилие «приближается» к ним. Травма 1933 г. раскрывается в романе «Семья Опперман» во многом за счет того, что **в основе сюжетной динамики – эскалация насилия.**

* * *

Обратимся к вопросу о том, как действует Густав, оказавшись в этом травмирующем контексте. Сам Лион Фейхтвангер не вернулся на родину весной 1933 г., когда завершилась его долгая поездка по Европе и США. И отношение к эмиграции – важный критерий сопоставления автора и его героя.

Фейхтвангер, даже при его явно критическом отношении к Германии и происходящим в ней событиям, испытывал к своей родине сильную привязанность, в связи с чем планировал вернуться из поездки, даже осознавая, что ситуация становится все более опасной. Его биограф Вильгельм фон Штернбург приводит интересные сведения: «В 1932 году он переезжает в новый дом на Малерштрассе, 8, расположенный в живописном Груневальде, окруженный красивыми деревьями, неподалеку находится небольшое лесное озеро, где можно плавать. Он приобретает дом на стадии строительства, делает его четырехэтажным и может наконец-то приступить к составлению собственной библиотеки, о которой так долго мечтал. Вскоре она уже состоит примерно из 10000 томов. С позиций сегодняшнего дня эта затея выглядит странно. Фейхтвангер был критичным наблюдателем политических процессов и еще в декабре 1930 года очень прозорливо сказал, что “Берлин населен будущими эмигрантами”, но за 15 месяцев до прихода фашистов к власти он строит себе дом и приобретает книги для роскошной библиотеки, следуя сво-

им бюргерским инстинктам, потребности чувствовать себя уверенно, чувствовать защищенность» [Sternburg 2014: 297].

Фейхтвангер любит Берлин [ibid.: 265]; но еще сильнее, чем к Берлину, он привязан к Мюнхену и Баварии. «В прусском городе он никогда не мог пустить таких глубоких корней, как те, что связывали его с Мюнхеном, баварской столицей» [ibid.]. Важнейшим «каналом» связи с родной землей у него всю жизнь остается язык: он говорит по-английски с сильным баварским акцентом, продолжает пользоваться баварским диалектом для повседневного устного общения и в Берлине, и во Франции, и в США (см.: [ibid.: 65, 311]). На известие о лишении гражданства Фейхтвангер реагирует словами: «Гитлер отобрал у меня гражданские права, но не в силах отнять мой баварский диалект» [ibid.: 313]. И привязанность к Баварии «прорастала» в его романах, например, упоминаниями характерных черт баварского быта (как в «Изгнании», см.: [Поршнева 2014]). Такой ностальгически окрашенный фрагмент есть и в романе «Братья Лаутензак»: «Фокусник Калиостро тоже ценил портниху Альму. Он теперь часто заглядывал к ней перед тем, как отправиться на представление. Вся окружающая ее атмосфера – ее спокойная медлительность, непринужденный народный говор – напоминала ему родные края. Она ставила перед ним пиво, колбасу, редьку, искусно нарезанную ломтями и посоленную, а он говорил об Оскаре. Алоиз привык к этому точно так же, как привык, приезжая в Мюнхен, выпивать по вечерам кружку пива в дымном, шумном, мрачном ресторане “Францисканец” и жаловаться на тяжелые времена» [Фейхтвангер 2011: 249]. По определению М. Элиаде, еда – «не просто физиологический процесс, это постоянно повторяющееся причастие» [Элиаде 1998: 15]. И, например, для главного героя «Изгнания» Зеппа Траутвайна блюда баварской кухни – это способ приобщения к материнскому пространству родного Мюнхена (см. об этом: [Поршнева 2012, 2014]). Но если в «Изгнании» баварская кухня важна для характеристики Зеппа, который переживает травму разрыва с Мюнхеном и который «сорок пять лет кормился зерном и мясом земли Верхней Баварии» [Feuchtwanger 1976: 654], то в «Братьях Лаутензак» ни с точки зрения развития романного сюжета, ни с точки зрения характеристики персонажей приведенный фрагмент никакой роли не играет: упоминание «народного говора» и баварских блюд – только свидетельство ностальгических чувств Фейхтвангера по отношению к Мюнхену и к Баварии, которую он любил. Причем исключительным этот случай

назвать нельзя. Немецкий историк Норберт Фрай приводит сведения о том, что любовь к своей стране и нежелание уезжать даже перед лицом ограничений и притеснений со стороны режима были достаточно типичны для немецких евреев: «Те, кого ежедневная пресса... изображала как участников международного заговора, любили свою родину и часто не желали эмигрировать, предпочитая мириться с жестокими ограничениями в знакомом окружении» [Фрай 2009: 136].

Поэтому решение остаться за границей не было для писателя ни легким, ни однозначным. Оно было принято не в последнюю очередь под влиянием его окружения. Фейхтвангеру настойчиво советовали не возвращаться, причем среди советов был и немецкий посол в США барон Приттвитц, от которого он 30 января 1933 г. узнал о назначении Гитлера рейхсканцлером [Sternburg 2014: 312–313].

Действие романа «Семья Опперман» происходит в Берлине, баварский контекст здесь не развернут. Но Густава писатель наделяет таким же сильным чувством привязанности по отношению к Берлину и Германии в целом. В конце 1932 г. Мюльгейм, юриконсульт фирмы Опперманов, настоятельно предлагает «без всякого риска перевести капитал Густава за границу» (404). Но тот отвечает отказом, хотя и не может привести рациональных аргументов: «Доводы? Никаких. Он считает непорядочным изымать свои капиталы из Германии. Он любит Германию. Вот и все. Соображения сентиментального порядка, они бессильны перед логикой Мюльгейма. Но что поделаешь, такой уж он сентиментальный человек» (405). «Соображениями сентиментального порядка» руководствуются и Густав Опперман, и Зепп Траутвайн (см.: [Поршнева 2014]), и Пауль Крамер (см.: [Поршнева 2018]) – Фейхтвангер «передает» их своим героям, поскольку они были знакомы и понятны ему самому и как баварцу, и как берлинцу.

Густав Опперман успевает вовремя покинуть страну – он уезжает в Швейцарию под нажимом Мюльгейма сразу после поджога Рейхстага: «Горит рейхстаг. <...> Ты должен уехать. За границу. Немедленно. Завтра же. <...> В экстренном выпуске они заявляют, что поджог совершен коммунистами. Это, конечно, вздор. Они подожгли сами. Им нужен предлог, чтобы запретить коммунистическую партию и, устранив потом также и германских националистов, получить на выборах абсолютное большинство. Ясно одно: назад им пути нет. После этой разбойничьей высадки им не остается ничего другого, как пустить в ход жесточайший террор. Ясно, что они осуществляют программу, заготовленную еще к

президентским выборам. Тебя они ненавидят. За последнее время они не раз брали тебя под обстрел. Они захотят расправиться с тобой в назидание другим. Тебе надо убираться отсюда прочь, Опперман, за границу, немедленно» (493). Отметим, что слова «Тебя они ненавидят. За последнее время они не раз брали тебя под обстрел» в гораздо большей степени применимы к самому Фейхтвангеру, чем к герою, который, в отличие от его автора, не писал антинацистских романов, не выступал в печати с антинацистскими заявлениями и не становился жертвой нападок в нацистских газетах (это факты биографии Фейхтвангера, но не Густава). Здесь опять имеет место пересечение личностей автора и героя.

Густав, который отличается теми же «созерцательностью и пассивностью», что отмечались и у Фейхтвангера [Хильшер 1979: 168], успевает вовремя покинуть страну благодаря своевременному вмешательству Мюльгейма. Но он сомневается в правильности своего решения и не может обрести душевного покоя. Как неоднократно подчеркивается в теоретических работах, «травма не сводится к акту нарушения – или даже полного разрушения – привычного образа жизни и сложившихся моделей самовосприятия. Скорее, травмирующим оказывается тщетность попыток сформулировать приемлемые причины этого неожиданного разрыва ткани социальной жизни,.. неспособность свести воедино три критических опыта: опыт пережитого, опыт высказанного и опыт осмысленного» [Ушакин 2009: 8]. Сведения о происходящем в Германии, которые доходят до Швейцарии, только усиливают сомнения и смятение героя и окончательно делают несостоятельными его попытки «свести воедино» свой опыт и все то, что ему известно.

Поворотной точкой, или, в терминологии Дж. Митчелл, «событием-катализатором в настоящем» (которое «служит спусковым крючком для события в прошлом» и многократно усиливает его травмирующее воздействие [Митчелл 2009: 786]), становится для Густава известие о том, что его друг Иоганнес Коган арестован и находится «в концентрационном лагере, в крепости Герренштейн в Саксонии» (555). Героя преследуют навязчивые мысли: «Вот он приседает, стоя на ящике, измученный, обезображенный, на благородной голове волосы выстрижены в форме свастики, при каждом приседании он выкрикивает: “Я, Иоганнес Коган, мерзкая свинья, как Иуда, предал свое отечество”. Это было ужасно. Иоганнес Коган представлялся ему в этих галлюцинациях пляшущим паяцем, которого в каком-то давно виденном балете изображал знаменитый танцовщик» (там же); «...картина, которая

неотступно преследовала его со дня получения памятной телеграммы: друг его, Иоганнес Коган, стоит на ящике, ящик почему-то треугольный, с острыми ребрами. Иоганнес пляшет, стоя именно на ребре ящика; он причудливо приседает, пружинисто подпрыгивает и опять приседает, как паяц...» (581); «Перед ним всплывает Иоганнес Коган на ящике. Приседание! Встать! Иоганнес похож на клоуна в цирке, он кричит, как попугай: “Я, жидовский выродок, предал свое отечество”» (594). Через некоторое время Густав получает известие о том, что «известный немецкий профессор Иоганнес Коган... покончил самоубийством в концентрационном лагере Герренштейн» (599). «“Самоубийство”, “убит при попытке к бегству”, “сердечная слабость” – таковы были официальные причины смерти заключенных в концентрационных лагерях. А потом то, что оставалось от узников, – переломанные кости и бесформенные груды мяса – клали в гроб; по возмещении расходов запаянный гроб выдавали родным под расписку, что он не будет вскрыт» (600).

В терминологии Доминика ЛаКапра (см.: [LaCapra 2001; Мороз, Суверина 2014: 70]), Густав переживает смерть Когана как «утрату». «Утрата, по Ла Капре, манифестирует историческую травму, тогда как отсутствие... проявляет травму структурную: “Отсутствующий рай отличается от потерянного тем, что он не воспринимается как нечто уничтоженное лишь для того, чтобы быть обретенным вновь в желаемом, апокалиптическом будущем; он не связан и с возвышенно-чистой утопической мечтой о том, что через некое творение ex nihilo придет всеобщее обновление, спасение или искупление”» [Липовецкий 2008: 100].

В соответствии с логикой «утраты» Густав одержим желанием ее возместить. А персонификацией его травмы и всех пережитых потерь (герой видит, что его страна охвачена хаосом, варварством и неразумием, его племянник мертв и т. д.) становится именно Иоганнес Коган. Постоянно преследующие героя видения Когана представляют собой «симптоматический повтор кошмаров, навязчивых мыслей, образов и действий, которые вызываются к жизни катастрофическим событием или событиями» [Карут 2009: 561] (так Кэти Карут описывает посттравматическое стрессовое расстройство, которое у Густава, бесспорно, есть). Зигмунд Фрейд, к трудам которого восходят современные Trauma Studies (см.: [Мороз, Суверина 2014: 61]), в своих поздних работах тоже переносит «аналитический фокус с вытеснения травмы на идею *повтора* подавленного опыта» [Ушакин 2009: 13]. В случае Густа-

ва имеет место именно навязчивый повтор: он постоянно видит «Иоганнеса своих галлюцинаций, пляшущего на ящике» (612). Это побуждает героя вернуться в Германию под именем Георга Тейбшица и начать там антинацистскую пропаганду – с его точки зрения, он замещает таким образом своего погибшего друга-антинациста.

В глазах других антинацистов этот поступок выглядит совсем иначе. Друг Густава Клаус Фришлин, связанный с немецким антинацистским подпольем, видит в нем «донкихотство, хрестоматийный героизм» (615): «Вы не можете нам быть полезным. Вы только натворите бед. <...> Ваш поступок может вызвать только досаду, а не восхищение» (614–615). Но, вопреки настояниям Фришлина, Густав вторично покинуть страну отказывается и вскоре попадает в Моозахский концентрационный лагерь.

Описание этого события включает в себя следующую принципиально важный фрагмент: «С самого приезда в Германию в нем гнездились неопределенное предчувствие, что его предприятие закончится именно так: он будет стоять, руки по швам, под суровым надзором глупых, простодушных молодчиков. Но, несмотря на это предчувствие, он всем сердцем отдавался своей задаче. Пусть Фришлин и Генрих находят его задачу бессмысленной: он-то знает, что она по нем. До сих пор Иоганнес Коган служил для него укором. Иоганнес, осажженный на кафедре бесчинствующими саксонскими студентами, Иоганнес – эластичный плясун. Приседание! Встать! Наконец, мертвый Иоганнес, раздробленные кости, груды искромсанного мяса в запломбированном гробу. Теперь Иоганнесу не за что его упрекнуть. Они сравнялись» (617).

Этот фрагмент проливает свет на функционирование травмы как у Густава, так и у его автора. В нем проговариваются три важных аспекта:

1) Чувство вины – «До сих пор Иоганнес Коган служил для него укором». И Густав, и, судя по всему, сам Фейхтвангер ощущают свою вину перед жертвами нового режима, которые не спаслись, а также перед немецким антинацистским подпольем, которое ведет борьбу с режимом на территории Германии. Деятельность подпольщиков, работа нелегальных типографий, распространение листовок, призывающих к свержению режима, – все это «было сопряжено со смертельной опасностью» [Фрай 2009: 105]. Густав – выживший, находящийся в безопасности, не испытывавший непосредственно на себе насилия со стороны наци, – испытывает чувство вины, и эта вина – в терминологии К. Ясперса – «метафизическая»: «Если я не рискнул своей жизнью, чтобы предотвратить убийство других, но при

этом присутствовал, я чувствую себя виноватым таким образом, что никакие юридические, политические и моральные объяснения тут не подходят» [Ясперс 1999: 19]. Метафизическая виновность – «это отсутствие абсолютной солидарности с человеком как с человеком... Эта солидарность нарушена, если я присутствовал при несправедливостях и преступлениях. Недостаточно того, что я с осторожностью рисковал жизнью, чтобы предотвратить их. Если они совершились, а я при этом был и остался жив, тогда как другого убили, то есть во мне какой-то голос, благодаря которому я знаю: тот факт, что я еще жив – моя вина» [там же: 59].

2) Психотерапевтический эффект от авантюры Густава – «Пусть Фришлин и Генрих находят его задачу бессмысленной: *он-то знает, что она по нем*» (курсив мой. – А. П.).

3) Наконец, из приведенного фрагмента становится ясна танатологическая направленность возвращения Густава. Череду образов Иоганнеса Когана завершает «грудой искромсанного мяса в запломбированном гробу», и непосредственно за этим следует заключение: «Теперь Иоганнесу не за что его упрекнуть. Они сравнялись». Густавом, таким образом, движет бессознательное желание «сравняться» с погибшим другом в смерти. Это не случайно – «состояние травмы, начиная с Фрейда, связывается с влечением к смерти» [Липовецкий 2008: 91].

Ужасы концентрационного лагеря заставляют Густава понять бессмысленность своего поступка. «Кому польза от того, что я пропадаю в этой вони? Все были правы. Что может быть смешнее “мученика”. <...> Анна должна была меня отговорить. Она должна была бы запереть меня в лечебницу для нервных больных» (625). Мюльгейму удается добиться освобождения Густава Оппермана, и через некоторое время, уже находясь в безопасности за границей, он умирает, так как силы и здоровье его подорваны.

* * *

Сюжетная линия Густава – плод раздумий Фейхтвангера над тем, как повернулась бы его собственная жизнь, если бы он вернулся в Германию весной 1933 г. Когда необходимость эмиграции стала для него очевидной, он был «растерян», поскольку считал невозможным для писателя быть «оторванным от своих читателей, от своих языковых корней» [Sternburg 2014: 313]. Тем не менее, выбрав эмиграцию, он не только остался жив, но и «не испытывал тех унижительных... материальных лишений, которые выпали на их [других писателей] долю. Ведь он был богат, имел счета в иностранных банках, ведь его книги продолжали выходить и раскупаться даже

тогда, когда немецкие издательства от него откристились» [Затонский 1988: 275]. Но вынужденная эмиграция, отрыв от баварского и немецкого культурного контекста, эмоциональное переживание катастрофы 1933 г., чувство вины перед теми, кто не выжил, – все это в совокупности стало для него травмой, не прямое проговаривание которой происходит в его романах о современности – начиная с «Семьи Опперман».

В предисловии к роману Лион Фейхтвангер рассказывает о мотивации к его написанию следующее: «Этот роман написан... намного быстрее, чем я обычно работал и работаю над книгой. Я стремился как можно скорее показать читающим людям всего мира подлинное лицо нацизма и опасность нацистского господства» (312). На этом основании В. фон Штернбург считает, что «центральным мотивом Фейхтвангера» было «намерение открыть западному миру глаза на то, что в действительности происходит в Германии, начиная с 30 января 1933 года» [Sternburg 2014: 330]. Над «Семьей Опперман» писатель действительно работает очень интенсивно, по десять часов в день, и эта «спешка... тоже указывает на то, что основной его мотив – просветительский» [ibid.: 331].

При этом фон Штернбург приводит и другие факты, проливающие свет на мотивацию к написанию романа и тот психотерапевтический эффект, который за этим последовал. Во-первых, завершение работы над «Семьей Опперман» позволило Фейхтвангеру вернуться к привычному ритму работы и к трилогии об Иосифе Флавии, которую он начал писать еще в Берлине и которой посвящает себя в 1934 и первой половине 1935 г. [ibid.: 333]. Во-вторых, осенью 1935 г. он принимается за роман «Лже-Нерон», который заканчивает год спустя [ibid.: 314] и в котором в исторических декорациях изображена история кратковременного возвышения и падения Гитлера (выведенного в образе Нерона-Теренция). На фоне «Семьи Опперман» этот роман выглядит оптимистичным предсказанием дальнейшего развития событий, благоприятного для немецких эмигрантов, – скорейшего краха нацистского режима. В-третьих, именно в начале 1934 г., после публикации романа об Опперманах, Лион и Марта Фейхтвангер налаживают свой быт в Санари-сюр-Мер на юге Франции по образцу берлинского: четырехэтажный дом, большая библиотека, красивый сад [ibid.: 324–325], удовлетворяющие «бюргерские инстинкты» писателя. В Санари поселяются многие эмигрировавшие деятели немецкой культуры, вилла Фейхтвангеров становится одним из центров этого нового культурного сообщества. Факты свидетельству-

ют в пользу того, что эмоциональное состояние писателя после завершения «Семьи Опперман» стабилизировалось.

Разоблачение нацизма и информирование Западной Европы о преступлениях режима – безусловно, важная причина написания романа. Это мотив, который Фейхтвангер осознает и проговаривает в авторском предисловии. Но не в меньшей степени, чем романом-разоблачением, «Семья Опперман» является и романом о травме 1933 г. В нем автор наделяет своего героя (в том числе – вопреки логике и фактам косвенно объявляя его писателем, историческим романистом, а также приписывая ему результаты *своей* деятельности на поприще общественно-политической журналистики) чертами, присущими ему самому, в очень большой степени воплощает в нем себя, а в его сюжетной линии – альтернативный сценарий собственной жизни, который был бы реализован, если бы Фейхтвангер вернулся в Германию весной 1933 г. Этот сценарий стал бы определенно трагическим; но Фейхтвангер интересуется и вопросом о той пропорции, в которой в нем соотносятся героизм и «донкихотство» (615).

Приведя своего героя к осознанию совершенной ошибки, его автор тем самым признает стратегию антинацистского сопротивления в самой Германии лично для себя непродуктивной. Биография Густава – эксперимент, который он проводит в художественном мире своего романа, вместо того чтобы ставить его над своей реальной жизнью. И физическая смерть Густава Оппермана становится символической смертью Лиона Фейхтвангера.

Рефлексия об «утрате» и «отсутствии» на материале «Египетской марки» приводит М. Н. Липовецкого к заключению о способах авторской работы с ними. Это могут быть избавление от других («требующий искупительных жертв и преследований Другого, – этот путь тоталитарных утопий XX века» [Липовецкий 2008: 101]), избавление от части себя и третий путь, представленный в «Египетской марке», – репрезентация «утраты» как «отсутствия». Стратегия проговаривания травмы у Лиона Фейхтвангера представляет собой второй путь: он создает своих литературных «двойников», причем Густав – далеко не единственный из них.

Как показывают его последующие романы, создание «Семьи Опперман» не освободило его полностью от травмы расставания с родиной и от чувства вины перед жертвами режима – но дало ему обоснование его окончательного решения в пользу эмиграции. Работа над «Семьей Опперман» стала для автора не только символической

смертью, но и актом выбора, и выбор был сделан в пользу того, чтобы «передать другим жгучее возмущение, которое он испытал», а не в пользу «донкихотства» – бессмысленной (хотя и трагической) гибели в тюрьме или концентрационном лагере.

Примечание

¹ Далее цитирование этого романа осуществляется по изданию: *Фейхтвангер Л. Семья Опперман // Фейхтвангер Л. Избранные произведения: в 3 т. М., 1992. Т. 3* – с указанием номера страницы в круглых скобках.

Список литературы

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 187 с.

Затонский Д. В. «Историческая комедия», или Романы Лиона Фейхтвангера // Затонский Д. В. Художественные ориентиры XX века. М., 1988. С. 272–312.

Изотов И. Т. Ранние исторические романы Лиона Фейхтвангера. М.: МАКС Пресс, 2010. 160 с.

Карут К. Травма, время и история // Травма: Пункты: сб. ст. М., 2009. С. 561–581.

Липовецкий М. Н. Аллегория истории: «Египетская марка» О. Мандельштама // Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. 73–114.

Липовецкий М. Н. «И пустое место для остальных»: травма и поэтика метапрозы в «Египетской марке» О. Мандельштама // Травма: Пункты: сб. ст. М., 2009. С. 749–784.

Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 174–206.

Литовская М. А. «Оружие и амуницию держать в полном порядке»: войны А. Голикова в текстах А. Гайдара // Травма: Пункты: сб. ст. М., 2009. С. 73–107.

Митчелл Дж. Травма, признание и место языка // Травма: Пункты: сб. ст. М., 2009. С. 785–808.

Мороз О., Суверина Е. Trauma Studies: история, репрезентация, свидетель // Новое лит. обозрение. 2014. № 1 (125). С. 59–74.

Поршнева А. С. Лион Фейхтвангер и его Паль Крамер: к вопросу о психотерапевтических механизмах в эмигрантской литературе // Мировая литература в контексте культуры. 2018. Вып. 7 (13). С. 46–53.

Поршнева А. С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов

(Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2014. 306 с.

Поршнева А. С. Мюнхен в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» // Мировая литература в контексте культуры: сб. материалов IX науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (6 апреля 2012 г.). Пермь, 2012. С. 95–103.

Сучков Б. Л. Лион Фейхтвангер // Сучков Б. Л. Лики времени. Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Фаллада, Л. Фейхтвангер, Т. Манн. М., 1969. С. 241–334.

Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: Пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009. С. 5–41.

Фейхтвангер Л. Автобиографические заметки / пер. с нем. С. Апт, В. Вальдман // Фейхтвангер Л. Автобиографические заметки; Еврей Зюсс; Гойя, или Тяжкий путь познания; Рассказы. М., 2003. С. 23–33.

Фейхтвангер Л. Братья Лаутензак. М.: АСТ: Астрель, 2011. 380 с.

Фейхтвангер Л. Семья Опперман // Фейхтвангер Л. Избранные произведения: в 3 т. М., 1992. Т. 3. С. 311–631.

Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 255 с.

Холмгрен Б. Не-натуральная школа: «Семейство Тальниковых» Панаевой // Травма: Пункты: сб. ст. М., 2009. С. 45–72.

Хильшер Э. Из «Зала ожидания» в поезд на Москву: О Лионе Фейхтвангере // Хильшер Э. Поэтические картины мира. М., 1979. С. 165–189.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.

Ясперс К. Вопрос о виновности / пер. с нем. М.: Прогресс, 1999. 146 с.

Feuchtwanger L. Exil. Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1976. 794 S.

Kleinschmidt E. Schreibpositionen. Ästhetikdebatten im Exil zwischen Selbstbehauptung und Verweigerung // Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch. Bd. 6: Vertreibung der Wissenschaften und andere Themen. München, 1988. S. 191–213.

LaCapra D. Writing History, Writing Trauma. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p.

Scheit G. Die Satire als archimedischer Punkt // Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch. Bd. 7: Publizistik im Exil und andere Themen. München, 1989. S. 21–39.

Sternburg W. von. Lion Feuchtwanger. Die Biographie. Berlin: Aufbau Verlag, 2014. 543 S.

References

Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memori-al'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Shadows of trauma: memory and the politics of postwar identity]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014. 187 p. (In Russ.)

Zatonskiy D. V. «Istoricheskaya komediya», ili Romany Liona Feykhtvangera ['Historical Comedy', or Lion Feuchtwanger's novels]. Zatonskiy D. V. *Khudozhestvennyye orientiry 20 veka* [Zatonskiy D. V. Literary landmarks of the 20th century]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988, pp. 272–312. (In Russ.)

Izotov I. T. *Rannie istoricheskie romany Liona Feykhtvangera* [Early historical novels by Lion Feuchtwanger]. Moscow, MAKSPress, 2010. 160 p. (In Russ.)

Caruth C. Trauma, vremya i istoriya [Trauma, time and history]. *Travma: Punkty: sb. st.* [Trauma: Points: Collection of articles]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009, pp. 561–581. (In Russ.)

Lipovetskiy M. N. Allegoriya istorii: 'Egipetskaya marka' O. Mandel'shtama [Allegory of history: O. Mandelstam's 'The Egyptian Stamp']. Lipovetskiy M. N. *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920–2000-kh godov* [Lipovetskiy M. N. Paralogies: Transformations of (post)modern discourse in the Russian culture of the 1920–2000s]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2008, pp. 73–114. (In Russ.)

Lipovetskiy M. N. «I pustoe mesto dlya ostal'nykh»: travma i poetika metaprozy v «Egipetskoj marke» O. Mandel'shtama ['And a blank space for the others': trauma and the poetics of metafiction in O. Mandelstam's 'The Egyptian Stamp']. *Travma: Punkty: sb. st.* [Trauma: Points: Collection of articles]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009, pp. 749–784. (In Russ.)

Lipovetskiy M., Etkind A. Vozvrashchenie tritona: Sovetskaya katastrofa i postsovetkiy roman [The return of the merman: the Soviet catastrophe and the post-Soviet novel]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2008, issue 94, pp. 174–206. (In Russ.)

Litovskaya M. A. «Oruzhie i amunitsiyu derzhat» v polnom poryadke': voyny A. Golikova v tekstakh A. Gaydara ['Arms and ammo should be kept in perfect order': A. Golikov's wars in A. Gaidar's literary texts]. *Travma: Punkty: sb. st.* [Trauma: Points: Collection of articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 73–107. (In Russ.)

Mitchell J. Trauma, priznanie i mesto yazyka [Trauma, recognition, and the place of language]. *Travma: Punkty: sb. st.* [Trauma: Points: Collection of articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 785–808. (In Russ.)

Moroz O., Suverina E. Trauma studies: istoriya, reprezentatsiya, svidetel' [Trauma studies: history, representation, witness]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2014, issue 1(125), pp. 59–74. (In Russ.)

Porshneva A. S. Lion Feykhtvanger i ego Paul' Kramer: k voprosu o psikhoterapevticheskikh mekhanizmakh v emigrantskoy literature [Lion Feuchtwanger and his Paul Kramer: psychotherapeutic mechanisms in exile literature]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2018, issue 7(13), pp. 46–53. (In Russ.)

Porshneva A. S. *Mir emigratsii v nemetskom emigrantskom romane 1930–1970-kh godov (E. M. Remark, L. Feuchtwanger, K. Mann): monografiya* [Exile world in German exile novel (E. M. Remarque, L. Feuchtwanger, K. Mann): monograph]. Yekaterinburg, UMTs-UPI Publ., 2014. 306 p. (In Russ.)

Porshneva A. S. Myunkhen v romane Liona Feykhtvangera «Izgnanie» [Munich in Lion Feuchtwanger's 'Exile']. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury (sbornik materialov IX nauchnoy konferentsii 'Inostrannye yazyki i literatury v kontekste kul'tury', 6 aprelya 2012 g.)* [World literature in the context of culture (Proceedings of the 9th scientific conference, April 6, 2012)]. Perm, Perm State University Press, 2012, pp. 95–103. (In Russ.)

Suchkov B. L. Lion Feykhtvanger [Lion Feuchtwanger]. Suchkov B. L. *Liki vremeni. F. Kafka, S. Tsvyeg, G. Fallada, L. Feuchtwanger, T. Mann* [Suchkov B. L. Faces of time: F. Kafka, S. Zweig, H. Fallada, L. Feuchtwanger, T. Mann]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1969, pp. 241–334. (In Russ.)

Ushakin S. «Nam etoy bol'yu dyshat'»? O travme, pamyati i soobshchestvakh [“Do we have to breath this pain?” On trauma, memory and communities]. *Travma: Punkty sb. st.* [Trauma: Points: Collection of articles]. Ed. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 5–41. (In Russ.)

Feuchtwanger L. Avtobiograficheskie zametki [Autobiographical notes]. Feuchtwanger L. *Avtobiograficheskie zametki; Evrei Zyuss; Goyya, ili tyazhkiy put' poznaniya* [Feuchtwanger L. Autobiographical notes; Jew Suss; Goya or The wicked way of knowledge; Stories]. Transl. from German by S. Apt, V. Waldmann. Moscow, Pushkinskaya biblioteka Publ., AST Publ., 2003, pp. 23–33. (In Russ.)

Feuchtwanger L. *Brat'ya Lautenzak*. [The Lautensack Brothers]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011. 380 p. (In Russ.)

Feuchtwanger L. Sem'ya Opperman [The Oppermanns]. Feuchtwanger L. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols.]. Moscow, Firma ART Publ., 1992, vol. 3, pp. 311–631. (In Russ.)

Frye N. *Gosudarstvo Fyurera. Natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945* [The Führer State. National Socialist Rule in Germany, 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 255 p. (In Russ.)

Holmgren B. Ne-natural'naya shkola: “Semeystvo Tal'nikovykh» Panaevoy [The unnatural school: ‘The Tal'nikov Family’ by Panayeva]. *Travma: Punkty: sb. st.* [Trauma: Points: Collection of articles]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009, pp. 45–72. (In Russ.)

Hilscher E. Iz “Zala ozhidaniya” v poezd na Moskvu: O Lione Feykhtvangere [From the “Waiting Room” into a train to Moscow: About Lion Feuchtwanger]. Hilscher E. *Poeticheskie kartiny mira* [Hilscher E. Literary world views]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1979, pp. 165–189. (In Russ.)

Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii: Arkhetipy i povtoryaemost'* [The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History]. Transl. from French by E. Morozova, E. Murashkintseva. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 250 p. (In Russ.)

Jaspers K. *Vopros o vinovnosti* [The Question of German Guilt]. Transl. from German. Moscow, Progress Publ., 1999. 146 p. (In Russ.)

Feuchtwanger L. *Exil*. Berlin, Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1976. 794 p. (In Germ.)

Kleinschmidt E. Schreibpositionen. Ästhetikdebatten im Exil zwischen Selbstbehauptung und Verweigerung. *Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch*. Munich, Text+Kritik, 1988, vol. 6. Vertreibung der Wissenschaften und andere Themen, pp. 191–213. (In Germ.)

LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p. (In Eng.)

Scheit G. Die Satire als archimedischer Punkt. *Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch*. Munich, Text+Kritik, 1989, vol. 7. Publizistik im Exil und andere Themen, pp. 21–39. (In Germ.)

Sternburg W. von. *Lion Feuchtwanger. Die Biographie*. Berlin, Aufbau Verlag, 2014. 543 p. (In Germ.)

TRAUMA IN LION FEUCHTWANGER'S 'THE OPPERMANNS'

Alice S. Porshneva

Professor in the Department of Foreign Languages

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation. alice-porshneva@yandex.ru

SPIN-code: 4363-2400

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8032-6999>

ResearcherID: U-4704-2018

Submitted 11.12.2018

The paper deals with Lion Feuchtwanger's *The Oppermanns* as a novel about trauma. Traumatic experience reflected in the novel is connected with the events of 1933, when Hitler was appointed Chancellor and Nazi dictatorship began.

The methodological framework for the research is Trauma Studies. This methodology is now successfully applied to studying trauma in literary texts, for example in the research works conducted by M. N. Lipovetsky, A. M. Etkind, M. A. Litovskaya, B. Holmgren. While studying a literary text from this point of view, particular attention is to be paid to the relationships between the author and his or her characters. In accordance with this principle, the primary focus is on the similarities and differences between Lion Feuchtwanger and his Gustav Opperman. Gustav is shown to be a projection of the author's personality.

The paper considers important traumatic markers in *The Oppermanns*. First of all, these are violence and muteness. The novel's plot is shown to be based on the escalation of violence, both physical and psychological.

In 1933 Feuchtwanger chose to stay in exile and not to return home from his long journey to the USA and European countries; this decision saved his life because he was not only a Jew but the new regime's enemy as well. However, life in exile meant for him not only to be alive but to feel guilty towards guilty made return to Germany and try to speak against Nazi dictatorship. This affair results in Gustav's imprisonment to a KZ, which would also have been a possible scenario for Lion Feuchtwanger if he had returned to Germany in the spring of 1933. That is why Gustav's death is Feuchtwanger's symbolical death and Gustav's biography is sort of experiment, conducted by his author in the novel instead of carrying it out in his real life. As a result, Feuchtwanger becomes convinced that to choose exile was an extremely correct decision.

Key words: Lion Feuchtwanger; The Oppermanns; Trauma Studies; trauma of 1933; author; character; metaphysical guilt.

УДК 821.581-1

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-122-130

ЖАНР МИНИАТЮРЫ В ПОЭЗИИ ЛИ ЯНЬЛИНА

Татьяна Вячеславовна Самойленко

аспирант кафедры русского языка и литературы

Благовещенский государственный педагогический университет

675000, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104. tatyana.samoylenko.91@mail.ru

SPIN-код: 2528-2495

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0489-8017>

ResearcherID: G-4893-2018

Статья поступила в редакцию 29.03.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Самойленко Т. В. Жанр миниатюры в поэзии Ли Яньлина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 122–130. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-122-130

Please cite this article in English as:

Samoilenko T. V. Zhanr miniatyury v poezii Li Yan'lina [The Genre of Miniature in Poetry of Lee Yanling]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 122–130. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-122-130 (In Russ.)

Выявляются особенности жанра миниатюры Ли Яньлина, китайского поэта, пишущего стихи на русском языке; выделяются черты традиционной русской и китайской поэзии в его творчестве; рассматриваются место миниатюры в современной литературе и отличительные черты китайской и русской миниатюры. Предпринята попытка анализа жанровой специфики миниатюры Ли Яньлина. На раннем этапе творчества Ли Яньлин, тяготевший к родной китайской литературной традиции, обращался к форме лаконичных лирических философских стихов традиционной китайской миниатюры вейсинши, но, несмотря на жанровую принадлежность, его поэзию нельзя считать исключительно «китайской». Ли Яньлин занимался переводами на русский язык «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева, что, на наш взгляд, также оказало влияние на его творчество в области рефренов, ритмики, фоники и строфики. Помимо этого, Ли Яньлин использует традиционные образы (например, образ березки), топонимы и производные от них (Амур, амурский), двухчастное композиционное деление текста, характерное для русских миниатюр, дистих, который использовал в своем творчестве В. А. Жуковский, ритмику, неожиданную рифмовку и графическое разбиение строф а также типичные для русского стихосложения тропы и стилистические фигуры. Главными темами в творчестве Ли Яньлина являются: 1) международная дружба русских и китайцев на приграничных территориях, 2) Россия и россияне. Его миниатюры, как и сам автор, находятся на границе между Китаем и Россией, между китайской и русской миниатюрой, на территории уникальной литературы Приамурья, органично соединяют в себе, как в особой культурной системе, особенности поэтических традиций обеих стран и вызывают большой интерес у российских ученых, поэтов, журналистов.

Ключевые слова: Ли Яньлин; поэзия; поэтическая миниатюра; русская поэтическая традиция; китайская поэтическая традиция; вейсинши; стихотворение в прозе; белый стих; литература Приамурья.

Быстрый темп жизни XXI в., нарастание поэтического контекста, уплотнение литературного поля авторов определяют тенденцию к сжатию, сокращению объема художественного текста, что актуализирует использование в литературе жанра миниатюры. К этому жанру обращаются многие современные авторы, в числе которых Ли Яньлин – китайский поэт, пишущий стихи на

русском языке, иностранный член Российской академии наук, член Союза писателей России, зам. председателя Амурской писательской организации, кавалер российского ордена Дружбы, заведующий Исследовательским центром культуры русской эмиграции в Китае при Цицикарском университете. В данной статье поэтическая миниатюра Ли Яньлина рассматривается в кон-

тексте как русской, так и китайской поэтических традиций.

Произведения Ли Яньлина начали публиковаться на страницах «Амурской правды» и других периодических изданий Благовещенска с 1992 г. Специфика его художественного метода привлекла внимание читателей, литературоведов, литераторов и журналистов. Одним из первых особенность творчества Ли Яньлина отметил его близкий друг и наставник, писатель Ст. Федотов: «...стихи Ли Яньлина по-своему уникальны: написанные по-русски, они сохраняют китайский дух – он ощущается и в тонкости наблюдений, и в непривычном построении фраз, и в прозрачном философском подтексте, и в почти полном отсутствии рифм» [Федотов 1994: 4]. На данный момент Ли Яньлин издал 4 сборника стихотворений на русском языке: «Я люблю Россию» (1994), «Песня о берегах Амура» (1996), «Сердце к сердцу» (1998) и «Избранные стихи» (2001). Отдельные аспекты творчества Ли Яньлина были рассмотрены в работах Н. В. Киреевой. Исследовательница оценила вклад поэта «в укрепление культурного взаимодействия Китая и России» [Киреева 2014: 360–362], проанализировала предпринимаемые им шаги по продвижению русской литературы в Китае [Киреева 2017в: 549–554; Киреева 2017а: 73–76; Киреева 2017г: 227–263] и изучила некоторые особенности поэтики его произведений [Киреева 2013: 228–230; Киреева 2017б: 581–584; Киреева 2016: 425–428]. Однако всестороннего литературоведческого анализа творчество Ли Яньлина пока не получило.

Термин «миниатюра» также до сих пор не имеет общепринятого толкования. В российском литературоведении одно из первых толкований термина было дано В. Дынник в «Литературной энциклопедии» (1925). Она определила общие для миниатюры жанрообразующие признаки: необходимое «образное, сюжетное начало», внешний, воспринимаемый мир как предмет изображения, построение в объективных образах, большой охват образов или идей, тщательность отделки» [Дынник 1925: 444–445]. Позже в «Поэтическом словаре» А. Квятковский определил миниатюру как «небольшое прозаическое или поэтическое произведение строго законченной формы» [Квятковский 1966: 160]. Современное толкование этого термина дает исследовательница В. Ю. Баймиева: «Миниатюра – это очень маленькое по объему произведение, композиционно завершенное, но с преобладанием одного композиционного элемента – кульминации, усиленной авторской экспрессией и доминирующим образом автора, сливающимся чаще всего с повествователем» [Баймиева 2016: 10].

Если в первой четверти XX в. В. Дынник отмечала, что «от миниатюры стихотворение в прозе отличается более лирическим характером» [Дынник 1925а: 885], то современные специалисты, в частности, В. Ю. Баймиева, отождествляют эти жанры и утверждают, что «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева «принято считать первыми миниатюрами» [Баймиева 2016: 10].

Следует отметить, что «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева оказали некоторое влияние на произведения Ли Яньлина, поскольку он занимался их переводом на китайский язык. Ли Яньлин, как и И. С. Тургенев, включает в ткань произведения художественные детали, тяготеющие к символизации. Сюжеты обоих авторов рождаются из повседневных впечатлений, становящихся толчком к философским размышлениям. Примером является миниатюра «Дверь» (1990): «В дверь чиновников / по разрешению входят. // В дверь своих друзей / по приглашению входят. // В дверь магазинов / по желанию входят» [Ли Яньлин 1994: 11], представляющая собой философские размышления о свободе человека. Символ двери в данной миниатюре тождествен символу порога в одноименном стихотворении И. С. Тургенева. Исследователь Н. А. Ловчинский полагает, что «дверь превращается из предмета объективной реальности в предмет ирреальности, или субъективной реальности. Образ двери, как и сам топос порога, позволяет совместить разные пространства, структурировать их, связать воедино. Топос порога, реализованный в образе двери, служит не только чертой или границей, он является своего рода порталом между пространствами, точкой их соприкосновения» [Ловчинский, 2009: 185]. Смыслообразующая и композиционная роль двери как образа позволила автору сконструировать пространство художественного текста определенным образом. По мнению Ю. Лотмана, образ, символ двери «делит все пространство текста на два взаимно не пересекающихся подпространства. Это может быть деление на своих и чужих, живых и мертвых, бедных и богатых» [Лотман, 1970: 256]. Образ двери в лирике Ли Яньлина – это не только граница между «своим» пространством и тремя «чужими» (кабинетами чиновников, магазинами, домами друзей), но точка их соприкосновения.

С формальной точки зрения в произведении «Дверь» Ли Яньлин прибег к дистиху, необычному для русской поэтической традиции. Редкие примеры использования дистиха можно обнаружить в классической русской поэзии XIX в. Так, его использовал В. А. Жуковский в стихотворении «Мщение» (1816): «Изменой слуга палатина убил: Убийце завиден сан рыцаря был. / Свершилось убийство ночью порой – / И труп по-

глощен был глубокой рекой. <...>» [Жуковский]. В произведении Ли Яньлина характерные для стихотворения В. А. Жуковского цельные строфы со смежной рифмовкой отсутствуют, что придает им форму белого стиха. В. А. Жуковский в своем творчестве также активно использовал белый стих, например, в «Песне (К востоку, все к востоку...)» 1815 г.: «К востоку, все к востоку / Стремление земли – / К востоку, все к востоку / Летит моя душа; / Далеко на востоке, / За синевой лесов, / За синими горами / Прекрасная живет <...>» [там же]. Как и В. А. Жуковский, Ли Яньлин использует лексический повтор: «к востоку, все к востоку» и «в дверь», «входят» соответственно. Сопоставляя данные стихотворения, можно сделать вывод, что Ли Яньлин, в отличие от В. А. Жуковского, использует кольцевой повтор, обрамляя каждую строфу и снабжая стихотворение особенной формообразующей ритмической моделью, объединяющей строки в единое произведение; структурно-семантическим стихообразующим средством являются параллелизм и повтор, а основная смысловая нагрузка приходится именно на последние строки развязки. Таким образом, формальная близость к творчеству В. А. Жуковского дополняется в лирике Ли Яньлина смысловой и образной нагрузкой, близкой к «Стихотворениям в прозе» И. С. Тургенева.

Произведения Ли Яньлина, как и И. С. Тургенева, злободневны и наполнены общественно-социальными размышлениями. Например, в миниатюре «Лоточники, свахи и политиканы» (1990): «У политиканов / обманное – истинно» [Ли Яньлин 1994: 13] – поэт поднимает важную для россиян в 1990-х гг. проблему несовершенства политической системы и заменяет слово «политик» на слово с неодобрительной семантической коннотацией «политикан», т. е. «ловкий, беспринципный человек, действующий из мелких, личных побуждений; интриган в политике» [Ожегов 2004: 542].

Для усиления эмоционального воздействия на читателей Ли Яньлин, как и И. С. Тургенев, вводит пейзаж, приобретающий символическое значение. Так, например, Ли Яньлину близка водная стихия. В его лирических миниатюрах частотны образы ручья, реки и пейзажи с ними. Примечательно, что Ли Яньлин уделяет большое внимание пограничной реке Амур. Примером являются стихотворения «Река любви» [Ли Яньлин 1994: 5] и «Амур» [там же: 121], в которых поэт называет Амур «рекой любви», «великой рекой, вместившей в себе всю прелесть жизни и все ее несметные богатства», «чудесным романсом». Сборник, в который вошли данные стихотворения, Ли Яньлин назвал «Песня о берегах Амура»,

т. е. индивидуализированный набор пейзажных зарисовок, деталей и тропов произведений данного сборника тесно связан с рекой Амур на образном и контекстуальном уровнях.

Влияние «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева на творчество Ли Яньлина проявилось и на мотивном уровне. В текстах Ли Яньлина можно выделить как «тургеневские» мотивы: эстетические принципы автора; злободневные, общественно-социальные размышления; любовь к России и народу, так и индивидуальный авторский мотив международной дружбы русских и китайцев на приграничных территориях. Однако, несмотря на близость к творческому методу И. С. Тургенева, Ли Яньлин, находясь внутри родной ему китайской литературной традиции, для написания произведений на иностранном для него – русском – языке интуитивно использует черты жанра миниатюрных стихотворений *вэйсинши*. Данный жанр отличается от стихотворений в прозе, которые вошли в китайское литературоведение как самостоятельный заимствованный жанр. Д. Г. Харишин, ссылаясь на определение из «Большого словаря новой китайской поэзии», подчеркивает, что «стихотворение в прозе имеет формальные признаки прозаического произведения, ему не свойственна канонизированная форма изложения, отсутствует деление на стихотворные строки, отсутствует рифма, не требуется четкая ритмическая организации речи» [Харишин 2013: 81]. О. Д. Тугулова, ссылаясь на этот же словарь, приводит определение жанра *вэйсинши*: «...один из поэтических видов, весьма короткие лирические стихи, состоят в основном из семи-восьми строк, реже встречаются двух-, трех-, даже однострочные размеры, используется прием “в малом увидеть большое”, “от частного перейти к общему”, выражают сгущенные, концентрированные мысли и чувства» [Тугулова 2011: 102–106].

Применительно к творчеству Ли Яньлина, опираясь на опыт русского и китайского литературоведения, считаем необходимым разграничить жанры «миниатюра» и «стихотворение в прозе» и взять за основу определения миниатюры, данные советскими и китайскими исследователями. Миниатюры Ли Яньлина представляют собой продукт слияния китайских *вэйсинши* и русской стихотворной миниатюры. Если размер китайской миниатюры, по утверждению О. Д. Тугуловой, «ограничен тремя строками и тридцатью иероглифами» [Тугулова 2013: 68], то русскую миниатюру, по свидетельству А. Б. Есина, можно ограничить девятью стихотворными строками, что дает возможность «выразить единство в его самой простой и изначальной форме: воплощать нечто одно – одно чувство, один по-

рыв, одну мысль, причем в максимальной четкости, почти свободной и от динамики, и от нюансов, обертонов и пр. Отсюда и модус функционирования миниатюры: восприниматься мгновенно, а не постепенно» [Есин 1995: 23].

Композиционный план миниатюр Ли Яньлина отличен от композиционного плана «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева. Ли Яньлин сокращает объем своих произведений за счет использования 2-частной композиции. В статье «Стихотворная миниатюра в системе жанров русской лирики» литературовед А. Б. Есин отмечает, что «двухчастная композиция миниатюры не выявляет противоречивости, конфликтности или двуплановости мысли, переживания, чувства, лежащих в ее основе. Иными словами, в отличие от композиции более крупных жанров, двухчастная композиция миниатюры имеет не столько содержательный, сколько чисто эстетический смысл: это форма организации образной системы, средство усилить эмоциональное воздействие» [там же: 26]. Например, миниатюра «Культурно» имеет одну строфу, разделенную на две части: описание ситуации и вывод автора. Так, в миниатюре Ли Яньлина «Культурно»: «И за обычным огурцом / Огромной очереди хвост. / И за капустным кочаном / Стоят часами люди. / Откуда взялись те хвосты? / Ответы вроде бы просты, / Но все молчат понуро / И в этом вся культура» [там же: 25] – присутствует деление на строки, рифма (огурцом-кочаном, хвосты-просты, понуро-культура) и четкая ритмическая организация речи; оно злободневно и посредством «малого», очереди в продуктовых магазинах, иронизирует над «большим», происходящей на момент написания стихотворной миниатюры (1992) социально-политической ситуации в России.

Как мы отмечали выше, поэтическая миниатюра Ли Яньлина тяготеет к философии. В одноименном стихотворении «Философия» (1996) две строфы по три строки, позволяющие передать размышления поэта-философа по безвозвратно утраченному: Разбитое стекло / Не восстановишь, / Сколько бы ни ломал голову. // На землю пролитую воду / Не соберешь, / Сколько бы сил ни потратил» [Ли Яньлин 2001: 74]. Еще одним произведением Ли Яньлина с философским подтекстом является миниатюра «Ботинки и шляпы» (1990), в которой при помощи образов повседневных предметов и разделения художественного пространства на верх и низ рассматривается человеческая жизнь, проблема отцов и детей, противостояние старости и молодости: «Ботинки, / хоть и новы, / стоят под / ногами// А шляпы, / хоть и стары, / парят над / плечами» [Ли Яньлин 1994: 16]. Как указывает литературовед А. В. Граф,

«минимализация стихотворного пространства обуславливает концентрацию средств поэтического выражения и дает повышенную экспрессивность» [Граф 2011: 79]. Количество строк в таких произведениях варьируется.

При передаче эмоций, внутренних ощущений от восприятия реального мира Ли Яньлин сплавляет повествовательную часть с лирической. Деление на части происходит не только по смысловому наполнению, но и по характеру рифмовки. В первой части рифма перекрестная, неточная. Во второй – парная и точная, что полностью отвечает задаче автора – хлестко, резко, эмоционально, ускорив темп речи, выразить свое отношение к описанной в первой части общественной ситуации. Неожиданная рифмовка разных частей речи приводит к большому перепаду темпа, акцентированию концовки и выделению основного смысла произведения. Употребление неточной рифмы нарушает привычную мерность стихотворения и способствует замедлению темпа. За счет экономной поэтической формы и повышенной образности миниатюра позволяет автору расширить семантическое и эмоциональное пространство текста. Не случайно Л. И. Лавлинский замечает, что «миниатюра привлекает авторов как форма, требующая железного лаконизма и обнаженной остроты мысли» [Лавлинский 1972: 311]. В лирической миниатюре заметно стремление художников слова рифмовать различные части речи. Непредсказуемость такой рифмы с точки зрения грамматики усиливает эмоционально-эстетическое воздействие на читателя. В миниатюре «Снег и хлеб» рифмовка отсутствует, что вполне оправданно, поскольку в ней заключено обращение-пожелание лирического героя-иностранца с «русской душой» (поскольку только такой человек может обратиться с просьбой к «русскому» Богу) к своим русским друзьям. Отсутствие рифмовки заменяет ритмика и графическое разбиение строф.

Для того чтобы усилить выразительность и воздействие на читателя, авторы миниатюр используют не только рифмовку, но и особую ритмическую организацию, создаваемую за счет пропусков. Примером служит миниатюра «Что делать?» (1993): «Ребенок обманывает – / Мама его наказывает. // Подросток обманывает – / Учитель его критикует. // А взрослый обманывает? / ... » [Ли Яньлин 1994: 40]. Предпоследняя строка трансформируется в риторический вопрос. Последняя строка, служащая открытым финалом произведения, воплощенным в многозначности, является кульминационной и смыслообразующей, отражающей склонность китайской поэзии к размышлениям и осмыслению жизни. Как отмечает О. Д. Тугулова, «Стремление ки-

тайской поэзии к вечному осмыслению и воплощению бытия, желание осознать место человека, уравновесить трагичность и тяжесть его существования определяют ее специфику. Через категории “жизнь”, “время”, “любовь”, “природа”, составляющие концептуальное ядро жанра, поэты проникают в тайны мироздания» [Тугулова 2013: 72].

Несмотря на то что философские категории «жизнь», «время», «любовь» и «природа» являются общими категориями для мировой литературы, они вербализуются не только в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева, но и в китайской миниатюре, сохраняя реалистичные черты окружающего поэта мира. Метафоры часто заменяются на красноречивую недосказанность общего, фокусируясь на частных моментах и оставляя простор для воображения читателей. В миниатюре «Луна и звезды» наблюдается отсутствие тропов, за исключением эпитетов «крошечные», «огромные». Скучность поэтического языка компенсируется наличием таких стилистических фигур, как противопоставление звезд луне и анафорический повтор местоимения «они», способствующий выделению слова «звезды», удержанию на нем внимания читателей. В качестве примера приведем миниатюру Ли Яньлина «Снег и хлеб» (1993): «Говорят, есть пословица: / “Много снега – много хлеба”. / Да? Тогда попрошу я у Бога / Для России зимы много-снежной, / Чтоб у русских друзей стало / больше / Овощей, / разных фруктов / и – хлеба» [Ли Яньлин 1994: 33]. В первой части миниатюры («говорят, есть пословица: / “Много снега – много хлеба”») поэт-китаец демонстрирует знание русского фольклора, чем располагает к себе и сокращает дистанцию «свой-чужой». В обобщающей второй части поэт, не являясь христианином, просит у Бога счастливой, сытой жизни для России, что позволяет читателям ощутить сочувствие китаец к русским.

В китайской поэтической традиции заголовку стихотворения-миниатюры отводится важная роль. Название миниатюр Ли Яньлина настраивает читателя на определенный лад, поскольку в него включаются символические образы, которые несут большую информационную и эмоциональную нагрузку. Одним из примеров актуализации заголовка в вэйсинши является стихотворение «Луна и звезды» (1993). Этот заголовок акцентирует внимание читателей на предмете и теме лирического произведения, обладает интертекстуальностью и является отсылкой как к другим китайским литературным произведениям, так и к культуре в целом. Семантическое и ассоциативное наполнение заголовка реализует скрытую интенцию автора и в силу лаконично-

сти жанра воплощает в себе ключевой мыслеобраз произведения. Тема данной миниатюры – философское размышление лирического героя, который рассматривает небесные тела. Однако в «малых» луне и звездах заключена идея «большого»: обращать внимание на то, что кажется мелочами: «Они крошечные, но их много. / Они огромные, но до них так // далеко!» [там же: 38]. Эмоциональная окраска рассматриваемой миниатюры – спокойное созерцание и неспешные философские размышления.

Сочетание традиционной образности китайской и русской поэзии и характерной для русскоязычного поэта-китаец тематики способствует созданию уникальных поэтических произведений литературы приграничья. Примером подобного русско-китайского синтеза является миниатюра «Я шевелю ваши ветки» (1993): «Березки, / Вы – / Амурские. // Ветерок, / Я – / Прилетел с юга. // Можно, / Я пошевелю / Ваши ветки, // Чтобы скорее / Развеять / Ваши зеленые сны?» [там же: 27]. В ней поэт использовал традиционные для поэзии образы березок, ветерка. Присутствуют конкретные географические ориентиры: березки именно амурские, а лирический герой «прилетел с юга». Художественное пространство амурской природы, погруженной в «зеленый сон», приобретает символический характер. Пейзаж амурской природы символизирует международную дружбу, отражает переживания китайского поэта за судьбу русских соседей, находящихся в оцепенении и растерянности после перестройки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что поэзия Ли Яньлина тяготеет к жанру классической китайской миниатюры вэйсинши: лаконична, ассоциативно наполнена, философична. Традиционные образы, встречающиеся в миниатюрах Ли Яньлина, композиционное деление на две части, использование ритмики, неожиданных и неточных рифм и характерных для русского стихосложения тропов и стилистических фигур свидетельствуют о том, что творчество русскоязычного китайского поэта органично объединяет традиции китайской поэтической миниатюры вэйсинши и русского дистиха и стихотворения в прозе. Можно убедиться, что Ли Яньлин не стремится подражать В. А. Жуковскому или И. С. Тургеневу, но продуктивно использует их поэтические находки. В миниатюрах Ли Яньлина проявляются его видение мира, размышления о явлениях окружающей действительности. Ли Яньлин признан мастером жанра миниатюры русскоязычной литературы. В его стихотворениях сочетаются традиции русского и китайского классического искусства.

Таким образом, исследование жанра миниатюры в творчестве Ли Яньлина позволяет выявить его уникальность, порожденную синтезом традиций двух соседствующих культур. Развиваясь на плодородной почве приграничной литературы Приамурья, этот жанр складывается в особую культурную систему, требующую дальнейшего изучения.

Список литературы

Баймиева В. Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3 ч. Ч. 3. С. 10–12.

Граф А. В. Поисках новой выразительности. О творчестве Германа Лукомникова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 2. С. 79.

Дынный В. Миниатюра // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. Т. 1 / ред. Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин и др. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925б. С. 443–445.

Дынный В. Стихотворение в прозе // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. Т. 2 / ред. Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин и др. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925а. С. 884–886.

Есин А. Б. Похвальное слово миниатюре // Русская стихотворная миниатюра. / сост. А. Б. Есин, О. А. Палехова, С. Я. Долинина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2005. 208 с.

Есин А. Б. Стихотворная миниатюра в системе жанров русской лирики // Филологические науки. 1995. № 4. С. 22–30.

Жуковский В. А. Мщение // Русская поэзия. URL: <http://rupoem.ru/zhukovskij/izmenoj-sluga-paladina.aspx.html> (дата обращения: 05.12.2017).

Жуковский В. А. Песня (К востоку, все к востоку...) // Русская поэзия. URL: <http://rupoem.ru/zhukovskij/k-vostoku-vse.aspx.html> (дата обращения: 05.12.2017).

Квятковский А. П. Поэтический словарь / ред. М. Роднянская. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 375 с.

Киреева Н. В. Литературный сборник «Наша победа» как феномен российско-китайского взаимодействия в сфере культуры // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра / Забайкал. гос. ун-т; науч. ред. Н. А. Абрамова, Т. В. Колпакова, Т. Н. Кучинская. Чита: ЗабГУ, 2017а. Вып. 19. С. 73–76.

Киреева Н. В. Ли Яньлин (Янлен) // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 228–230.

Киреева Н. В. Мосты дружбы в поэзии Ли Яньлина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.). / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017б. Вып. 7. С. 581–584.

Киреева Н. В. Роль Ли Яньлина в укреплении культурного взаимодействия Китая и России // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 14–19 мая 2014 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров и Д. В. Кузнецов. Изд-во БГПУ, 2014. Вып. 4. С. 360–362.

Киреева Н. В. Русско-китайские литературные контакты в Приамурье на рубеже XX–XXI веков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017в. Вып. 7. С. 549–554.

Киреева Н. В. Публикации произведений китайских авторов на страницах литературных альманахов Приамурья // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. Вып. 6. С. 425–428.

Киреева Н. В. Тема освобождения Китая от японских захватчиков в русской и китайской литературе // Китай и Вторая мировая война / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. М.: ЛЕНАНД, 2017г. С. 227–263.

Лавлинский Л. И. Поэт и критик: о поэзии и поэтической критике наших дней. М.: Худож. лит., 1979. 244 с.

Лавлинский Л. И. Сердца взрывная сила: (о лирической поэзии 60 годов). М.: Сов. писатель, 1972. 319 с.

Левцкий Л. А. Миниатюра // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 4: Лакшин – Мураново, 1967. 844 с.

Ли Яньлин Избранные стихи. Благовещенск: Амурское отд. Литфонда РФ, 2001. 214 с.

Ли Яньлин Я люблю Россию. Благовещенск: Амурское отд. Литфонда России и Амурская писательская организация, 1994. 48 с.

Ловчинский Н. А. Образ двери как реализация топоса порога в современной русской постмодернистской поэзии (на примере текстов А. АLEXИНА и Д. ГРИГОРЬЕВА) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 182–186.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста М.: Искусство, 1970. 384 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ООО «Издательский дом “Оникс 21 век”»: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2004. 896 с.

Тугулова О. Д. Жанр лирической миниатюры как источник художественной китайской поэзии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 3(18). С. 68–73.

Тугулова О. Д. Китайские стихотворения миниатюрной формы: характеристика жанра // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 102–106.

Федотов Ст. Он любит Россию // Ли Яньлин. Я люблю Россию. Благовещенск: Амурское отд. Литфонда России и Амурская писательская организация, 1994. С. 3–4.

Харишин Д. Г. Жанр стихотворения в прозе: западноевропейский опыт в китайской интерпретации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11(2). С. 80–84.

References

Baymieva V. Yu. Zhanr miniatyury v russkoy literature 20 veka [Miniature genre in the Russian literature of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, issue 9(63): in 3 parts, pt. 3, pp. 10–12. (In Russ.)

Graf A. V poiskakh novoy vyrazitel'nosti. O tvorchestve Germana Lukomnikova [In search of new expressiveness. On the works of German Lukomnikov]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2011, vol. 153, issue 2, p. 79. (In Russ.)

Dynnik V. Miniatyura [Miniature]. *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2-kh t.* [Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: in 2 vols.]. Ed. by N. Brodsky, A. Lavretskiy, E. Lunin et al. Moscow, Leningrad, Publishing house of L.D. Frenkel, 1925, vol.1, pp. 443–445. (In Russ.)

Dynnik V. Stikhotvorenie v proze [Poem in prose]. *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2-kh t.* [Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: in 2 vols.]. Ed. by N. Brodsky, A. Lavretskiy, E. Lunin et al. Moscow, Leningrad, Publishing house of L. D. Frenkel, 1925, vol. 2, pp. 884–886. (In Russ.)

Esin A. B. Pokhval'noe slovo miniatyure [Eulogy to miniature]. *Russkaya stikhotvornaya miniatyura* [Russian poetic miniatures]. Comp. by A. B. Esin, O. A. Palekhova, S. Ya. Dolinina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005. 208 p. (In Russ.)

Esin A. B. Stikhotvornaya miniatyura v sisteme zhanrov russkoy liriki [Poetic miniatures in the genres of Russian poetry]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1995, issue 4. pp. 22–30. (In Russ.)

Zhukovskiy V. A. Mshchenie [Vengeance]. *Russkaya poeziya* [Russian poetry]. [Electronic resource]. Available at: <http://rupoem.ru/zhukovskij/izmenoj-sluga-paladina.aspx.html> (accessed 05.12.2017). (In Russ.)

Zhukovskiy V. A. Pesnya (K vostoku, vse k vostoku...) [Song (To the East, all to the East...)]. *Russkaya poeziya* [Russian poetry]. [Electronic resource]. Available at: <http://rupoem.ru/zhukovskij/k-vostoku-vse.aspx.html> (accessed 05.12.2017). (In Russ.)

Kvyatkovskiy A. P. *Poeticheskij slovar'* [Poetic dictionary]. Ed. by M. Rodnyanskaya. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 375 p. (In Russ.)

Kireeva N. V. Literaturnyy sbornik «Nasha pobeda» kak fenomen rossiysko-kitayskogo vzaimodeystviya v sfere kul'tury [Literary collection ‘Our victory’ as a phenomenon of Russian-Chinese cooperation in the sphere of culture]. *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sb. Vostochnogo tsentra* [Russia and China: problems of strategic interaction: proceedings of the Eastern center]. Ed. by N. A. Abramova, T. V. Kolpakova, T. N. Kuchinskaya. Chita, Transbaikal State University Press, 2017, vol. 19, pp. 73–76. (In Russ.)

Kireeva N. V. Li Yan'lin (Janlen) [Lee Yanling]. *Entsiklopediya literaturnoy zhizni Priamur'ya 19–21 vekov* [Encyclopedia of literary life of the Amur region of 19th–21st centuries]. Comp., ed., introduction by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Press, 2013, pp. 228–230. (In Russ.)

Kireeva N. V. Mosty druzhby v poezii Li Yan'lina [Bridges of friendship in Lee Yanling's poetry]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Kheykhe-Kharbin, 22–23 maya 2017 g.)* [Russia and China: history and prospects of cooperation, proceedings of the 7th international scientific-practical conference (Blagoveshchensk – Heihe – Harbin, May 22–23, 2017)]. Ed. by D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Press, 2017, vol. 7, pp. 581–584. (In Russ.)

Kireeva N. V. Rol' Li Yan'lina v ukreplenii kul'turnogo vzaimodeystviya Kitaya i Rossii [The Role of Lee Yanling in strengthening the cultural cooperation between China and Russia]. *Rossiya i Kitay: Istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Kheykhe – Kharbin, 14–19 maya 2014 g.)* [Russia and China: History and prospects for cooperation: materials of the 4th interna-

tional scientific-practical conference (Blagoveshchensk – Heihe – Harbin, May 14–19, 2014)]. Ed. by D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk State Pedagogical University Press, 2014, issue 4, pp. 360–362. (In Russ.)

Kireeva N. V. Russko-kitayskie literaturnye kontakty v Priamur'e na rubezhe 20-21 vekov [Russian-Chinese literary contacts in the Amur region at the turn 20th–21st centuries]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Kheykhe, 22–23 maya 2017 g.)* [Russia and China: history and prospects of cooperation, proceedings of the 7th international scientific-practical conference (Blagoveshchensk – Heihe, May 22–23, 2017)]. Ed. by D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Press, 2017, vol. 7, pp. 549–554. (In Russ.)

Kireeva N. V. Publikatsii proizvedeniy kitayskikh avtorov na stranitsakh literaturnykh al'manakhov Priamur'ya [The publication of Chinese authors' works on the pages of the literary miscellanies of the Amur region]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Kheykhe, 16–18 maya 2016 g.)* [Russia and China: history and prospects of cooperation, proceedings of the 6th international scientific-practical conference (Blagoveshchensk – Heihe, May 16–18, 2016)]. Ed. by D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Press, 2016, vol. 6, pp. 425–428. (In Russ.)

Kireeva N. V. Tema osvobozhdeniya Kitaya ot yaponskikh zakhvatchikov v russkoy i kitayskoy literature [The theme of the liberation of China from Japanese invaders In Russian and Chinese literature]. *Kitay i Vtoraya mirovaya voyna* [China and the Second world war]. Ed. by D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 227–263. (In Russ.)

Lavlinskiy L. I. *Poet i kritik: o poezii i poeticheskoy kritike nashikh dney* [Poet and critic: on poetry and poetry criticism of the present day]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979. 244 p. (In Russ.)

Lavlinskiy L. I. *Serdtsa vzryvnaya sila: (o liricheskoy poezii 60 godov)* [Explosive power of a heart: (on lyrical poetry of the 60s)]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1972. 319 p. (In Russ.)

Levitskiy L. A. *Miniatiyura* [Miniature]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Concise literary ency-

clopedia]. Ed. by A. A. Surkov. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1962-1978, vol. 4: Lakshin – Muranovo, 1967. 844 p. (In Russ.)

Lee Yanling *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Blagoveshchensk, Amur branch of the literary Fund of the Russian Federation Publ., 2001. 214 p. (In Russ.)

Lee Yanling *Ya lyublyu Rossiyu* [I love Russia]. Blagoveshchensk, Amur branch of the Literary Fund of Russia and the Amur writers' organization Publ., 1994. 48 p. (In Russ.)

Lovchinskiy N. A. *Obraz dveri kak realizatsiya toposa poroga v sovremennoy russkoy postmodernistskoy poezii (na primere tekstov A. Alekhina i D. Grigor'eva)* [The 'door' image as the realization of the topos 'threshold' in the contemporary postmodern poetry (a case study of the texts by A. Alekhin and D. Grigoriev)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2009, issue 5, pp. 182–186. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of literary text]. Moscow, Iskustvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov* [The dictionary of the Russian language: Approx. 53 000 words]. Ed. by prof. L. I. Skvortsova. Moscow, Oniks 21 vek Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2004. 896 p. (In Russ.)

Tugulova O. D. Zhanr liricheskoy miniatyury kak istochnik khudozhestvennoy kitayskoy poezii [Genre lyrical miniatures as the source of the artistic Chinese poetry]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2013, issue 03(18), pp. 68–73. (In Russ.)

Tugulova O. D. Kitayskie stikhotvoreniya miniatyurnoy formy: kharakteristika zhanra [Chinese poems of miniature form: feature of a genre]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2011, issue 8, pp. 102–106. (In Russ.)

Fedotov S. On lyubit Rossiyu [He loves Russia]. *Ya lyublyu Rossiyu* [I love Russia]. Blagoveshchensk, Amur branch of the Literary Fund of Russia and the Amur writers' organization Publ., 1994, pp. 3–4. (In Russ.)

Kharishin D. G. Zhanr stikhotvoreniya v proze: zapadnoevropeyskiy opyt v kitayskoy interpretatsii [Genre of the poem in prose: Western European experience in Chinese interpretation]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current issues of Humanities and Natural Sciences], 2013, issue 11(2), pp. 80–84. (In Russ.)

THE GENRE OF MINIATURE IN POETRY OF LEE YANLING

Tatyana V. Samoilenko

Postgraduate Student in the Department of Russian Language and Literature

Blagoveshchensk State Pedagogical University

104, Lenina st., Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation. tatyana.samoilenko.91@mail.ru

SPIN-code: 2528-2495

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0489-8017>

ResearcherID: G-4893-2018

Submitted 29.03.2018

The article reveals the peculiarities of the genre of miniature in poetry by Lee Yanling, a Chinese poet writing in the Russian language, a member of the Union of writers of Russia, Deputy Chairman of the Amur writers' organization, the chevalier of the Russian Order of Friendship. The paper identifies the features of traditional Russian and Chinese poetry in his work, analyzes the place of miniatures in contemporary literature and the distinctive characteristics of Russian and Chinese miniatures. An attempt is made to analyze the genre specificity of Lee Yanling's miniature. His poems are written in Russian but contain features of Chinese poetics. At an early stage of his work, Lee Yanling, who adhered to the native Chinese literary tradition, turned to the form of laconic lyrical philosophical poems of traditional Chinese miniatures 'weixingshi'; but, despite this genre affiliation, his poetry cannot be considered exclusively 'Chinese'. Lee Yanling engaged in translation of *Poems in prose* by Ivan Turgenev into the Russian language, which, in our opinion, also influenced his work in terms of refrains, rhythm, phonics and the strophe pattern. In addition, Lee Yanling uses traditional images (for example, the image of a birch tree), place names and derivatives thereof (for example, Amur), a two-part composition of the text typical of Russian miniatures, distich, which V. A. Zhukovsky used in his works, rhythmic, unexpected rhyming and graphic breaking of stanzas, as well as tropes and stylistic figures typical of Russian poems. The main themes in the works by Lee Yanling are: 1) international friendship between the Russians and Chinese in the border areas; 2) Russia and the Russians. His miniatures, like the author himself, are on the border between China and Russia, between Chinese and Russian miniatures, on the territory of the unique literature of the Amur region. Lee Yanling's works organically combine the features of poetic traditions of both countries in a special cultural system. They cause a great interest of Russian scientists, poets, journalists, readers, and require further study.

Key words: Lee Yanling; poetry; poetic miniatures; Russian poetic tradition; Chinese poetic tradition; weixingshi; poem in prose; blank verse; literature of the Amur region.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-131-147

«ОТКРЫЛОСЬ НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО...»: ЛОКАЛЬНЫЕ УРБАНИСТИЧЕСКИЕ МЕДИА В ПРОИЗВОДСТВЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ¹

Владимир Васильевич Абашев

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. vv_abashev@mail.ru

SPIN-код: 5142-6370

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

ResearcherID: R-7980-2016

Иван Михайлович Печищев

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ivan.perm@gmail.com

SPIN-код: 3163-1166

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3544-8799>

ResearcherID: D-2490-2019

Статья поступила в редакцию 19.02.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абашев В. В., Печищев И. М. «Открылось новое пространство...»: локальные урбанистические медиа в производстве городской среды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 131–147. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-131-147

Please cite this article in English as:

Abashev V. V., Pechishchev I. M. «Otkrylos' novoe prostranstvo...»: lokal'nye urbanisticheskie media v proizvodstve gorodskoy sredy [‘A New Space Has Opened...’: Local Urban Media in the Urban Environment Production]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 131–147. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-131-147 (In Russ.)

Исследование посвящено деятельности урбанистически ориентированных городских сетевых изданий – сравнительно новому феномену в ансамбле отечественных СМИ. Как представляется, эти сетевые медиа эвристически плодотворно рассматривать в качестве деятельных агентов урбанизации. Они утверждают новые представления о городе и культуру его потребления в духе концепции «города для людей» (Ян Гейл), а также служат площадками коммуникации активных городских сообществ. Развивая предложенный взгляд, в настоящей статье мы сосредоточили внимание на роли урбанистически ориентированных городских сетевых изданий в производстве городского пространства в том смысле, в котором интерпретировал концепт производства Анри Лефевр. В условиях разворачивающегося масштабного процесса трансформации российских городов вопросы развития городского пространства в последнее десятилетие стали подвергаться интенсивной интеллектуальной рефлексии и обсуждению в медиапространстве. Предметом анализа в нашей статье стали журналистские материалы рубрик, посвященных освоению городского пространства, в трех интернет-газетах: московской «The Village», екатеринбургской «It's My City» и пермской «Звезде». Анализ показал, что при всех различиях редакционной тактики дискурсивное освоение городского пространства в этих изданиях объединено общей стра-

тегией, которую мы определяем как стратегию *приватизирующей нарративизации* городского пространства. Для нее характерна установка на объединение в рассказе о городе исторического и личного нарративов с акцентом на личностном присвоении городского пространства.

Ключевые слова: урбанизация; городские сетевые издания; городские нарративы; стратегия приватизирующей нарративизации.

Предметом внимания в настоящей статье станет группа городских сетевых изданий, которые впервые мы определили как урбанистически ориентированные [Абашев, Печищев 2018]. Их возникновение связано с процессами разворачивающейся в городах России в 2010-е гг. масштабной трансформации городской среды, которую нередко называют второй «урбанистической революцией». Мы рассмотрим роль этих медиа в производстве городского пространства, решая две задачи. Во-первых, поскольку анализируемые нами журналистские материалы не интересовали пока исследователей в той мере, в какой они этого заслуживают, значительное внимание мы уделим описанию их массива. Во-вторых, и что главное, мы постараемся определить стратегию дискурсивного освоения городского пространства, которое в таком масштабе предпринимают современные урбанистически ориентированные медиа.

Фраза, вынесенная в заголовок, – «открылось новое пространство» – это клише в языке современных урбанистически ориентированных городских сетевых изданий (см. например: (В Екатеринбурге, 2018)²). Как правило, она служит либо заголовком, либо же зачином сообщений о появлении в городе какого-либо нового заведения, будь то кафе, арт-галерея, коворкинг и т. п. Для современной речи о городе эта синекдоха, где видовое определение объекта замещено его родовым понятием, представляется весьма симптоматичным. Она проявляет – и ярко – характер сформировавшегося в 2010-е гг. урбанистического дискурса [Вахштайн 2014], для которого характерна энергичная динамизация (а отчасти и мифологизация) понятия городского пространства и идея его развития. Причем это развитие в рамках нового дискурса понимается не как исключительная прерогатива инстанций власти и крупного бизнеса, а как демократический процесс, в который на правах равноценного субъекта диалога включаются заинтересованные городские сообщества. Поэтому одним из маркеров новейшего урбанистического дискурса является также сосредоточенность на теме «общественных» или «публичных пространств» – мест для общения и творческого взаимодействия горожан. Одним из инструментов действий городского сообщества становятся новые городские медиа, для которых тема исследования и развития городского пространства стала ключевой.

Для интерпретации семантики не вполне обычного использования категории пространства воспользуемся типичной в своем роде заметкой в интернет-журнале «Собака». Под заголовком «В Петербурге открылось новое пространство...» сообщается, что «во флигеле Музея искусства Санкт-Петербурга XX–XXI вв. *заработало пространство* (курсив наш. – А. В., П. И.) “Констебль“». Проще говоря, открылось новое кафе. Далее сообщается, что, по словам владельца заведения, ему «пришла в голову идея создать... пространство» в уютном внутреннем дворе, который музей никак не использовал (Алисултанова, 2017). Звучит парадоксально: создать во дворе пространство. Но в том-то и дело. В логике современного урбанистического дискурса, который в значительной степени базируется на лефеврианской [Лефевр 2015] идее «производства пространства» [Колодий, Чайка 2017], произошла смысловая инверсия понятий *space* и *place*: пространства и места. Собственно, физически данное место – в нашем случае музейный двор – как бы и не существовало, пока не приобрело социально содержательное качество.

Безличное и содержательно нейтральное место стало новым городским пространством, когда в результате творческой деятельности оно было функционально и эстетически оформлено и осмыслено, став новой площадкой социальных коммуникаций. Упорно называя новые кафе, кофейни, бары, коворкинги, арт-кластеры и т. п. заведения «пространствами», урбанистически ориентированные медиа дискурсивно подчеркивают их значение, их связь с развитием нового качества городской жизни и усвоенными медиа понятиями новой урбанистики. Слово «пространство» в таких случаях используется подобно магической формуле. Оно преобразует повседневность, открывая необыденный смысл таких, на первый взгляд, рутинных событий, как открытие кафе.

За описанным частным элементом урбанистического дискурса стоит масштабный культурный, социальный и политический процесс, вызывающий энтузиазм активных городских сообществ. Это разворачивающийся с начала 2010-х гг. процесс глубокой трансформации среды российских городов в духе нового урбанизма. Причем задача формирования «комфортной [городской] среды не только в крупных центрах, но на всей территории Российской Федерации» приобрела

характер политической директивы (Путин, 2018), оформлена как национальный проект и активно обсуждается на уровне управленческих решений (Путин, 2019).

Соответственно, городское пространство, вопросы его развития в последнее десятилетие стали предметом интенсивной интеллектуальной рефлексии и обсуждения в медиапространстве. Можно сказать, что с начала 2010-х гг. развернулся и в настоящее время продолжается процесс дискурсивного переоткрытия городского пространства, процесс его исследования с новых точек зрения, обусловленных сменой типов урбанизма и пониманием города как пространства для жизни, а не только для работы.

В медиа произошла принимающая порой полупародийный характер даже своего рода институционализация этой деятельности. Симптоматично в этом смысле, что в отклике на репортаж о состоянии архитектурной среды Уфы местный интернет-портал назвал его авторов «исследователями городских пространств» (Чернова, 2018). Речь шла об известном общественном деятеле и журналисте Павле Гнилорыбове и Алексее Солнышкове – создателях популярного урбанистического ресурса «Архитектурные излишества» (Telegram и Youtube каналы).

Между тем речь идет о действительно масштабном и глубоком процессе. Достаточно обратить внимание на тематические рубрики в урбанистически ориентированных городских сетевых изданиях. В русле исследуемого нами дискурса о городском пространстве находятся рубрики «Места» («NN-Stories», Нижний Новгород и «Инде», Казань) и «Пространства» («Луна Инфо», Санкт-Петербург). Самой распространенной является рубрика «Город». Она имеется в 9 из 21 просмотренного нами сетевого издания. Обследованию городского пространства посвящены специализированные рубрики: «Гиды по городу» («Томский Обзор»), «Гиды» («Перспектив Мир», Красноярск; «Downtown», Воронеж; «Бумага», Санкт-Петербург), «Где поесть» и «Куда пойти» («Краснодарская штука»), «Прогулка» («Звезда», Пермь), «На районе» («It's My City», Екатеринбург).

«Томский Обзор» довольно часто обновляет рубрику «Гиды по городу»: в 2018 г. там опубликовано 22 статьи (примерно по две в месяц). Прежде всего, здесь бросаются в глаза публикации формата «топ-лист»: «7 деревянных домов Томска, которые стоит увидеть» (Серов, 2017), «10 памятников Томска, которые обязательно нужно увидеть» (Серов, Мацковская, 2017) или «Пять заведений для дождливого чаепития в Томске» (Маас, 2017). Особенно много подобных публикаций было в 2017 г. В 2018 г. формат

изменился: теперь публикации, как правило, имеют слово «гид» в заголовке: «Чайный гид: где в Томске можно взять чай навынос» (Маас, 2018б), «Гид по новогодним и рождественским ярмаркам Томска» (Гид по новогодним, 2018). Публикации в рубрике «Гиды по городу» в «Томском Обзоре» написаны разными авторами, но структура текста одинакова: как правило, это список (топ-лист) либо «прогулка» с репортажным описанием города.

Рубрика «Гиды» в изданиях «Перспектив Мир» (Красноярск), «Downtown» (Воронеж) и «Бумага» (Санкт-Петербург) различаются охватом тем: в то время как «Бумага» в основном публикует обзоры городских заведений и мест для отдыха в формате «топ-лист», рубрики в «Перспективе Мир» и «Downtown» специализируются на афишировании событий в выходные и рецензировании спектаклей и фильмов. Публикации «Бумаги» имеют четкую структуру: список заведений или мест с описанием, фотографиями и справочной информацией (адрес, время работы, ссылка). Обзоры «Перспектив Мир» и «Downtown» тоже написаны по единому шаблону – такой индустриальный подход позволяет создавать одинаковые по качеству публикации с минимальными затратами времени.

«Краснодарская штука» решает вопрос с гидами по городу однозначно: две рубрики «Где поесть» и «Куда пойти» прямо указывают на предмет обозрения. В первой – обзоры кафе и ресторанов, во второй – магазинов и музеев. При этом рубрика «Куда пойти» содержит и обзоры для путешественников за пределами Краснодара: «Поездка в Крым из Краснодара» (Поездка, 2018), «В Тбилиси из Краснодара на самолете» (В Тбилиси, 2018), «Краснодар – Москва» (Мацера, 2017). В этом издании публикации, скорее, авторские, структура не выдержана, меняясь от текста к тексту.

Наблюдается небывалый всплеск инициативной экскурсионной деятельности в городах. Журналисты редакций отправляются в странствия по своему городу, словно впервые его открывая. Это общая установка: открывать, исследовать пространство города, забираясь в самые укромные его уголки. Как результат – в изданиях появляются публикации в формате прогулок или описания городских маршрутов, которые оказываются полезными не только для гостей города, но и для горожан, которые значительно расширяют свое представление о городе.

Так, петербургская «Бумага» публикует городские маршруты в рубрике «Карта» («Карта с 29 домами Петербурга: стройте маршруты для прогулок» (Карта, 2018)), а интересные места города с указанием адреса и времени работы –

в рубрике «Список» («Девять малоизвестных достопримечательностей Петербурга» (Шаргородская, 2019)).

Если «Бумага» предлагает пусть и подробный, но всего лишь план, «Томский Обзор» публикует результаты авторского исследования городского пространства. Журналист разрабатывает маршрут, как правило, по малоизвестным районам города. Так в рубрике «Город» появляются публикации с анонсом «Неизвестный Томск» в заголовке («Неизвестный Томск: исследуем городские окраины» (Хворенков, 2018а), «Неизвестный Томск: Возвращение с юга» (Хворенков, 2018б)) или «гид»: «Королевский родник и кедровый фонтан. Гид по Михайловской роще» (Маас, 2018а), «Гид по городу. Конструктивизм и сталинский ампи́р» (Мурина, 2018).

Любопытно, что редакция нашла подход к молодой аудитории, обратив ее внимание на малоизвестные места в городе с предложением сделать там фотографии для Instagram: «Инстафотоохота. 10 мест в Томске, где еще можно сделать классные фото» (Малютена, 2018а), «Инстафотоохота vol.2. Еще 10 мест в Томске, где можно сделать красивые фото» (Малютена, 2018б). Первый обзор был опубликован летом, он включает в себя видовые точки, стены с красивым граффити, старинные здания. Второй обзор, зимний, содержит кафе и иные «пространства». Редакция подталкивает своих читателей к поисковым действиям: пойти в указанное место и сделать там снимок.

Практика исследования городских пространств встречается в трети исследуемых изданий: нижегородский «NN-Stories» исследует центральные улицы и места, окутанные городскими легендами («Улица Варварская – путь от первого роддома до первого университета» (Золотницына, 2015), «Призрачные истории и подземные ходы Малой Покровской» (Митягина, 2017)), воронежский «Downtown» предлагает готовые решения («Маршрут: 15 старинных домов (с историей!), сохранившихся на Карла Маркса» (Козлукова, 2018)), красноярский «Прспект Мира» ищет привлекательный для аудитории формат («9 мест в Красноярске, где можно почувствовать себя героем сериала» (Прокушев, 2018)). Мы не включаем в этот обзор пермскую «Звезду» и екатеринбургский «It's My City», так как уделим отдельное внимание их публикациям.

Журналист «NN-Stories» завершила свою публикацию призывом к читателям: «Друзья, не сидите дома! Ловите хорошую погоду, надевайте удобную обувь и айда гулять по городу!» (Золотницына, 2015). Как представляется, здесь обнажается важная функция урбанистически ориентированных городских изданий: формирование

нового представления о городе с упором на т. н. «третьи места» [Ольденбург 2014]: кафе, клубы, парки, библиотека и т. д. Как правило, в публикациях они обозначаются укоренившейся синекдохой: «пространства».

Мы провели обзор практик исследования городского пространства, чтобы, во-первых, представить масштаб этой деятельности и, во-вторых, создать представление о контексте, одним из ключевых моментов которого является деятельность урбанистически ориентированных городских сетевых изданий, к анализу которой мы переходим.

Для анализа мы выбрали материалы трех сетевых изданий из типологически разных городов – столичную интернет-газету «The Village», екатеринбургскую «It's My City» и пермскую «Звезду». Надо сказать, что выбор «The Village» для сегмента урбанистически ориентированных сетевых изданий не только закономерен, но и обязателен. Именно это издание стало образцом для аналогичных медиапроектов в провинциальных городах; и когда редакция московской газеты заявляет, что «The Village» «сформировала новый тип городской журналистики в России», она констатирует признанный медиасообществом факт (The Village+).

Для «The Village» новое открытие Москвы (а с 2016 г. и других крупных городов) стало одним из важных векторов редакционной политики, и редакция предъявила технологичный образец системного подхода к исследованию пространств города. Разным аспектам структуризации и жизни городского пространства здесь посвящено несколько постоянных рубрик. Ключевые из них: «Где ты живешь», «Где ты работаешь» и «На месте», – на них мы и сосредоточим в дальнейшем внимание. Содержательно с ними граничат рубрики «Город» и «Общественные пространства». Количественно здесь преобладают новостные сообщения об изменениях городского пространства и планах его развития, но также включаются очерковые материалы о различных городских локациях. Так, в рубрике «Город» публикуются мини-гиды «Куда пойти» с планами маршрутов по районам города и лаконичными описаниями основных объектов интереса, советами, на что обратить внимание и как с интересом провести время (Рузманова, 2018б; Левченко, 2019).

В рубрике с характерным для новейшего урбанистического дискурса заголовком «Общественные пространства» кроме новостных публикуются также развернутые очерковые и репортажные материалы о новациях, существенно повлиявших на жизнь города. Среди них стоит обратить внимание на очерк Л. Левченко об амфи-

театре на Хохловской площади. Он был построен на месте заброшенного строительного котлована по проекту КБ «Стрелка» в ходе реализации большого градостроительного проекта «Моя улица» и стал – в отличие от других опытов проектирования общественных пространств – излюбленным местом встреч и времяпрепровождения студенческой молодежи. Амфитеатр быстро обрел народное название: «Яма» (Левченко, 2017а). История «Ямы» рассматривается журналистом как пример удачного градостроительного решения. Новое общественное пространство проектировалось в согласии с исторически сложившимся характером места и с учетом его естественно назревших потребностей, демографических особенностей и стиля жизни. В итоге «Яма» и «стала местом притяжения для всех: от любителей йоги по утрам и туристов до любителей почитать книгу на свежем воздухе», она «живет своей жизнью», «став местом силы, что для общественного пространства за такой короткий срок – большая редкость» (там же).

Рассказ об амфитеатре на Хохловке мы выделили потому, что здесь проявляется выработанный «The Village» концептуальный подход к журналистской трактовке тем о городском пространстве. Рассказывая об удачном градостроительном решении, автор включает в повествование объективирующий анализ эксперта, специалиста из КБ «Стрелка», и личные истории молодых завсегдадаев «Ямы» – компании молодых людей, открывших и администрирующих в Instagram аккаунт @уатамосcow. Этот аккаунт стал популярной (около 3 тысяч подписчиков) хроникой жизни «Ямы» и, в свою очередь, инструментом ее популяризации. Органической частью повествования в материале Левченко становится и утилитарная информация о близких к «Яме» местах: куда стоит заглянуть и на что обратить внимание, если вы там оказались, – кафе, памятники архитектуры и т. п.

Подобное соединение в журналистском повествовании рассказа эксперта, предлагающего объективированный взгляд на место, личных историй людей, жизнь которых с этим местом непосредственно связана, и полезной справочной информации и представляет концепцию исследования городского пространства в «The Village». Сполна она реализуется в упомянутых выше рубриках «Где ты живешь», «Где ты работаешь» и «На месте», о которых мы далее расскажем подробнее. Эти рубрики взаимно дополняют друг друга и в целом представляют собой своего рода программу журналистского исследования городских пространств.

В фокусе внимания рубрик «Где ты живешь» и «Где ты работаешь» находятся, можно сказать,

узлы городской ткани. Это отдельные, в каком-либо отношении примечательные и многим известные, «знаковые», городские строения – жилые дома и административные здания. Но в том и другом случае жизнь и история здания открывается изнутри, в рассказах людей, живущих в них или работающих.

В рубрике «Где ты живешь» опубликовано несколько десятков материалов о жизни в самых необычных зданиях Москвы и Петербурга. Поскольку с 2016 г. «The Village» предложил франшизу, география рубрики расширилась, в нее вошли материалы о необычных строениях других городов.

Все публикации рубрики начинаются анафорическим зачином «Я живу...» с последующим выразительным уточнением локации: «...в поселке создателей советского атомного проекта» (Рузманова, 2018а), «...в надстроенной хрущевке» (Левченко, 2018в), «...в элитном советском ЖК для иностранцев» (Рузманова, 2017), «...в готическом особняке на Бауманской» (Левченко, 2017б), «...в квартале ученых в Сколково» (Шаталина, 2017), «...в высотке на Котельнической набережной» (Яковлев, 2017), «...в гараже-фаре Константина Мельникова» (Левченко, 2018б), «...в Доме политкаторжан» (Галкина, 2016) и т. п.

Характерный образец публикаций рубрики рассмотрим на примере материала «Я живу у самого уютного двора Москвы» (Яковлев, 2018). Здесь рассказывается о старинном доме полукруглой в плане формы. Он прячется за усадьбой П. Я. Охотникова на Пречистенке, памятником архитектуры классицизма, где в конце XIX – начале XX в. размещалась знаменитая мужская гимназия Л. Поливанова. В доме же, о котором идет речь, во времена Охотникова были конюшни. Позднее, уже в 1930-е гг., полукруглое здание конюшен надстроили жилым этажом. Сегодня там размещено несколько квартир. При доме чудом сохранился уютный и визуально привлекательный внутренний двор, напоминающий о старой усадебной Москве. Двор на Пречистенке стал туристической достопримечательностью, которую часто посещают экскурсиями.

Об истории места со многими колоритными деталями подробно рассказывает профессиональный историк и знаток Москвы Павел Гнило-рыбов. По его мнению, этот двор – одно из немногих мест, сохранивших старомосковский дух. «Я бы даже сказал, – говорит Гнило-рыбов, – образно развивая мысль о значении и ценности места, – что «Московский дворик» Поленова, который писался на Арбате, переместился на Пречистенку» (там же).

Центром журналистского материала о доме становится рассказ одной из его обитательниц –

Леры Солдатовой, студентки МГУ. Девушка подробно рассказывает о том, как здесь оказалась, о своеобразии быта, его удобствах и неудобствах, о жизни двора и об общении с соседями, о рассказах экскурсоводов, которые можно слушать с внутренней галереи-балкона. И о странности жизни в доме, который кажется историческим раритетом, существующим лишь в качестве экспоната. «Всем гостям я скидываю адрес и смотрю за реакцией, – рассказывает девушка. – Чаще всего, когда люди приходят сюда, видят какой-то подвох или думают, что я прислала неверный адрес, потому что мой дом не выглядит жилым. ... Самое забавное, что я слышала, – это «Лер, ты что, в театре живешь?» (Яковлев, 2018).

Рассказы эксперта и жильца дополнены обширной фотогалереей. Многочисленные виды дома, двора и обстановки квартиры существенно расширяют рамки повествования, позволяя разглядеть детали обстановки, создающие атмосферу этой московской локации. В то же время журнал не ограничивает читателя «поэзией» места и сообщает прагматическую информацию, приводя и точный адрес, и заоблачные рыночные цены на квартиры в бывших конюшнях.

Та же модель повествования, сочетающая рассказ специалиста об исторических и архитектурных особенностях места, личную историю его обитателя и утилитарную информацию, сохраняется в материалах рубрики «Где ты работаешь», героями которых оказываются всем известные здания Москвы и Петербурга, где располагаются учреждения и предприятия: Сандуновские бани (Карасева, 2018), Дом Зингера на Невском проспекте, где разместились и знаменитый Дом книги, и офис не менее известной социальной сети «ВКонтакте» (Галкина, 2018), особняк Матильды Кшесинской с музеем политической истории (Галкина, 2017), знаменитое здание Центросоюза Ле Корбюзье, где ныне находится Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (Верещагина, 2017) и т. п.

Реализованная в рубриках «Где ты живешь» и «Где ты работаешь» структура повествования о зданиях-узлах городского пространства строго выдерживается во всех публикациях. Конечно, журналистские материалы неравноценны по своему литературному качеству, но заданность формата в любом случае обеспечивает информационную полноту материала и сохраняет интенцию редакционной политики «The Village» в исследовании городского пространства. В чем она состоит? Формулируя одним словом, можно сказать: в *приватизации* городского пространства. В публикациях «The Village» город предстает в сплетении мест и личных историй, с этими местами связанных. Известные большинству па-

мятники архитектуры и истории, аттракторы туристического интереса, изымаются из обезличенного поля заданных официальной политикой памяти интересов и предстают как места личной интимной жизни, быта, мотиваций, продиктованных перипетиями жизни семьи и личной истории. Такую приватизирующую интерпретацию места не разрушает рассказ привлеченного эксперта, как правило, разделяющего политику журнала.

Специалист в данном случае создает своего рода историческую оболочку, пространство памяти, в котором разворачиваются личные истории. Так, органично переплетаются эти линии в журналистском материале о знаменитом здании Центросоюза, построенном по проекту Ле Корбюзье в 1930-е гг. Об архитектурных и инженерных особенностях здания, о том, с какими проблемами сталкивалась реализация замысла Корбюзье, рассказывает архитектор Михаил Князев, знаток архитектуры советского модернизма. Его рассказ в деталях конкретизирует серия высококачественных фотографий, дающих представление об особой строгой красоте рационально организованных внутренних объемов здания. Они как бы рифмуются с его предназначением центра статистических измерений жизни страны.

Далее в рассказе Андрея Астафьева, работавшего в здании с середины 1970-х гг., открывается история о том, как человек, впервые попавший сюда, осваивает непривычную геометрию внутреннего пространства, функции лифтов и пандусов, как строгое пространство становится предметом игры («мы очень любили заскакивать и выскакать из кабинок» необычного лифта). А из рассказа доктора экономических наук Бориса Рябушкина, проработавшего в этом здании почти 50 лет, мы узнаем, как политические интересы «подчиняли» себе порой и строгую науку статистики. Так в личные истории людей вплетается динамика архитектурной и политической истории страны.

В целом журналистские материалы рубрик «Где ты живешь» и «Где ты работаешь» создают широкую панораму узлов городского пространства в приватном измерении личных историй. Смысловая и композиционная цельность публикаций позволила органично объединить их в книгу «Москва, где мы живем», вышедшую в издательстве «Эксмо» в конце 2018 г. и пополнившую стремительно формирующуюся библиотеку новой путеводительной литературы. В предисловии к этому изданию журнал еще раз формулирует основной принцип исследования городского пространства: «...В каждом из [исторических] зданий живут и работают люди. Именно через их истории The Village рассказывает [о городе]» («Москва, где мы живем», 2018).

Рубрика «На месте» начиналась с экспедиций в российские города, к которым в каком-либо отношении было приложимо определение «самый»: «маленький» (Моисеев, 2015), «богатый» (Балагурова, 2015), «молодой» (Полыгалова, 2015). Но по мере развития материалы рубрики сосредоточивались на описании жизни более крупных, чем отдельные локации, ячеек городской ткани Москвы и Петербурга – отдельных микрорайонов, поселков или жилых массивов. В отличие от описания локаций, становившихся «героями» рубрик «Где я живу» или «Где я работаю», журналистские материалы рубрики «На месте» рассматривают жизнь крупных узлов городского пространства сквозь призму социальных проблем.

При этом во всех микроисследованиях рубрики сохраняется общая для «The Village» логика сочетания личных историй с экспертным взглядом, проблем текущего дня и исторической перспективы. Но акцент переносится на исследование разномасштабных социальных и бытовых коллизий. В фокусе журналистского внимания оказываются столкновение личностных интересов и интересов разных социальных групп, институций власти, бизнеса и общественных движений, разноголосица позиций и мнений, неизбежно возникающие в процессе развития городского пространства.

Для этой рубрики характерен очерк «Первые жертвы реновации» (Левченко, 2018а) о судьбе жилого массива «Русакровка» в Москве. Исторически это один из самых ранних конструктивистских рабочих поселков в Москве. Он был построен в 1925 г. и представляет собой целостный ансамбль, выразительный памятник раннего советского градостроительства. Между тем несколько зданий, входящих в жилой массив, по планам программы московской реновации оказались под угрозой сноса.

Активисты влиятельного общественного движения «Архнадзор» настаивают, что дома пригодны для капитального ремонта, но муниципальные власти не уступают, а мнения жителей поселка разделились: кто-то отстаивает дома, кто-то выступает за снос в надежде получить новое жилье по программе реновации. В фокусе внимания автора очерка и оказывается противоречивое переплетение интересов жителей поселка, планов муниципальных властей, позиции активистов «Архнадзора» и мнений экспертов.

Личностные житейские горизонты ситуации проступают в рассказах жителей домов, оказавшихся под угрозой. «Здесь особая атмосфера, – рассказывает одна из жительниц. – Как будто бы островок чего-то непривычного, своего. Такое я видела в детстве на Таганке, на Большой Комму-

нистической улице – старая Москва, понимаете? Огромные зеленые дворы, фонтан в соседнем дворе, липы, которым по 60–70 лет» (Левченко, 2018а). В доме, предназначенном к сносу, прошли детство и юность автора более чем известной книги «Культура Два» Владимира Паперного, он и выступает одним из рассказчиков, совмещающая позиции жильца и эксперта. Его дед получил здесь квартиру еще в 1920-е гг. Рассказ культуролога расширяет историческую канву живыми подробностями быта и детских впечатлений. Дом, по мнению Паперного, заслуживает жизни хотя бы потому, что здесь, в квартире его отца Зиновия Паперного бывали Лиля Брик с Василием Катаняном, Иракий Андроников, Борис Слуцкий и Наум Коржавин, Борис Заходер, Анатолий Эфрос, барды Никитины и множество других памятных лиц советской культуры. Иными словами, перед нами не рядовой дом, а место памяти, нуждающееся в охране.

Об архитектурной и градостроительной ценности дома, а также о возможностях его ремонта и реконструкции компетентно рассказывает известный историк советской архитектуры Александра Селиванова. Многочисленные фотографии и план жилищного массива дают полное представление об объекте. Его судьба еще не решена, но активное общественное давление на муниципальные власти (в котором участвует и «The Village») позволяет надеяться на сохранение целостности архитектурного ансамбля.

Обобщая наблюдения над практикой дискурсивного освоения городского пространства в журналистике «The Village», мы приходим к выводу, что она объединена общей стратегией, которую мы рискуем определить как стратегию *приватизирующей нарративизации* городского пространства. Для нее характерна установка на объединение в рассказе о городе исторического и личного нарративов. В основе этой стратегии лежит стремление к личностному типу присвоения города. В сущности, она реализует дух нового урбанизма, рассматривающего город не только как пространство власти и бизнеса, но и как пространство реализации личных коммуникаций и интересов – комфортное пространство «города для людей» [Гейл 2012].

Как уже говорилось, интернет-газета «The Village» стала моделью для урбанистически ориентированных сетевых изданий в провинциальных городах. Но в каждом городе эта модель претерпевает изменения, связанные с типологическими различиями самих городов. Не случайно по условиям «The Village» франшизы интернет-газеты «запускаются в российских городах с населением от 700 тысяч человек» (Карнаков, 2017). Полезно для понимания проблемы интер-

вью главного редактора интернет-газеты «Морс», которая издается в Курске, городе с полумиллионным населением. Газета испытывает трудности с наполнением и обновлением контента в связи с недостаточной событийной плотностью городской жизни и разреженностью городской ткани: «...у нас нет вегетарианских кафе, модных театров, даже фалафельной – ни одной!», – описывает ситуацию редактор. А на вопрос о неудавшемся сотрудничестве с известной московской урбанистической институцией замечает: «Идеи «Стрелки», конечно, очень круты, но урбанистика для наших читателей, видимо, пока не актуальна» [Верютина 2016].

Для городов-миллиоников Екатеринбурга и Перми урбанистика актуальна в высокой степени: в этих городах идет активное обсуждение проблематики развития городского пространства. Однако и здесь, обсуждая развитие медиа, необходимо учитывать типологическое различие. С одной стороны, столица, успешно перешедшая в формат постиндустриального мегаполиса, с другой – уральские города, только вступающие на путь постиндустриального развития. Екатеринбург и Пермь сохраняют в той или иной мере черты конгломератов рабочих поселков или «слобод», если использовать термин В. Л. Глазычева [Глазычев 1995]. Эти особенности не могут не сказываться на деятельности по исследованию городских пространств местных интернет-газет «It's My City» и «Звезда».

Надо сказать, что в Екатеринбурге действует франшиза «The Village». Местное издание реализует программу исследования городского пространства, следуя модели рубрик московской редакции. Перечислим хотя бы некоторые публикации рубрики «Где ты живешь» с интригующими, вызывающими желание прочитать названиями: «Я живу в Городке Чекистов с прослушкой в вентиляции» (Татарникова, 2017а), «Я живу в деревянном доме-гнезде с Дон Кихотом» – о жизни в столетнем деревянном доме, расположенном в «квартале стрит-арта по улице Стрелочников» (Бакин, 2017), «Я живу в квартире архитектора, который построил дом и район» – «о жизни в модернистском комплексе 1970-х гг.» (Бабушкина, 2017), «Я живу в жилкомбинате свердловского НКВД» – «о конструктивистском небоскребе с фонтаном» (Татарникова, 2017б).

Что касается местной интернет-газеты «It's My City», то в ее работе рубрики не играют такой программирующей работу журналиста роли, как в столичном издании и его франшизе. Газета была основана в 2012 г. журналистом Дмитрием Колезевым. Она позиционирует себя как «медиа о событиях, местах, людях и явлениях в Екатеринбурге» (О нас. It's My City). «Мы рассказыва-

ем, – анонсирует программу газеты редакция, – как люди живут в столице Урала. В какие рестораны они ходят, какую музыку слушают, где проводят свои вечера, как знакомятся друг с другом, о чем разговаривают, по каким улицам передвигаются...» (там же).

В текущем наборе рубрик издания мы не найдем специализированных разделов с гидами по городу, как и часто встречаемую в медиа изучаемого нами типа рубрику «Город». Но этот пробел в рубрикации совсем не означает, что екатеринбургская интернет-газета не уделяет внимания городскому пространству. Напротив, Екатеринбург относится к числу городов с высоким уровнем общественной активности как раз в отношении к проблемам развития городского пространства, и урбанистическая активность и рефлексия горожан находит многообразное отражение в «It's My City». Газета, например, учредила и патронирует развитие общественного проекта «Горсовет», на площадке которого городские активисты встречаются с представителями инстанций власти в дискуссиях по поводу развития общественного пространства. Проблематика и ход дискуссий «Горсовета» детально освещаются в «It's My City».

Материалы по исследованию городского пространства рассеяны в разных рубриках газеты, и они близки по типу к публикациям «The Village». Так, например, в большом материале, посвященном возможности возрождения традиции устройства зимнего катка на городском пруду, мы находим и детальную историческую справку научного сотрудника Института истории и археологии РАН, и целый спектр мнений горожан (Зольникова, 2018). При этом проблематика использования пруда, ключевой локации городского пространства, рассматривается именно в урбанистическом контексте. «Каток на льду, – размышляет автор телеграм-канала «Коренной екатеринбуржец» и идеолог программы «авторских экскурсий» Дмитрий Москвин, – это ... Возможность посмотреть на город с нового ракурса. Шанс увидеть новые возможности привычных городских пространств» (там же).

Но помимо этих рассеянных публикаций о городском пространстве, осмысливая опыт «It's My City», необходимо также иметь в виду, что интернет-газета предприняла ранее своего рода опыт масштабной картографии городского пространства – опыт его перераскрытия. В течение нескольких месяцев с сентября 2015 по февраль 2016 г. в «It's My City» под одной рубрикой было опубликовано около двух десятков развернутых материалов о районах города, написанных преимущественно в жанре прогулки. Характерно, что для названия рубрики о пространствах горо-

да, объединяя иронию и браваду, редакция «It's My City» использовала популярное сленговое выражение с колоритом субкультуры «гопников». И хотя рубрика открылась описанием жизни в центре Екатеринбурга – «квартале миллионеров» (Колезев, 2015) – в дальнейшем она сосредоточилась на системном освоении пространства окраинных районов, формировавшихся вокруг крупных предприятий Уралмаш, Эльмаш, ЖБИ и других, как бы оправдывая свое название такой, к примеру, прогулкой: «Мой парень – гопник с Вторчермета» (Варкентин, 2016).

В анонсе рубрики редакция предлагала жителям Екатеринбурга написать своего рода путеводители по своим микрорайонам: где выпить кофе, где покупать продукты, в каком месте гулять с собакой, но эта установка продержалась недолго. В большинстве материалов прагматические аспекты использования городского пространства уступили место его исследованию, субъективным впечатлениям, вкраплению личных историй. Такой интимизации городских пространств способствовало и то обстоятельство, что авторами рубрики стали не только профессиональные журналисты, но и представители творческих сугубо городских профессий: психолог, бизнес-тренер, переводчик, дизайнер. Все они описывали личный опыт общения с пространством района, пытались передать и его особенности, и особенности местного стиля жизни.

Поэтому менее всего материалы рубрики напоминают путеводители, хотя и рекомендованные анонсом замечания по поводу того, где лучше поесть или выпить кофе, в них встречаются. Это прогулки в стиле своей беседы с читателем: сленг, разговорные конструкции, личные обращения и советы между делом. Вот несколько характерных фрагментов. «Иногда слышим глухие удары, как будто взрывы, – вздрагивает автор, гуляющий по Вторчермету. – Долго не получалось идентифицировать источник. Думала, это с соседней стройки. Нифига. Оказалось, это с танкового стрельбища на соседней военной части» (Панова, 2015); «Без машины на Эльмаше сложно. Не обязательно иметь дорогую тачку, но эстетические принципы надо учитывать!» (Крылосова, 2015); «Почти одновременно с фитнес-центром на южной границе района появились два офисника, преимущественно с айтишниками. Для того, полагаю, чтобы дать понять местным, что дно в ситуации с парковками еще не достигнуто» (Петров, 2015).

Среди публикаций рубрики выделяются тексты Вячеслава Солдатова, журналиста «It's My City», планомерно обследовавшего отдаленные районы города. Его обозрения маргинальных окраин Екатеринбурга отличаются и свободой

взгляда, и раскованностью изложения, и особой лирической интонацией в описании руинированных индустриальных пространств: «Самое впечатляющее место Сортировки – пешеходный мост через Транссибирскую магистраль. Железнодорожное происхождение района ощущается именно здесь, среди сотен путей, забитых десятками составов, свистящих маневровых тепловозов и проносящихся скорых. Курить на ветру, принюхиваться к запаху шпал, махать платком уходящему вагону, – ну совсем кино» (Солдатов, 2016а). Или в описании блужданий по другому отдаленному району: «Прелесть этого места не в открыточных видах <...> Зеленый остров красив скромностью цвета, неровным рельефом и нескладностью зданий. Время здесь идет по-другому, когда трамвай отдалается от конечной станции и становится не по-городскому тихо» (Солдатов, 2016б).

В целом рубрика «На районе» реализовала содержательно целостный проект исследования и описания городского пространства. Ее сосредоточенность на окраинных районах Екатеринбурга закономерна и объясняется как территориальной организацией индустриального города, распадающегося на рабочие слободы, так и стремлением редакции сплотить эти пространства, дать голос районам, прежде его не имевшим. Здесь обнаруживает себя та же стратегия приватизирующей нарративизации пространства, что объединяет городские исследования «The Village». Особенность журналистики «It's My City» состоит в акценте на личном переживании пространств, исторически голых, в отличие от московских. Они только вписываются в новую историю города.

Свои особенности исследования городского пространства обнаруживает и пермская интернет-газета «Звезда». Это издание было запущено в 2014 г. Оно изначально разрабатывалось как урбанистически ориентированное. Издатели проанализировали опыт различных городских медиа и зафиксировали в концепции «Звезды» следующее: «Мы не пишем ничего не значащие новости о ежедневных ДТП и бытовых поножовщинах. Наша работа – заглянуть вглубь, выяснить и рассказать о том, почему та или иная новость является важной для Перми и Пермского края» (О проекте).

Предметом нашего интереса в «Звезде» станет рубрика «Прогулка» раздела «Городское пространство». Аннотация этого раздела программна в духе нового урбанизма: «Город как пространство для жизни, самореализации и взаимодействия жителей. Пространство и смыслы». Особенность пермского случая состоит в том, что анонсированное исследование городского

пространства стало, по сути, персональным проектом одного журналиста – Ивана Козлова. Он работает в жанре прогулки и, начиная с 2016 г., опубликовал под этой рубрикой около ста материалов. Городские прогулки И. Козлова пользуются вниманием и читателей, и профессионального журналистского сообщества. За этот цикл публикаций он получил в 2017 г. «Гран-при» краевого журналистского конкурса им. А. Гайдара (Моринова, 2017).

Прогулки Ивана Козлова, как представляется, «выросли» из больших фоторепортажей, которые он делал для «Звезды». Каждое фото требовало комментария, сначала небольшого, потом развернутого, с наблюдениями и деталями, – так, постепенно, начали появляться тексты «прогулок».

Козлов стал исследователем городских окраин и микрорайонов, показывая места, которые не видели многие горожане. При этом и жители описанного в тексте «прогулки» района могли увидеть его с неожиданной стороны.

Многие публикации посвящены районам, значительно удаленным от центра, – это сознательный выбор автора, ведь жизнь человека в большом городе, как правило, связана с микрорайоном, где он живет, и с центром, где сосредоточена культурная жизнь. Другие районы города остаются неизвестными. Таким образом автор помогает читателям узнавать город. Сегодня он идет по центральной улице – Комсомольскому проспекту (Козлов, 2018а), а завтра отправляется на другой берег Камы и описывает пространство окраины Перми (Козлов, 2018б).

Структурно тексты прогулок обусловлены маршрутом движения автора. Как правило, описание начинается и заканчивается в значимой и узнаваемой точке, а между ними автор следует по неизведанному пространству. В текстах встречаются исторические экскурсы, упоминаются заведения и места отдыха, но системы в этом нет: какие-то точки могут быть пропущены, факты не указаны, сам маршрут может быть непредсказуем. При этом читатели получают полноценный авторский взгляд, от которого не уходят разнообразные и красноречивые детали городского интерьера.

Городские прогулки И. Козлова отличает своего рода «лабиринтообразность», это чаще всего блуждания по городу – произвольный дрейф, объединенный избранной темой. Характерный пример – «В поисках тишины: Краевая больница и окрестности» (Козлов, 2018в). Автор начинает маршрут на территории пермской инфекционной больницы, потом отправляется в больничный городок краевой клинической больницы через дорогу, затем следует к зданию кардиологического диспансера, к медицинской академии и

приводит читателя во внутренний двор с фонтаном за корпусом академии, далее к находящейся поблизости известной в городе школе № 7 и завершает маршрут в сквере около другого корпуса медицинского университета. Перечисляя опорные точки движения, мы апеллируем к знанию городской топографии: нанесенный на карту, этот маршрут действительно напомнил бы лабиринт.

В блужданиях И. Козлова по городу есть внутреннее единство авторской позиции и взгляда. «Чем внимательнее приглядываешься, тем более странно становится», – этой авторской фразой можно, пожалуй, этот взгляд определить (Козлов, 2018г). Это остраивающий, если использовать термин В. Шкловского, взгляд. Странность обыкновенного, привычного, парадоксальное сочетание деталей городского интерьера, историческое слоение городских пространств, – такое ощущение внушает читателю журналист, переоткрывая город и вписывая его в пространство личных историй.

Рассмотрев опыт исследования городских пространств в московской интернет-газете «The Village» и провинциальных «It's My City» и «Звезда», мы видим, что в отношении к городскому пространству их объединяет стратегия *переоткрытия* города – стремление увидеть и пережить город по-новому. Суть этого подхода открывается в своего рода приватизирующей нарративизации городского пространства – увидеть город сквозь призму личных историй, интимизировать среду. Эта стратегия соответствует духу современного урбанистического дискурса, в основе которого лежит концепт города для людей.

Насколько определенная нами стратегия осознана самими участниками урбанизационного движения? В поисках ответа на этот, существенный в рамках проблематики настоящей статьи, вопрос посмотрим, как осмысливают собственную деятельность уже упомянутые выше пермский журналист И. Козлов и «гражданский активист» Д. Москвин из Екатеринбурга. И того и другого отличает высокий уровень авторефлексии.

Дмитрия Москвина, историка и политолога по образованию, представляют, как правило, в качестве «гражданского активиста и городского исследователя» [Москвин 2018а]. Действительно, он играет значительную роль в общественной жизни Екатеринбурга как деятель урбанистического движения. Дмитрий Москвин медийно активен, он ведет Telegram-канал «Коренной екатеринбуржец» (t.me/ekbnash), анонсируя его содержание как «размышление о современном городе с позиций левого урбанизма». Канал имеет более тысячи подписчиков. «Всегда это оптика, настроенная на город», – так формулирует он в одном из

интервью знаменатель своей многообразной общественной деятельностью [Москвин 2018б].

Но известен Д. Москвин, прежде всего, как идеолог и практик так называемых «авторских экскурсий», которые в перспективе представляют собой своего рода программу *переоткрытия* или – как формулирует сам Москвин – нового *проговаривания* города. Для жителей современного мегаполиса, как убежден Москвин, «наши города, очень плохо проговорены». По его мнению, живая реальность современного города скрыта коростой нарративов, заданных авторитарным прошлым. И мы воспроизводим «выхолощенную в советский период» историю, которая «сводится к нескольким шаблонным представлениям о том, что собой представлял тот или иной город сотни лет назад» [Москвин 2018а].

Между тем потребность в новом проговаривании города назрела. «В последнее десятилетие [в отношении к городу] произошел сдвиг, – констатирует Москвин, – люди почувствовали, что город – это не просто фон, на котором проходит жизнь, а что-то более насыщенное и интересное». Поэтому надо учиться, «как [по-новому] рассказывать о городе, как создавать нарративы». Для этого, продолжает Москвин, необходимо «сместить акценты» в рассказе о городе: «нам важны [сегодняшние] городские привычки, символы, легенды» [там же]. Авторская экскурсия тем и отличается от «традиционной», что «акцент смещается на фигуру автора – создателя нарратива, – который задает способ описания города». О городе, развивает свой подход Москвин, «можно говорить по-разному. Не существует одного универсального текста. Чем больше людей говорит о городе, тем больше нюансов, аспектов и принципиально различных версий города будет возникать» [там же]. Иными словами, новый нарратив о городе должен совместить общую историю и личную каждого горожанина, т. е. он предлагает сотворчество, диалог.

Будучи «проговоренным» пространство приобретает смысл и ценность. Важно, что Д. Москвин ставит задачу нарративизации пространства города, рассеивания новых городских историй, которые восполняют пустоты в пространстве. Вот как формулирует Москвин свою миссию и цель: «Внутри собственного города, бывает, открываются вселенные, и ты имеешь возможность совершить путешествие, не уезжая за его пределы» [там же].

Приватизированное в личных историях пространство города приобретает для горожан общую ценность и стимулирует их готовность к коллективным действиям, яркий пример которых – борьба екатеринбуржцев против строительства храма на насыпном острове в акватории город-

ского пруда (Сивцова, 2017; Шахов, 2017). Д. Москвин, принимавший активное участие в кампании, убежден, что отношение екатеринбуржцев к городскому пруду изменилось, благодаря в том числе многочисленным авторским экскурсиям, посвященным жизни пруда. Прежде семантически и эмоционально нейтральное пространство было вновь проговорено и наполнено смыслом, оно проявилось и обрело ценность в глазах горожан. Коллективно проговоренный нарратив о пруде – «городской пруд историческое сердце Екатеринбурга» (ср.: (Фотография, 2016)), – в который вплелись личные истории, эмоционально объединил горожан. Реализуя свое право на город, они отстаивали его исторически сложившийся ландшафт, вынудив власти пойти навстречу гражданскому сообществу.

В сходном с Д. Москвиным направлении размышляет о смысле своей деятельности по исследованию городского пространства пермский журналист И. Козлов. Основную проблему в отношениях жителей с городом он видит в их отчужденности, в ослабленности живых осмысленных связей с городской средой. И это связано с тем, что зачастую отношения с городом на уровне рефлексии опосредованы набором инерционных стереотипов официальной репрезентации города – «мифами и легендами, которые меня, – признается журналист, – абсолютно не интересуют. В таком городе, как Пермь, их ограниченное количество и они, в общем-то, уже все на зубах навязли» (Козлов, 2018д, с. 8).

Смысл ощущения изношенности традиционной эмблематики городской идентичности, о котором рассуждают Козлов и Москвин, с жесткой определенностью сформулировал Дмитрий Колезев. В одном из интервью шеф-редактор интернет-газеты «Znak» и учредитель «It's My City» с иронией заметил, что мелькающие в «сделанных правительством Свердловской области видеороликах» эмблемы Екатеринбурга «не имеют отношения» к реальному самоощущению современного горожанина. «Привычный нам Екатеринбург, – продолжил Д. Колезев, – плохо вписывается во все эти официальные представления о нем. Он-то как раз ближе к естественной городской среде, которая сама собой образуется в крупных городах и замешана на американско-европейской культуре, на западных ценностях, на представлении о западном образе жизни» [Колезев 2018].

Собственно говоря, делая акцент на «западных ценностях», Колезев говорит об универсальных свойствах и тенденциях развития современного урбанистического пространства, той самой комфортной городской среде, создание которой сегодня осмыслено как важная политическая за-

дача³. А элементом комфортной городской среды является ее нарративная насыщенность, о чем еще в 1980-е гг., рассуждая о проблемах программы реновации Парижа, писал Мишель де Серто в эссе «Призраки в городе». «Жить – значит нарративизировать, – декларировал Серто, – поэтому «одна из задач любой реновации – перемешивать или реставрировать это нарративизирование. Необходимо пробуждать истории, которые спят на улицах и которые часто хранятся внутри простого имени, уложены в наперсток, как шелковое платье феи». Потому что именно городские нарративы, убеждал Серто, «превращают различные места в кафе, офисы и жилые здания. ... они создают иное измерение [города], то фантастическое, то преступное, то страшное, а то легитимирующее. Именно так они делают город «правдоподобным», воздействуют на него с непостижимым размахом ... и открывают его для путешествий. Они – ключи к городу, они дают пропуск к тому, что он есть: мифу» [Серто 2010: 120].

Говоря о том, что для преодоления отчуждения город нуждается в новой «мифологизации», И. Козлов (вряд ли читавший Серто) имеет в виду то же самое, что французский мыслитель. А именно: «наделение <...> [городского пространства] дополнительными слоями смыслов, живых человеческих историй и интересов». Потому что, когда «город постепенно обрастает для каждого из нас такими личными историями, мы начинаем принимать в нем... большее участие, больше его любить или более остро ненавидеть. <...> так или иначе, город перестает быть отчужденным от нас» (Козлов, 2018д, с. 7, 8).

Как видим, деятели российского урбанистического движения 2010-х гг., журналисты и гражданские активисты, едины в желании по-новому *проговорить* город, соединяя его историю с личным опытом каждого горожанина. Это желание реализуется в практике приватизирующей нарративизации городского пространства.

А то, что делает городской нарратив с пространством, хорошо описал польский исследователь архитектуры Куба Снопек. Его мнение в контексте нашей работы ценно как мнение стороннего наблюдателя. Снопек рассказал, как однажды в его восприятии преобразилось «пространство ничем не примечательное <...> Безликое. Пресное. Скучное», а именно – московский спальный район Беляево. Преображение случилось благодаря экскурсии, которую для большой группы желающих провел по району его коренной обитатель поэт Дмитрий Александрович Пригов. «Во время прогулки с Приговым, – описывает свои впечатления Снопек, – скучная архитектура неожиданно обрастала смыслами, по-

скольку оказывалась связана с местной историей, местными героями и культурными событиями. <...> Безликий ландшафт приобретал смысл, одинаковые дома превращались в уникальные, а пространственные пустоты наполнялись значением».

Итак, рассказ Пригова, подвел итог Снопек, «вдохнул жизнь» в «непримечательное, стандартизированное пространство», наполнив его «стихами, историями и анекдотами», «заставил почувствовать глубину, скрытую под монотонным архитектурным ландшафтом» [Снопек 2013: 6,7]. В приведенном описании польский исследователь наглядно представил работу городского нарратива: городское пространство, как пространство живое («вдохнул жизнь»), т. е. социальное, производится в рассказе, открывающем и делающем доступным переживанию его смысловую глубину. Именно в решении задачи нового *проговаривания-производства* пространства российских городов участвуют сегодня урбанистически ориентированные городские сетевые издания.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-412-590008 р_а «Новые городские медиа в локальном коммуникативном пространстве».

² Здесь и далее ссылки на источник информации (публикации) даны в круглых скобках с указанием автора или начала заголовка статьи и года выхода медиаресурса.

³ Между тем противопоставление «советского» и «современного» в сфере городской политики вошло и в официальный дискурс. Сошлемся на красноречивую реплику губернатора Ивановской области С. Воскресенского. На круглом столе «Экономика городского комфорта» в рамках Российского инвестиционного форума в Сочи губернатор заметил, что, приступив к реализации программы «Комфортная городская среда», мы обнаружили, что у нас «очень мало профессионалов, которые бы не по-советски... а по-современному подходили к преобразению [городской] среды» [Воскресенский 2019].

Список источников

Алисултанова А. В Петербурге открылось новое пространство «Констель» // Собака. 16.06.2017. URL: <http://www.sobaka.ru/city/city/-58805> (дата: обращения 15.02.2019).

Артамонов М. Теплые мастерские, палеоёлочка и две Алисы. Куда пойти в новогодние праздники с детьми? // Звезда. 02.01.2019. URL: <http://zvzda.ru/articles/58937ed4e322> (дата: обращения: 15.02.2019).

Бабушкина Е. Я живу в квартире архитектора, который построил дом и район // The Village.

06.07.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/273376-antona-valeka> (дата обращения: 15.02.2019).

Бакин И. Я живу в деревянном доме-гнезде с Дон Кихотом (Екатеринбург) // The Village. 18.05.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/273376-antona-valeka> (дата обращения: 15.02.2019).

Балагурова А. Как живет самый богатый город России // The Village. 21.04.2015. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/places/180589-kak-zhivet-samuyu-bogatyu-gorod-rossii> (дата обращения: 15.02.2019).

В Екатеринбурге открывается новое пространство для лекций, брифингов и хакатонов // It's My City. 10.12.2018. URL: <https://itsmycity.ru/2018-12-10/vekatrinburge-otkryvaetsya-novoe-prostranstvo-kollektivnoj-raboty> (дата обращения: 15.02.2019).

В Тбилиси из Краснодара на самолете // Краснодарская шуча. 16.07.2018. URL: http://the-pike.ru/tbilisi_guide (дата обращения: 15.02.2019).

Варкентин А. Мой парень – гоппик с Вторчермета // It's My City. 11.02.2016. URL: <https://itsmycity.ru/2016-02-11/zhurnalist-andrey-varkentino-meste-gde-zhivet> (дата обращения: 10.12.2018).

Верещагина Е. Я работаю в здании Ле Корбюзье // The Village. 12.07.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/wherework/273916-le-korbuzie> (дата обращения: 15.02.2019).

Галкина Ю. Я живу в Доме политкаторжан (Петербург) // The Village. 02.11.2016. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/249129-dom-politkatorzhan> (дата обращения: 15.02.2019).

Галкина Ю. Я работаю в особняке Матильды Кшесинской // The Village. 26.09.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/wherework/284508-polithistory> (дата обращения: 15.02.2019).

Галкина Ю. Я работаю в Доме Зингера на Невском проспекте // The Village. 18.04.2018. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/wherework/308691-dom-zingera> (дата обращения: 15.02.2019).

Гид по новогодним и рождественским ярмаркам Томска // Томский Обзор. 24.12.2018. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/587885-gid-po-novogodnim-i-rozhdestvenskim-jarmarkam-tomska> (дата обращения: 15.02.2019).

Золотницына О. Улица Варварская – путь от первого роддома до первого университета // NN-Stories. 24.07.2015. URL: <http://nn-stories.ru/2015/07/24/progulka-po-varvaskoy/> (дата обращения: 15.02.2019).

Зольникова А. Зимнее сердце города: Каток на городском пруду: как это было 100 лет назад и возможно ли повторить сейчас // It's My City. 12.12.2018. URL: <https://itsmycity.ru/2018-12-12/>

[kak-eto-bylo-let-nazad-i-vozmozhno-li-povtorit-sejchas](https://www.the-village.ru/village/city/where/273376-antona-valeka) (дата обращения: 16.12.2018).

Карасева О. Я работаю в Сандуновских банях... // The Village. 21.11.2018. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/wherework/332333-ya-rabotayu-v-sandunah> (дата обращения: 15.02.2019).

Карнаков Ф. Федеральные и национальные франшизы Village+ // The Village. 12.05.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/how/266022-franshizy-the-village-plus> (дата обращения: 15.02.2019).

Карта с 29 домами Петербурга из рассылки «Бумаги»: стройте маршруты для прогулок – с остановками у дома «Могучей кучки» и здания из фильма «Лето» // Бумага. 14.08.2018. URL: <https://paperpaper.ru/photos/karta-s-29-domami-peterburga-iz-rassylk/> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. Комсомольский проспект, часть I. Страдающие скульптуры // Звезда. 26.07.2018а. URL: <http://zvzda.ru/articles/44492aff2aaf> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. Домостроительный: своя Гайва на левом берегу // Звезда. 02.08.2018б. URL: <http://zvzda.ru/articles/86ad36dbd9a5> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. В поисках тишины: Краевая больница и окрестности // Звезда. 14.08.2018в. URL: <http://zvzda.ru/articles/91a1562649ed> (дата обращения: 15.02.2019).

Козлов И. Новые Водники: в гостях у самых крутых рептилий // Звезда. 05.09.2018г. URL: <http://zvzda.ru/articles/fd017a86c9b6> (дата обращения: 10.12.2018).

Козлов И. Миф и прозрачность // Мой идеал Перми: Часть первая. Пермь: Открытый общественный офис, 2018д. С. 7–9. URL: https://vk.com/doc-172094234_481192229?fbclid=IwAR2cU-oYWctiKaoKhWFekvjx1a4XT38vOJ7apyGbp2tZyxyZ7Ukag1Fs8lnw (дата обращения: 15.02.2019).

Козлукова Д. Маршрут: 15 старинных домов (с историей!), сохранившихся на Карла Маркса // Downtown. 26.09.2018. URL: <http://downtown.ru/voronezh/city/10738> (дата обращения: 15.02.2019).

Колезев Д. На районе: «Квартал миллионеров» // The Village. 30.09.2015. URL: <https://itsmycity.ru/2015-09-30/zhurnalist-dmitriy-kolezev-o-meste-gde-zhivet> (дата обращения: 15.02.2019).

Крылосова М. На районе: Не грози Эльмашу, попивая кофе у себя в квартале // It's My City. 18.11.2015. URL: <https://itsmycity.ru/2015-11-18/mariya-krylosova-o-meste-v-kotorom-zhivet> (дата обращения: 15.02.2019).

Левченко Л. Новый топоним: Яма // The Village. 11.09.2017а. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/public-space/324879-yaма> (дата обращения: 15.02.2019).

Левченко Л. Я живу в готическом особняке на Бауманской // The Village. 06.12.2017б. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/293336-dom-frolova> (дата обращения: 15.02.2019).

Левченко Л. Первые жертвы реновации: На Русаковской сносят дома // The Village. 02.03.2018а. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/places/304161-rusakovka> (дата обращения: 15.02.2019).

Левченко Л. Я живу в гараже-фаре Константины Мельникова // The Village. 28.04.2018б. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/310505-garazh-melnikova> (дата обращения: 15.02.2019).

Левченко Л. Я живу в надстроенной хрущевке // The Village. 24.09.2018в. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/325811-ya-zhivu-v-nadstroennoy-hrushevke> (дата обращения: 15.02.2019).

Левченко Л. Гид по Басманному району // The Village. 22.01.2019. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/city/338685-gid-po-basmannomu> (дата обращения: 15.02.2019).

Маас К. Пять заведений для дождливого чаепития в Томске // Томский Обзор. 10.10.2017. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/550827-pjat-zavedenij-dlja-dozhdlivogo-chaepitija> (дата обращения: 15.02.2019).

Маас К. Королевский родник и кедровый фонтан. Гид по Михайловской роще // Томский Обзор. 08.10.2018а. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/582066---korolevskij-rodnik-i-kedrovyj-fontan---gid-po-mihajlovskoj-roshche> (дата обращения: 15.02.2019).

Маас К. Чайный гид: где в Томске можно взять чай навынос // Томский Обзор. 27.10.2018б. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/583420---chajnyj-gid-gde-v-tomske-mozhno-vzjat-chaj-navynos> (дата обращения: 15.02.2019).

Макарова Е. Бары, кофейни, кафе и ресторан: рассказываем о десяти новых заведениях Перми // Звезда. 31.01.2018. URL: <http://zvzda.ru/articles/752ac3e4b1a7> (дата обращения: 15.02.2019).

Малютена А. Инстафотоохота. 10 мест в Томске, где еще можно сделать классные фото // Томский Обзор. 13.09.2018а. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/580348---instafotoohota-10-mest-v-tomske-gde-eshche-mozhno-sdelat-klassnye-foto> (дата обращения: 15.02.2019).

Малютена А. Инстафотоохота vol. 2. Еще 10 мест в Томске, где можно сделать красивые фото // Томский Обзор. 12.12.2018б. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/587044---instafotoohota-vol.2.-eshche-10-mest-v-tomske-gde-mozhno-sdelat-krasivye-foto> (дата обращения: 15.02.2019).

Мацера Ю. Краснодар – Москва // Краснодарская шука. 11.12.2017. URL: <http://thepike.ru/moscow> (дата обращения: 15.02.2019).

Митягина Е. Призрачные истории и подземные ходы Малой Покровской // NN-Stories. 13.12.2017. URL: <http://nn-stories.ru/2017/12/13/malaya-pokrovskaya/> (дата обращения: 15.02.2019).

Моисеев В. Как живет самый маленький город России // The Village. 28.08.2015. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/places/220731-the-town> (дата обращения: 15.02.2019).

Моринова М. Говорят и показывают // Новый компаньон. 17.01.2017/ № 1(905). URL: <https://www.newsko.ru/media/3634975/003-nk-905.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

Москва, где мы живем // The Village. 22.11.2018. URL: <https://www.the-village.ru/village/weekend/knigi/332547-gde-my-zhivem> (дата обращения: 15.02.2019).

Мурина Л. Гид по городу. Конструктивизм и сталинский ампиризм // Томский Обзор. 26.07.2018. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/576506---gid-po-gorodu-konstruktivizm-i-stalinskij-ampirizm> (дата обращения: 15.02.2019).

О медиа // 32. Трансформация. URL: <https://32transformation.ru/about> (дата обращения: 15.02.2019).

О нас // It's My City. URL: <https://itsmycity.ru/about> (дата обращения: 15.02.2019).

О проекте // Звезда. URL: <http://zvzda.ru/about> (дата обращения: 15.02.2019).

Панова О. На районе: «Вторчермет» для жизни // It's My City. 03.11.2015. URL: <https://itsmycity.ru/2015-11-03/olga-panova-o-meste-v-kotom-zhivet> (дата обращения: 15.02.2019).

Петров А. На районе: Ботаника такая Ботаника // It's My City. 26.11.2015. URL: <https://itsmycity.ru/2015-11-26/andrey-petrov-o-meste-v-kotom-zhivet> (дата обращения: 15.02.2019).

Поездка в Крым из Краснодара. Что нужно учесть? // Краснодарская шука. 31.08.2018. URL: <http://thepike.ru/krasnodar-krum> (дата обращения: 15.02.2019).

Польгалова Д. Как живет самый молодой город России // The Village. 18.09.2015. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/places/222053-innopolis> (дата обращения: 15.02.2019).

Прокушев В. 9 мест в Красноярске, где можно почувствовать себя героем сериала // Проспект Мира. 20.11.2018. URL: <https://prmira.ru/guide/9-mest-v-krasnoyarske-gde-mozhno-pochuvstvovat-sebya-geroem-seriala/> (дата обращения: 15.02.2019).

Путин В. В. Выступление на VIII Московском урбанистическом форуме «Мегаполис будущего. Новое пространство для жизни» // Президент России. 18.07.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58026> (дата обращения: 19.12.2018).

Путин В. В. Вступительное слово на расширенном заседании президиума Государственного совета по вопросам улучшения жилищных условий населения и формирования благоприятной городской среды // Президент России. 12.02.2109. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59817> (дата обращения: 13.02.2019).

Рузманова Ю. Я живу в элитном советском ЖК для иностранцев // The Village. 06.02.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/339591-zhk-park-pleys> (дата обращения: 15.02.2019).

Рузманова Ю. Я живу в поселке создателей советского атомного проекта // The Village. 07.02.2018a. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/299953-v-poselke-fizikov> (дата обращения: 15.02.2019).

Рузманова Ю. Куда пойти: Гид по Гагаринскому району // The Village. 11.10.2018b. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/city/328029-gid> (дата обращения: 15.02.2019).

Серов В. Гид по городу. 7 деревянных домов Томска, которые стоит увидеть // Томский Обзор. 19.07.2017. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/536082---gid-po-gorodu-7-derevjannyh-domov-tomska-kotorye-stoit-uidet> (дата обращения: 15.02.2019).

Серов В., Мацковская А. Гид по городу. 10 памятников Томска, которые обязательно нужно увидеть // Томский Обзор. 25.05.2017. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/531745---gid-po-gorodu-10-pamjatnikov-tomska-kotorye-objazatelno-nuzhno-uidet> (дата обращения: 15.02.2019).

Сивцова А. Отстояли: Жители Екатеринбурга отменили строительство Храма-на-воде // Strelka Magazine. 20.10.2017. URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2017/10/20/otstoyali-hram-na-vode> (дата обращения: 11.01.2019).

Солдатов В. На районе: «И сгореть на Семи ключах» // It's My City. 14.01.2016a. URL: <https://itsmycity.ru/2016-01-14/progulka-po-sortirovke-so-slavoy-soldatovym> (дата обращения: 15.02.2019).

Солдатов В. На районе: Куба недалеко // It's My City. 25.02.2016b. URL: <https://itsmycity.ru/2016-02-25/vyacheslav-soldatov-o-mikrorayone-zelenyy-ostrov> (дата обращения: 15.02.2019).

Татарникова О. Я живу в Городке Чекистов с прослушкой в вентиляции // The Village. 22.03.2017a. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/259504-check-it> (дата обращения: 15.02.2019).

Татарникова О. Я живу в жилкомбинате свердловского НКВД // The Village. 10.08.2017b. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/274652-nkvd-resort> (дата обращения: 15.02.2019).

Фотография: «историческое сердце города – плотинка и Городской пруд» // TripAdvisor. 25.04.2016. URL: <http://bit.ly/2NbBYQW> (дата обращения: 11.01.2019).

Хворенков Е. Неизвестный Томск: исследуем городские окраины // Томский Обзор. 04.09.2018a. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/578612---progulki-s-mega-fonom-strah-i-trepet-na-melnichnoj> (дата обращения: 15.02.2019).

Хворенков Е. Неизвестный Томск: Возвращение с юга // Томский Обзор. 08.10.2018b. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/581184---neizvestnyj-tomsk-issleduem-gorodskie-okrainy-2> (дата обращения: 15.02.2019).

Чернова С. 50 оттенков серого и стеклянные муравейники в центре: московские урбанисты раскритиковали Уфу // Уфа онлайн. 29.12.2018. URL: <https://ufa1.ru/text/gorod/65802951> (дата обращения: 15.02.2019).

Шаргородская А. Девять малоизвестных достопримечательностей Петербурга – и как туда попасть. Дворец с мраморной лестницей, секретный сад и здание со стеклянным куполом // Бумага. 25.01.2019. URL: <https://paperpaper.ru/photos/vosem-maloizvestnyh-dostoprimechate/> (дата обращения: 15.02.2019).

Шаталина М. Я живу в квартале ученых в Сколково // The Village. 20.07.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/275340-skolkovo> (дата обращения: 15.02.2019).

Шахов А. Монологи защитников городского пруда // The Village. 10.04.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/people/people/261730-prudekb> (дата обращения: 11.01.2019).

Яковлев А. Я живу в высотке на Котельнической набережной // The Village. 15.06.2017. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/267320-vysotka-na-kotelnicheskoj> (дата обращения: 15.02.2019).

Яковлев А. Я живу у самого уютного двора Москвы // The Village. 03.12.2018. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/where/332-085-uyutnyy-dvor> (дата обращения: 15.02.2019).

The Village + // The Village. URL: <http://plus-the-village.ru/> (дата обращения: 15.01.2019).

Список литературы

Абашев В. В., Печищев И. М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4(30). С. 201–214.

Абашев В. В., Печищев И. М. Истории, строящие города: городские интернет-газеты в медиаландшафте России // Журналистика и массовая коммуникация в XXI веке: материалы Всерос.

(с междунар. участием) науч.-практ. конф. Пермь: Титул, 2017. С. 6–20.

Вахитайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.

Верютина А. Урбанистика для наших читателей пока не актуальна [Интервью Сергею Простакову] // Открытая Россия. 03.10.2016. URL: <https://old.openrussia.org/post/view/18182/> (дата обращения: 16.12.2018).

Воскресенский С. Выступление на круглом столе «Экономика городского комфорта» // Канал Правительства России на YouTube. 14.02.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v8abNykS6wc> (дата обращения 14.02.2019).

Гейл Я. Города для людей. М.: Крост, 2012. 276 с.

Глазычев В. Л. Город в России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 137–144.

Колезев Д. Про город, мир и ощущение себя в городе и мире [интервью редакции] // 32. Трансформация. 2018. URL: https://32transformation.ru/dmitry_kolezev (дата обращения: 24.12.2018).

Колодий В. В., Колодий Н. А., Чайка Ю. А. Активизм и партисипаторность: социальные технологии сотрудничества с городским населением в процессе «производства» городского пространства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 175–185.

Левефр А. Производство пространства. М.: Strelka Press 2015. 432 с.

Москвин Д. «Города очень плохо проговорены»: о проекте «Авторские экскурсии в Перми» [интервью Ивану Козлову] // Звезда. 23.04.2018а. URL: <http://zvzda.ru/interviews/7334d3c3f691> (дата обращения: 15.02.2019).

Москвин Д. Право горожан на город [интервью редакции] // 32. Трансформация. 2018б. URL: https://32transformation.ru/dmitry_moskvin (дата обращения: 24.12.2018).

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 456 с.

Серто М. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2(70). С. 108–121.

Снопек К. Беляево навсегда: сохранение не-примечательного. М.: Strelka Press, 2013. 150 с.

References

Abashev V. V., Pechishchev I. M. Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizatsii [Local online media as agents of urbanization]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign. Problematic

Field of Media Education], 2018, issue 4(30), pp. 201–215. (In Russ.)

Abashev V. V., Pechishchev I. M. Istorii, stroya-shchie goroda: gorodskie internet-gazety v medi-landshafte Rossii [Stories building cities: local online newspapers in the Russian media landscape]. *Zhurnalistika i massovaya kommunikatsiya v XXI veke: materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.* [Journalism and mass communication in the 21st century: proceedings of All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Perm, Titul Publ., 2017, pp. 6–20. (In Russ.)

Vakhshayn V. Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom [Reassembling the city: between language and space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, issue 2, pp. 9–38. (In Russ.)

Veryutina A. Urbanistika dlya nashikh chitateley poka ne aktual'na [Urbanistics is not yet relevant for our readers]. *Otkrytaya Rossiya* [Open Russia]. October 3, 2016. Available at: <https://old.openrussia.org/post/view/18182/> (accessed 16.12.2018). (In Russ.)

Voskresenskiy S. Vystuplenie na kruglom stole «Ekonomika gorodskogo komforta» [Speech at the round table 'Economics of Urban Comfort']. *Kanal pravitel'stva Rossii na YouTube* [Channel of the Russian Government on Youtube]. 14.02.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=v8abNykS6wc> (accessed 14.02.2019). (In Russ.)

Gehl J. *Goroda dlya lyudey* [Cities for people]. Moscow, Krost Publ., 2012. 276 p. (In Russ.)

Glazychev V. L. Gorod v Rossii na poroge urbanizatsii [City in Russia on the threshold of urbanization]. *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsesssa* [City as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. Moscow, 1995, pp. 137–144. (In Russ.)

Kolezev D. Pro gorod, mir i oshchushchenie sebya v gorode i mire [About the city, the world and the sense of being in the city and the world]. *32. Transformatsiya* [32.Transformation]. Available at: https://32transformation.ru/dmitry_kolezev (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

Kolodiy V. V., Kolodiy N. A., Chayka Yu. A. Aktivizm i partisipatornost': sotsial'nye tekhnologii sotrudnichestva s gorodskim naseleniem v processe «proizvodstva» gorodskogo prostranstva [Activism and participation: social technologies of cooperation with urban population in the process of “production” of urban space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2017, issue 38, pp. 175–185. (In Russ.)

Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow, Strelka Press, 2015. 432 p. (In Russ.)

Moskvin D. «Goroda ochen' plokhо progovoreny»: o proekte «Avtorskie ekskursii v Permi» (interv'yū Ivanu Kozlovу) ['Cities are very poorly spoken': about the project 'Author's excursions in Perm' (interview to Ivan Kozlov)]. *Zvezda* [Star]. April 23, 2018. Available at: <http://zvzda.ru/interviews/7334d3c3f691> (accessed 15.02.2019). (In Russ.)

Moskvin D. Pravo gorozhan na gorod (interv'yū redaktsii) [The right of citizens to the city (interview to editorial)]. 32. *Transformatsiya* [32. Transformation]. Available at: https://32transformation.ru/dmitry_moskvin (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeyni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of 'parties' as the foundation of the community]. Transl. from English by A. Shirokanova. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014. 456 p. (In Russ.)

Certeau M. de Prizraki v gorode [Ghosts in the city]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency stock], 2010, issue 2(70), pp. 108–121. (In Russ.)

Snopek K. *Belyaevu navsegda: sokhranenie nepri-mechatel'nogo* [Belyaev Forever: Preserving the Generic]. Moscow, Strelka Press, 2013. 150 p. (In Russ.)

'A NEW SPACE HAS OPENED...':

LOCAL URBAN MEDIA IN THE URBAN ENVIRONMENT PRODUCTION

Vladimir V. Abashev

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. vv_abashev@mail.ru

SPIN-code: 5142-6370

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

ResearcherID: R-7980-2016

Ivan M. Pechishchev

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. ivan.perm@gmail.com

SPIN-code: 3163-1166

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3544-8799>

ResearcherID: D-2490-2019

Submitted 19.02.2019

The article deals with the activity of the urban-oriented media. It is a relatively new phenomenon in the structure of the Russian media. In our opinion, these online media are heuristically fruitful to consider as active agents of urbanization. They declare new ideas about the city and the culture of its use in the spirit of the concept of 'city for people' (Jan Gehl). They are also communication platforms for active urban communities. Developing the proposed view, in this article we focus on the role of the urban-oriented media in the production of urban space in the sense in which the concept of production was interpreted by Henri Lefebvre. In the context of the large-scale process of transformation that Russian cities are undergoing, in the recent decade the issues of the urban space development have become the subject of intense intellectual reflection and discussion in the media space. We can say that since the early 2010s the process of discursive rediscovery of urban space has been ongoing. Urban space is being studied from new points of view, determined by the change in the types of urbanism and understanding of the city as space comfortable for life, not only for industrial production, concentration of power functions and work. The subject of the analysis in the article is journalistic materials of columns devoted to the development of urban space in three Internet media: 'The Village' (Moscow), 'It's My City' (Yekaterinburg) and 'Zvezda' (Perm). The analysis shows that the discursive development of urban space in these publications is united by a common strategy, which we define as a *strategy of privatization of urban space*. It is characterized by the idea of combining historical and personal narratives in the story about the city. The article analyzes examples of features and quotes journalists and editors.

Key words: urbanization; local online media; local narratives; urban studies.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (Лаборатория региональной лексикологии и лексикографии, тел. (342)2396795), ауд. 111 (Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 11. Выпуск 2 / 2019

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицетова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 19.06.2019. Дата выхода в свет 25.06.2019
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,32. Тираж 500 экз. Заказ 113

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке